

ОСНОВЫ ПРОЧНАГО МІРА

ОСНОВЫ ПРОЧНАГО МИРА.

СТАТЬИ *COSMOS*'А
ПОЯВИВШЯСЯ ВЪ НЬЮ ЙОРКСКОМЪ *TIMES*.

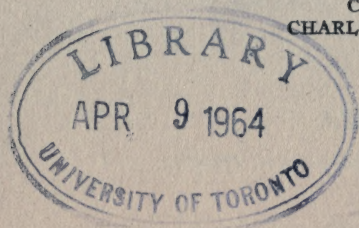
ДОСТОВѢРНОЕ ИЗДАНИЕ.

CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL
2 JACKSON PLACE
WASHINGTON, D. C.

NEW YORK
CHARLES SCRIBNER'S SONS
1917

D
613
B88

Copyright, 1917, by
CHARLES SCRIBNER'S SONS

891559

ПРИМЪЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ:

Эти статьи первоначально появились въ
Нью-Йоркскомъ Times за 20, 21, 22,
23, 24, 25, 27, 28, 30 ноября и 2, 4,
6, 9, 12, 15 и 18 декабря 1916 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

МИРЪ И УСЛОВІЯ МИРА.

Подъ вліяніемъ недавнихъ выступленій германскаго канцлера и британскаго премьера, мыслящая часть публики склонна думать, что наиболѣе вліятельные люди въ воюющихъ націяхъ Европы въ настоящее время отнеслись бы болѣе внимательно, чѣмъ они относились въ прошломъ, къ предложеніямъ, гдѣ были бы воплощены широкіе общіе принципы, на основѣ которыхъ долженъ быть заключенъ миръ. Раздѣляя этотъ взглядъ, нью-іоркскій «Times» обратился къ лицу, компетентность и авторитетъ котораго были бы признаны какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, за серіей статей по вопросу объ условіяхъ мира.

По мѣрѣ того, какъ эти статьи день за днемъ появлялись въ печати, публика могла убѣдиться въ той искренности, безпристрастномъ и справедливомъ отношеніи къ вопросу, широтѣ взглядовъ и глубокомъ пониманіи политическихъ принциповъ, съ которыми авторъ взвѣшивалъ и анализировалъ общія условія мира, а затѣмъ, одну за другой, политическія программы и интересы каждой изъ державъ, участвующихъ въ войнѣ, въ отдѣльности. Всѣ державы заявляютъ, что онѣ хотятъ мира на такихъ условіяхъ, которыя обезпечать его прочность. Предлагаемое изложеніе ясно намѣчаетъ путь къ длительному миру, примиряетъ сталкивающіеся притязанія и интересы, насколько они могутъ быть примирены, и представляетъ на разсмотрѣніе обще-

ственного мнѣнія такое разрѣшеніе конфликта, которое находится въ согласіи съ требованіями справедливости и съ правами малыхъ и большихъ націй, и обѣщаетъ свободу отъ бѣдствій войны на будущее время.

Нью-іоркскій «Times» убѣжденъ, что и здѣсь, и за границей, общество отнесется съ серьезнымъ вниманіемъ къ этимъ очеркамъ, въ виду тѣхъ обширныхъ познаній и той политической дальновидности, которыя они обнаруживаютъ, совершенно независимо отъ того выдающагося авторитета, отъ котораго они исходятъ.

Декабрь 1916 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
I	
Предвидится ли скорый конец войны.—Недавнія британскія и германскія заявленія по вопросу о цѣляхъ войны.—Сходство этихъ заявленій по формѣ	3
II	
Политика Великобританіи по отношенію къ малымъ націямъ и народамъ, борющимся за освобожденіе.—Ея политика въ международной торговлѣ.—Политика Германіи по отношенію къ малымъ націямъ и народамъ, борющимся за освобожденіе.—Является ли соглашеніе возможнымъ?	10
III	
Принципъ открытой двери въ международной торговлѣ, какъ факторъ мира.—Экономическая война и экономическія привилегіи, какъ несомнѣнная причина международного броженія	16
IV	
Что разумѣютъ подъ свободой морей.—Моря въ мирное время свободны.—Моря въ военное время	22
V	
Свобода частной собственности на морѣ, не представляющей контрабанды, отъ захвата или разрушенія воюющими сторонами.—Позиція Соединенныхъ Штатовъ.—Постановленія объязъ Гаагскихъ Конференцій	27
VI	
Франція въ войнѣ.—Цѣли Франціи: возвращеніе захваченныхъ территорій, возмѣщеніе за прошлое и національная безопасность.—Способъ добиться возмѣщеніе, который поможетъ прочному миру	35

VII		стр.
Эльзасъ-лотарингскій вопросъ.—Декларация 1871 года.—Неуспѣхъ германской политики ассимиляціи	42	
VIII		
Россія и славяне.—Либеральное движеніе въ Россіи.—Босфоръ и Дарданеллы	48	
IX		
Прусскій милитаризмъ.—Его основа и его причина.—Въ какой степени ему можетъ быть положенъ предѣлъ путемъ военной побѣды	56	
X		
Основные принципы новаго междунагоднаго порядка.—Права и обязанности націй.—Интернаціональное міросозерцаніе.—Международное право, какъ національный законъ	65	
XI		
Работы первой Гаагской Конференціи.—Разоруженіе и третейскія разбирательства.—Третейскій Судъ	72	
XII		
Работы второй Гаагской Конференціи.—Различіе между третейскимъ трибуналомъ и Международнымъ Судомъ.—Практическія предложенія въ цѣляхъ учрежденія настоящаго суда.—Аналогія между Международнымъ Судомъ и Верховнымъ Судомъ Соединенныхъ Штатовъ	80	
XIII		
Желательный планъ дѣйствій послѣ войны.—Программа для третьей гаагской конференціи.—Четыре конкретныхъ практическихъ предложенія	90	

XIV

стр.

Примѣненіе международнаго права и проведеніе въ жизнь новаго международнаго порядка.—Критика предложенія о примѣненіи силы, какъ средства заставить представлять всякій международный вопросъ суду или примирительному совѣту, прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія.—Соединеннымъ Штатамъ трудно было бы участвовать въ подобнаго рода соглашеній.—Дѣйствительная международная гарантія національной безопасности	99
---	----

XV

Участіе Соединенныхъ Штатовъ въ примѣненіи международнаго права и въ проведеніи въ жизнь новаго международнаго порядка.—Доктрина Монро.—Европейская и американская области юрисдикціи.—Подготовка Соединенныхъ Штатовъ къ участію въ международныхъ дѣлахъ.—Національная политика и служеніе націи	109
--	-----

XVI

Заключеніе.—Вопросы будущаго.—Основные элементы прочнаго мира	119
---	-----

Приложеніе	127
----------------------	-----

- I. Отъ Холль Кэна къ Космосу.
- II. Отъ Космоса къ Холль Кэну.
- III. Отъ Холль Кэна къ Космосу.
- IV. Отвѣтъ Космоса критикамъ.
- V. По поводу статей Космоса.

ОСНОВЫ ПРОЧНАГО МІРА

I.

Предвидится ли скорый конецъ войны.—Недавнія британскія и германскія заявленія по вопросу о цѣляхъ войны.—Сходство этихъ заявленій по формѣ.

ПРИШЛО время поставить на разсмотрѣніе вопросъ о возможности положить въ близкомъ будущемъ конецъ войнѣ путемъ международнаго соглашенія, въ которомъ участвовали бы и Соединенные Штаты.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцовъ центръ мірового интереса непрерывно передвигался. Онъ теперь готовъ установиться на новой и глубоко значительной точкѣ. Вопросъ о томъ, кто или какая держава несетъ главную отвѣтственность за событія, непосредственно предшествовавшія войнѣ, для настоящаго момента сталъ вопросомъ, представляющимъ лишь чисто историческій интересъ. Возможно, что пройдетъ цѣлое поколѣніе, прежде чѣмъ онъ будетъ рѣшенъ ко всеобщему удовлетворенію. Важность вопросовъ, выдвинутыхъ войной, отбросила на задній планъ споры о непосредственныхъ причинахъ войны. Поразительная хроника развитія войны, гдѣ перемежаются страницы жестокости и героизма, опустошеній и самопожертвованія, безчеловѣчной бойни и блестящихъ побѣдъ національнаго генія, такъ богата и такъ полна событій, что ея оказалось слишкомъ много для человѣческой оцѣнки и для человѣческаго пониманія. Мы теперь поневолѣ стали тупы и нечувствительны къ такимъ событіямъ, изъ которыхъ любое въ обычное время загло бы воображеніе и вдохновило искусство и литературу цивилизованнаго міра.

Люди вездѣ были такъ подавлены огромностью войны, когда она внезапно разразилась, они были такъ поражены всѣмъ тѣмъ, что она раскрыла, и той колоссальной данью, которой она потребовала въ видѣ чело-вѣческихъ жизней, матеріальныхъ богатствъ и всевозможныхъ жертвъ, что въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ они не могли видѣть другого рѣшенія міровой проблемы, поставленной войной, какъ предоставить войнѣ идти своимъ теченіемъ до тѣхъ поръ, пока та или другая группа великихъ противниковъ не вынуждена будетъ пасть подъ ударами. Свободно дѣлались предсказанія, что это случится черезъ три мѣсяца, черезъ шесть мѣсяцевъ, самое большое черезъ годъ. Лордъ Китченеръ, почти одинъ, назвалъ три года, какъ вѣроятный срокъ войны. Изъ этого срока почти два съ половиной года уже прошли, а конца не видно. Однако, нѣкоторыя вещи очевидны теперь для наблюдающаго міра. Теперь ясно, что Германская Имперія и ея союзники не могутъ выиграть войну. Это обстоятельство, которое съ вѣрой предсказывалось послѣ сраженія на Марнѣ, которое рас-судокъ позволялъ предвидѣть послѣ неудачи у Вердена и событий на Восточномъ фронтѣ, теперь стало неоспоримымъ фактомъ, благодаря сраженію на Соммѣ, которое растянулось уже на четыре долгихъ мѣсяца, и благодаря несломленному, полному господству Великобританіи на морѣ. Очевидно въ то же время, что если Великобританія и ея союзники могутъ выиграть войну, и несомнѣнно выиграютъ ее, побѣда будетъ куплена такой невѣроятно высокой цѣной, и результатомъ будетъ такое ужасающее истощеніе въ людяхъ, въ деньгахъ и въ промышленныхъ силахъ, что побѣда при такихъ условіяхъ должна будетъ означать бѣдствіе, почти равно-сильное пораженію.

Въ послѣднее время, какъ въ воюющихъ странахъ, такъ и въ нейтральныхъ, много вниманія удѣлялось обсужденію вопроса о томъ, какъ можно было бы въ будущемъ избѣжать повторенія подобныхъ взрывовъ международной войны. Это безспорно въ высшей степени практическій вопросъ для правительствъ и для народовъ. Но еще болѣе практическій вопросъ для правительствъ и для народовъ, это вопросъ о томъ, какъ привести настоящую войну къ концу, не дожидаясь болѣе полного истощенія, новыхъ и болѣе значительныхъ разрушеній, новаго и болѣе глубокаго ущерба цивилизаціи;—при томъ условіи, конечно, что великіе вопросы моральнаго принципа, которые затронуты войной, получаютъ справедливое разрѣшеніе.

Нѣтъ недостатка въ признакахъ, показывающихъ, что воюющія державы подготовлены къ тому, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ имъ рѣшительно, прямо и энергично. Предпринять это значитъ, прежде всего, попытаться найти общую почву для дискуссіи. Для этого мы прежде всего должны обратиться къ воюющимъ державамъ за заявленіемъ о томъ, въ чемъ каждая изъ нихъ видитъ тѣ задачи, во имя которыхъ война теперь продолжается. Это, въ свою очередь, означаетъ, что мы прежде всего должны обратиться за отвѣтомъ къ Великобританіи и къ Германіи.

На первый взглядъ, война началась, какъ конфликтъ между Австро-Венгріей, съ одной стороны, и Сербіей, съ другой. Съ молніеносной быстротой выяснилось, что этотъ конфликтъ въ юго-восточномъ углу Европы былъ не причиной, а симптомомъ, и что матеріалъ для міровой войны былъ наготовѣ въ видѣ притязаній, взаимной подозрительности, соперничества и программъ міровой политики великихъ державъ Сѣвера

и Запада. Становится все болѣе ясно, что война, въ послѣднемъ счетѣ, является въ сущности, титанической борьбой между двумя рѣзко противоположными возрѣніями на правительство и на жизнь, носителями которыхъ являются Германія и Великобританія. Первая атака на Сербію имѣла цѣлью укрѣпить позиціи центральныхъ державъ и содѣйствовать осуществленію ихъ общихъ политическихъ цѣлей. Россія бросилась къ оружію,—чтобы не допустить дальнѣйшаго порабощенія славянской націи. Германія быстро вооружилась,—чтобы отбить возможную атаку съ Востока, съ одной стороны, а, съ другой стороны, разъ ужъ пожаръ былъ зажженъ, чтобы пробиться впередъ и добиться господства на моряхъ. Вторженіе въ Бельгію было не цѣлью, а средствомъ. Цѣлью была Калэ, проливъ Паде-Калэ, Великобританія и господство на моряхъ и океанахъ. Все это мы можемъ видѣть теперь.

Каково положеніе въ настоящій моментъ? Продолжаютъ ли эти цѣли, которыя когда-то были очевидны, властвовать надъ умами воюющихъ народовъ и направлять ихъ политику? Смерть, страданія, лишенія, дали слову война новый и ужасный смыслъ для народовъ, которые знали долгое поколѣніе мира. Если ни въ одной изъ воюющихъ странъ незамѣтно, чтобы усилія начинали ослабѣвать, или чтобы отсутствовало убѣжденіе въ правотѣ національнаго дѣла, то въ то же время можно ясно видѣть, какъ вездѣ зарождается стремленіе отыскать такое рѣшеніе проблемъ войны, которое не означало бы продолженія, можетъ быть на десятокъ лѣтъ, теперешняго царства крови и разрушенія. Въ воздухѣ носятся безпроводочныя посланія, исходящія отъ главъ различныхъ государствъ. Кто долженъ перехватывать ихъ, истолковывать ихъ, реагировать на нихъ? Этикетъ войны не

допускаетъ, чтобы Великобританія въ настоящій моментъ обращалась къ Германіи, или чтобы Германія давала учтивый отвѣтъ Великобританіи. Но когда г. Асквиль и виконтъ Грэй въ парламентѣ говорятъ о цѣляхъ и задачахъ войны, то къ кому они, въ сущности, обращаются? И когда германскій имперскій канцлеръ въ рейхстагѣ поднимается и отвѣчаетъ на опубликованныя заявленія виконта Грэя, то къ кому, въ сущности, онъ обращается? Развѣ можно отрицать, что эти государственные люди сейчасъ, на нашихъ глазахъ, ведутъ, въ сущности, публичную дискуссію объ условіяхъ мира, объ условіяхъ, на которыхъ можетъ быть прекращена война, хотя по внѣшности они дѣлаютъ лишь формальныя заявленія передъ своими непосредственными коллегами?

23 октября, выступая передъ Ассоціаціей Иностранной Прессы въ Лондонѣ, виконтъ Грэй высказался слѣдующимъ образомъ:

«Какъ заявилъ нашъ премьеръ, мы будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока мы не утвердимъ для всѣхъ государствъ, большихъ и малыхъ, какъ для единой семьи цивилизованнаго человѣчества, право на верховную власть и на свободное развитіе, на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ, и для каждаго государства въ согласіи съ его гениемъ».

Это возвышенный идеалъ, который не можетъ не найти отклика во всякомъ свободолюбивомъ сердцѣ во всѣхъ частяхъ міра, и можно лишь апплодировать твердому заявленію виконта Грэя, что «когда насъ спрашиваютъ, какъ долго эта борьба будетъ продолжаться, мы можемъ отвѣтить лишь одно: она должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока эти цѣли не будутъ достигнуты». Но

можно ли утверждать, что эти цѣли не могутъ быть достигнуты иначе, какъ продолжая борьбу до крайняго конца?

Случилось такъ, что намъ не приходится сомнѣваться относительно отвѣта Германіи. 9 ноября канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, выступая въ такъ называемой главной комиссіи рейхстага, прямо сослался на это заявленіе виконта Грэя. Онъ настаивалъ, конечно, что война была навязана Германіи, и что Германія поэтому должна имѣть право требовать гарантій противъ повторенія подобныхъ нападений въ будущемъ. Но къ этому онъ прибавилъ заявленіе, которое является рѣшительно самымъ значительнымъ, какое когда-либо дѣлалось въ германской официальной жизни на памяти людей нашего поколѣнія. Вотъ его знаменательныя слова:

«Мы никогда не скрывали нашихъ сомнѣній о возможности обезпеченія постояннаго мира путемъ международныхъ организацій, вродѣ третейскихъ судовъ. Я не стану обсуждать здѣсь теоретическую сторону вопроса. Но, съ практической точки зрѣнія, мы и теперь, и въ мирное время, должны опредѣлить нашу позицію въ этомъ вопросѣ.

«Если въ моментъ прекращенія войны, или послѣ нея, міръ только отдастъ себѣ полный отчетъ въ этомъ ужасающемъ разрушеніи жизни и собственности, то черезъ ряды всего человѣчества пронесется кличъ за мирные методы улаженія конфликтовъ и за соглашенія, которые могли бы предотвратить, насколько это въ человѣческихъ силахъ, повтореніе такой чудовищной катастрофы. Этотъ кличъ будетъ такъ могучъ, и дѣйствительность будетъ такъ оправдывать его, что онъ долженъ будетъ повести къ какому-нибудь результату.

«Германія окажетъ честное содѣйствіе въ разсмо-

тѣмъ всѣхъ попытокъ найти практическое рѣшеніе вопроса и будетъ содѣйствовать его возможному осуществленію. И это тѣмъ болѣе, если война, какъ мы ждемъ и вѣримъ, создастъ такія условія, которыя обезпечать въ полной мѣрѣ свободное развитіе всѣхъ націй, какъ большихъ, такъ и малыхъ. Тогда принципы справедливости и свободного развитія должны будутъ вступить въ силу не только на континентѣ, но и на моряхъ. Объ этомъ, конечно, виконтъ Грэй не упомянулъ».

Сравненіе этихъ двухъ глубоко важныхъ заявленій показываетъ, что не должно являться невозможностью найти такую формулу по вопросу о свободномъ развитіи всѣхъ государствъ, большихъ и малыхъ, какъ членовъ единой семьи народовъ, которая удовлетворила бы одновременно и британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и германскаго имперскаго канцлера.

Здѣсь немедленно встаютъ два вопроса. Когда виконтъ Грэй и канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ говорятъ по существу въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о свободномъ развитіи всѣхъ націй, имѣютъ ли они дѣйствительно въ виду одно и то же? И если да, то что можно сказать по поводу Бельгіи и Сербіи? И затѣмъ, какъ смотрѣть на положеніе дѣлъ на моряхъ?

II.

Политика Великобританіи по отношенію къ малымъ націямъ и народамъ, борющимся за освобожденіе.— Ея политика въ международной торговлѣ.— Политика Германіи по отношенію къ малымъ націямъ и народамъ, борющимся за освобожденіе.— Является ли соглашеніе возможнымъ?

КОГДА виконтъ Грэй и канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ говорятъ по существу въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ объ установленіи права всѣхъ націй, большихъ и малыхъ, на свободное развитіе, имѣютъ ли они въ виду дѣйствительно одно и то же?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, будетъ полезнѣе прибѣгнуть къ указаніямъ историческаго опыта, чѣмъ къ чисто теоретическимъ разсужденіямъ. Итоги политики Великобританіи, и въ частности то, что въ этихъ итогахъ приходится на долю либеральнаго правительства послѣднихъ семидесяти пяти лѣтъ, представляются завидными, за однимъ лишь исключеніемъ. Россаль, Пальмерстонъ, Гладстонъ, Кэмпбелъ-Баннерманъ и Асквиль оказывали систематическую поддержку слабымъ и борющимся націямъ, стремившимся къ большей свободѣ, и проявляли сочувствіе по отношенію къ національностямъ, насильно поглощеннымъ завоевателемъ. Великобританія была другомъ Бельгіи, Италіи, Греціи. Въ Канадѣ, въ Австраліи, въ Южной Африкѣ, она проводила колониальную политику, которая была столь же разумной, сколько искусной. Образъ

дѣйстви́й Гладстона послѣ сраженія на горѣ Мауба и сэра Генри Кэмпбелъ-Баннермана послѣ южно-африканской войны, образъ дѣйстви́й, вызвавшій столько нападко́въ, въ результатѣ создалъ болѣе тѣсную связь между южно-африканскимъ народомъ и британской имперіей, чѣмъ какая когда-либо существовала. Единственная слабая сторона въ отношеніи Великобританіи къ національной проблемѣ, это Ирландія. Въ моментъ, когда разразилась война, ирландскій вопросъ, со всѣми его осложненіями, созданными проблемами землевладѣнія, рѣзкой религіозной антипатіи и традиционныхъ расовыхъ противорѣчій, казался на вѣрномъ пути къ разрѣшенію, по крайней мѣрѣ временному, и, можетъ быть, еще болѣе крупный шагъ будетъ сдѣланъ, какъ только окончится война.

Начиная съ 1846 года, великобританская политика свободной торговли несомнѣнно послужила на пользу міру въ цѣломъ и всѣмъ націямъ, большимъ и малымъ. Если бы такая политика въ свое время могла быстро распространиться и стать всеобщей, то настоящія проблемы международной торговли и международныхъ сношеній стояли бы совершенно иначе, и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя причины международныхъ войнъ были бы устранены. Великобританія не только отстаивала политику «открытой двери» въ другихъ странахъ, но она одна среди крупныхъ націй примѣняла «открытую дверь» у себя. Тѣ рѣзкія разногласія, которыя проявлялись въ послѣднія двадцать лѣтъ среди самихъ англичанъ по вопросу объ успѣхѣ политики свободной торговли, съ точки зрѣнія ея вліянія на внутреннія условія, не относятся къ нашему предмету. Съ точки зрѣнія міровыхъ отношеній важенъ тотъ очевидный фактъ, что политика свободной торговли предста-

вляла выгоду для всѣхъ другихъ націй, большихъ и малыхъ. Эта политика давала имъ стимуль британскихъ рынковъ и добавочный стимуль британской конкуренціи. Исторія германской торговли показываетъ, что для Германіи великобританская торговая политика представляетъ всѣ выгоды и никакихъ невыгодъ.

Принимая во вниманіе эти факты, можно поэтому съ полнымъ основаніемъ заключить, что виконтъ Грэй имѣетъ въ виду, что каждая нація, безразлично большая или малая, должна имѣть возможность свободно развиваться, какъ развивалась Бельгія, Италія, Греція; что каждой національности, которая зависитъ отъ другой, должна быть дана полная мѣра самоуправленія, которая является характерной для Канады, для Австраліи и для Южной Африки; и что ограниченія и стѣсненія международной торговли должны быть сведены къ возможному минимуму. Примѣненіе этого принципа удовлетворило бы людей либеральнаго образа мыслей, гдѣ бы они ни находились, и поставило бы международный миръ на болѣе прочную основу, чѣмъ онъ когда-либо имѣлъ.

Итоги политики Германіи по отношенію къ другимъ націямъ, особенно по отношенію къ небольшимъ націямъ, совершенно иные. Эта разница объясняется, конечно, отчасти тѣмъ, что Германія находилась въ другихъ внѣшнихъ условіяхъ, чѣмъ Великобританія. Отчасти, однако, это объясняется и разницей въ государственномъ принципѣ. Германія, въ отличіе отъ Великобританіи, не была изолирована на островѣ, а была надѣлена длинными и легко переходимыми границами, которыя соприкасались съ границами другихъ, совершенно отличныхъ народовъ. Отношенія Германіи съ Польшей и съ Даніей были до нѣкоторой степени тѣ же, какія су-

ществовали между Англїей, съ одной стороны, и Шотландїей и Уэльсомъ, съ другой, во времена трехъ Эдуардовъ. Однако, изъ тѣхъ войнъ, къ которымъ повели отношенія между послѣдними странами, вышла дѣйствительно объединенная Великобританія, а не насильственное поглощеніе несчастныхъ подчиненныхъ народовъ. Въ настоящій моментъ англійскій премьеръ является депутатомъ отъ шотландскаго округа, а военный министръ родомъ изъ Уэльса. Обращеніе Германіи съ Польшей, съ Шлезвигъ-Гольштейнскими герцогствами и съ Эльзасъ-Лотарингіей представляется неудачнымъ, чтобы не сказать больше, съ точки зрѣнія націи, которая принимаетъ близко къ сердцу свободное развитіе всѣхъ націй, большихъ и малыхъ безразлично. Аргументъ національной необходимости, который выставляется въ объясненіе этого обращенія, такъ же какъ въ защиту вторженія въ Бельгію, не звучитъ убѣдительно для людей нашего времени. Однако, мы не должны слишкомъ легко отбрасывать его изъ-за нашей неспособности понять германскую точку зрѣнія.

Князь Фонъ-Бюловъ характеризуетъ политику Германіи по отношенію къ Польшѣ, какъ «цивилизаторскую миссію», и говоритъ, что если бы Пруссія не овладѣла той частью Польши, которая теперь составляетъ Восточныя провинціи, эти провинціи попали бы подъ власть Россіи. Когда дѣлается такое утвержденіе, то имѣются въ виду двѣ вещи: во-первыхъ, что для національнаго развитія Германіи было бы невыгодно, если бы эти провинціи попали въ руки Россіи; во-вторыхъ, что Германія могла сдѣлать больше для развитія Польши, или той ея части, которую она аннексировала, чѣмъ могла бы сама Польша. О первомъ можно спорить долго и бесполезно; со вторымъ связанъ

опредѣленный вопросъ, имѣющій прямое отношеніе къ значенію словъ «право всѣхъ націй, большихъ и малыхъ, на свободное развитіе». Если Польша, нація, обладающая языкомъ, литературой и совокупностью собственныхъ традицій, не хочетъ быть поглощена ни Германіей, ни Россіей, то поглощать ее представляется намъ нарушеніемъ тѣхъ принциповъ, которые канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ возвѣщаетъ сей-часъ, какъ свои собственные. Союзныя державы публично взяли на себя обязательство создать автономную Польшу. Было бы, можетъ быть, возможно найти разрѣшеніе, если истолковать слова канцлера въ томъ смыслѣ, что въ такихъ вопросахъ, какъ польскій или юго-славянскій, заинтересованныя націи должны имѣть возможность сами рѣшить, предпочитаютъ ли онѣ автономію съ національной независимостью, или автономію съ сохраненіемъ зависимости по отношенію къ какой-нибудь болѣе крупной сосѣдней державѣ. Для того, чтобы удовлетворить либеральное общественное мнѣніе всего міра, необходимо, чтобы такіе народы, и народъ Ирландіи также, получили автономію. Что касается національной независимости, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она давно была утеряна, или гдѣ она никогда не была приобрѣтена, въ связи съ ней встаетъ новый рядъ вопросовъ, на которые врядъ ли можно отвѣтить иначе, какъ послѣ детальнаго разсмотрѣнія каждаго отдѣльнаго случая.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, сходятся ли канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и виконтъ Грэй на этомъ пунктѣ, какъ будто сводится къ вопросу, согласна ли Германія позволить полякамъ и юго-славянамъ самимъ выбрать для себя форму организаціи и самимъ руководить ею. Если да, то соглашеніе между

Германіей и Великобританіей, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, представляется безусловно возможнымъ. Если бы Германія не рѣшилась дать свое согласіе на томъ основаніи, что дѣло идетъ о ея собственной національной безопасности, то отвѣтъ долженъ быть найденъ въ тѣхъ новыхъ формахъ международной гарантіи національной безопасности, которыя, мы надѣемся, будутъ предложены и приняты по окончаніи войны.

Политика Германіи въ прошломъ не разъ состояла въ томъ, чтобы пріобрѣтать, вездѣ гдѣ возможно, исключительныя торговыя привилегіи и настаивать на нихъ. Германія была лишена тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый вѣкъ создали для Англіи, и которыя сдѣлали возможнымъ созданіе большихъ колониальныхъ владѣній въ умѣренной зонѣ; поэтому она не прошла черезъ то испытаніе, черезъ какое прошла Англія въ управленіи такими колоніями, какъ Канада, Австралія или Южная Африка. Но, насколько можно судить по указаніямъ прошлаго, мы видимъ, что Германія стоитъ за исключительныя торговыя привилегіи, по крайней мѣрѣ какъ за базисъ для дипломатическихъ переговоровъ, тогда какъ Англія отстаиваетъ принципъ «открытой двери». Надо поэтому принять въ соображеніе, насколько полезно было бы всякое предложеніе, которое сдѣлало бы возможной со стороны Германіи поддержку политики «открытой двери», какъ средства для созданія болѣе тѣсной связи между націями всего міра и для устраненія одной крупной причины международного соперничества и зависти.

III.

Принципъ «открытой двери» въ международной торговлѣ, какъ факторъ мира.—Экономическая война и экономическія привиллегіи, какъ несомнѣнная причина международнаго броженія.

ТО, ЧТО для удобства можно назвать принципомъ «открытой двери» въ международной торговлѣ не означаетъ непременно полного отказа отъ таможенныхъ пошлинъ,—все равно, будутъ ли онѣ служить источникомъ дохода для государства или даже орудіемъ для покровительства, если только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предметомъ покровительства являются дѣйствительные интересы живыхъ людей, а не чисто денежные интересы. Поскольку пошлины взимаются той или иной націей, какъ необходимый источникъ дохода, или поскольку, по мнѣнію той или иной націи, онѣ являются необходимыми для удержанія на должной высотѣ уровня жизни рабочаго класса или для развитія многообразія въ промышленной дѣятельности, и поскольку онѣ примѣняются одинаково ко всѣмъ націямъ,—онѣ остаются примиримыми съ принципомъ «открытой двери» въ широкомъ смыслѣ. Чего принципъ «открытой двери» дѣйствительно требуетъ, это новаго міровоззрѣнія у такихъ націй, какъ Германія, Франція и Соединенные Штаты, въ которыхъ до сихъ поръ слишкомъ

сильно господствовало представлѣніе, что всякій ввозъ вреденъ, и что онъ вытѣсняетъ соотвѣтствующее количество продуктовъ внутренняго производства. До тѣхъ поръ пока хоть одна изъ крупныхъ націй придерживается той ложной теоріи, по которой международная торговля является чисто случайнымъ элементомъ въ національной экономической дѣятельности и иногда даже вредить ей, до тѣхъ поръ другія крупныя націи будутъ сохранять свое изолированное положеніе и, въ большей или меньшей степени, слѣдить за прочностью таможенныхъ стѣнъ, ограждающихъ ихъ. Все, что можетъ быть сдѣлано для облегченія и расширенія международной торговли, должно быть сдѣлано по общему соглашенію между великими торговыми націями міра.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что ошибочныя и обманчивыя взгляды на международную торговлю сыграли бѣольшую роль, чѣмъ какая-либо другая отдѣльная причина, въ развитіи того международного соперничества и подозрительности, которыя предшествовали войнѣ и сдѣлали ее возможной. Какъ устранить это соперничество и эту подозрительность, и какъ установить новый, болѣе разумный и болѣе широкій взглядъ на международную торговлю на мѣсто того взгляда, который до сихъ поръ преобладалъ,—вотъ одна изъ самыхъ серьезныхъ сторонъ проблемы осуществленія подлиннаго міра.

Этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ одними экономистами. Болѣе того, они не являются компетентными для его рѣшенія, какъ достаточно ясно показываетъ тотъ фактъ, что три наиболѣе выдающихся гер-

манскихъ экономиста настоящаго поколѣнія рѣзко расходятся во взглядахъ на этотъ вопросъ. Профессоръ Вагнеръ проповѣдуетъ послѣдовательный протекціонизмъ, профессоръ Brentano проповѣдуетъ полную свободу торговли, а профессоръ Schmollerъ занимаетъ среднюю позицію. Такія же разногласія, хотя, можетъ быть, не всегда въ такой опредѣленной формѣ, существуютъ и въ рядахъ французскихъ, британскихъ, русскихъ, итальянскихъ и американскихъ экономистовъ. Этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ, если онъ вообще будетъ разрѣшенъ, на широкой основѣ созидательныхъ принциповъ государственной дѣятельности, и исходя изъ точки зрѣнія справедливаго и прочнаго международнаго мира, въ установленіи котораго каждая нація должна охотно принять участіе.

Нельзя закрывать глаза на то, что въ Великобританіи существуетъ вліятельная политическая группа, опирающаяся на сильную поддержку со стороны нѣкоторыхъ экономистовъ, которая хотѣла бы, чтобы Великобританія отказалась отъ тѣхъ принциповъ торговой политики, которыхъ она придерживалась послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, и установила режимъ торговаго антагонизма и международной подозрительности. Если-бы Великобританія сейчасъ существенно измѣнила свою торговую политику, то это означало бы почти катастрофу. То скорое присоединеніе другихъ націй къ либеральной торговой политикѣ, которое предвидѣли Кобденъ и Брайтъ, и которое они съ такой увѣренностью предсказывали полвѣка назадъ, не осуществилось; но ни-

когда еще не было такого благоприятнаго момента для присоединенія другихъ націй, какъ настоящій моментъ. Подъ давленіемъ всеобщаго стремленія къ прочному миру можетъ осуществиться то, чего въ теченіе ряда поколѣній не могли осуществить доказательства словомъ и примѣромъ. Если только Великобританія откажется измѣнить свою торговую политику, она этимъ окажетъ еще большую услугу дѣлу всеобщаго мира, чѣмъ она можетъ оказать своимъ флотомъ, своей арміей и своими почти неограниченными финансовыми ресурсами.

Экономическая конференція союзныхъ державъ, состоявшая въ Парижѣ 14—17 іюня 1916 года, представляла громаднѣйшій интересъ. Поскольку эта конференція была занята обсужденіемъ тѣхъ экономическихъ мѣръ, которыя должны проводиться представленными державами во время войны, здѣсь не мѣсто разсматривать ея заключенія и постановленія. Поскольку, однако, конференція предусматривала періодъ планомерной и систематически организованной экономической борьбы, которая должна будетъ послѣдовать за окончаніемъ настоящей вооруженной борьбы, она представляетъ до крайности печальное и реакціонное явленіе. Два поколѣнія назадъ, лордъ Кларендонъ, говоря о кажущемся разрѣшеніи Восточнаго вопроса Парижскимъ трактатомъ, писалъ: «*Nous avons fait une paix, mais pas la paix*». Если за теперешней вооруженной борьбой немедленно должна послѣдовать новая и энергичная экономическая борьба, гдѣ будетъ пущенъ въ ходъ весь аппаратъ привилегій, спеціальныхъ ограниченій и спе-

ціальныхъ преимуществъ, то, конечно, послѣ войны можетъ наступить миръ, но это будетъ не тотъ устойчивый и прочный миръ, котораго настойчиво требуетъ весь міръ.

А въ это время, что касается народа Соединенныхъ Штатовъ, то онъ проходитъ черезъ новую школу. Война буквально навязала ему международную торговлю колоссальныхъ размѣровъ, и она быстро превращаетъ его изъ націи-должника въ націю-кредитора. Со времени начала войны, Соединенные Штаты откупили назадъ отъ Европы своихъ собственныхъ цѣнныхъ бумагъ значительно больше чѣмъ на два миллиарда долларовъ и, вдобавокъ, ссудили почти, а можетъ быть и всѣ, два миллиарда иностраннымъ государствамъ и городамъ. Этотъ новый и въ высшей степени полезный опытъ, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдніе годы американское общественное мнѣніе постепенно проникалось болѣе широкими и здоровыми взглядами на международную торговлю и на таможенные вопросы, показываетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ преобладающей является тенденція въ правильномъ направленіи. Факты такого рода, болѣе основательно, чѣмъ всякіе печатные аргументы, учатъ американскій народъ тому, что значить заниматься международной торговлей въ такомъ большомъ масштабѣ, и какъ такая дѣятельность расширяетъ кругъ симпатій и раздвигаетъ умственные рамки у всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно заинтересованъ въ ней. «Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше».

Союзныя державы имѣютъ исключительно благо-

пріятную возможность заложить основанія прочнаго мира, если по окончаніи войны онѣ предложатъ Германіи и ея союзникамъ полное участіе, на равныхъ основаніяхъ, въ міровой торговлѣ, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, что политическая дѣятельность въ чужихъ странахъ будетъ брошена, и что немедленно будетъ выработано соглашеніе для международной гарантіи національной безопасности. Ни союзники, ни Германія, не должны бояться, что въ такомъ случаѣ будетъ потеряно вліяніе ихъ національныхъ идеаловъ, ихъ политическихъ идей, или ихъ литературы. Вѣдь нельзя отрицать, какъ писалъ когда-то профессоръ Уильямъ Г. Сомнеръ, что «мы можемъ быть увѣрены, что американская пшеница оказала гораздо большее вліяніе на европейскія идеи, чѣмъ американскія идеи».

IV.

Что разумѣютъ подъ свободой морей?—Моря въ мирное время свободны.—Моря въ военное время.

ИСХОДЯ изъ тѣхъ принциповъ, которые мы до сихъ поръ обсуждали, намъ представляется, что соглашеніе между Великобританіей и Германіей по вопросу объ установленіи «права всѣхъ націй, большихъ и малыхъ, на свободное развитіе» зависитъ вѣроятно отъ предоставленія автономіи Ирландіи, Польшѣ и юго-славянскимъ народамъ, а также отъ всеобщаго признанія принципа «открытой двери» во внѣшней торговлѣ. Бельгія должна, конечно, быть возстановлена и вознаграждена Германіей. Точно такъ же, Сербія должна быть возстановлена и вознаграждена Австро-Венгріей. Какъ основаніе и опора для всѣхъ этихъ актовъ, необходимы новыя международныя гарантіи національной безопасности для всѣхъ народовъ, большихъ или малыхъ безразлично. Если-бы Великобританія и Германія могли столковаться по этимъ пунктамъ,—а почему бы онѣ не могли?—то нѣтъ основаній предполагать, что Франція или Россія стали бы уклоняться, развѣ только по вопросу о болѣе полномъ примѣненіи принципа «открытой двери» во внѣшней торговлѣ. Но Франція, которая не стремится ни къ чему чрезмѣрному для себя самой, которая требуетъ только національной безопасности и защиты тѣхъ принциповъ политическихъ отношеній, въ которые она горячо вѣритъ, Франція почти навѣрно дала бы свое согласіе на планъ, который тре-

бывалъ бы съ ея стороны маленькой жертвы въ видѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ ея торговой политикѣ, для того чтобы добиться такого крупнаго и постояннаго блага для себя самой и для всего міра. Что касается Россіи, то положеніе представляется въ такомъ же видѣ, особенно если Россіи можетъ быть обезпеченъ тотъ свободный доступъ къ морю въ теченіе круглаго года, къ которому она такъ долго стремилась, и который долженъ быть данъ ей, столько же во имя общихъ интересовъ, сколько во имя ея собственныхъ.

Тогда оставался бы только тотъ важный вопросъ, о которомъ говорилъ канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ въ своей рѣчи 9 ноября, и о которомъ не упомянулъ виконтъ Грэй въ своей рѣчи 23 октября, а именно вопросъ о положеніи дѣлъ на моряхъ.

Что Германія глубоко заинтересована въ этомъ вопросѣ, давно было очевидно. Свобода морей является однимъ изъ пяти пунктовъ, составляющихъ программу такъ называемаго Bund Neues Vaterland. Она выдвигается, какъ одна изъ задачъ міра, германскими социалистами. Докторъ Дернбургъ заключаетъ ее въ число тѣхъ шести условій міра, которыя онъ опубликовалъ 18 апрѣля 1915 года. Германскій имперскій канцлеръ, очевидно, особенно подчеркиваетъ это требованіе. Мы должны поэтому поставить вопросъ, что именно разумѣется подъ свободой морей, и въ какомъ смыслѣ эта свобода теперь отсутствуетъ или не признается.

Согласно международному праву въ его настоящей формѣ, моря являются, и давно являлись, свободными за предѣлами условной зоны въ три мили. Теперь больше нѣтъ пиратовъ, и за проѣздъ по морю отъ одного порта до другого никакой дани не взимается. Исключительныхъ правъ на океанскіе пути не существуетъ.

Такимъ образомъ, юридически моря являются даже болѣе свободными, чѣмъ суша. Маленькіе народы съ незначительнымъ военнымъ флотомъ, какъ норвежцы, датчане, голландцы, португальцы, вели и продолжаютъ вести успѣшную морскую торговлю въ широкихъ размѣрахъ. Сама Германія, въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, создала громадный торговый флотъ, и ко времени начала настоящей войны ея флагъ былъ такъ же хорошо извѣстенъ, какъ флагъ любой другой страны, въ морскихъ портахъ шести континентовъ. Казалось бы поэтому, что свобода морей, которой теперь требуютъ, не имѣетъ никакого отношенія къ нормальнымъ условіямъ междуна-роднаго мира; это требованіе, очевидно, всецѣло от-носится къ исключительнымъ условіямъ международной войны. Поэтому, поскольку въ будущемъ международныя войны могутъ быть предварены и предотвращены путемъ соглашенія на основѣ тѣхъ принциповъ, которые мы уже изложили, всѣ разногласія по вопросу о свободѣ морей должны исчезнуть. Если, однако, міру суждено еще видѣть другую международную войну, вродѣ той, которая теперь свирѣлствуетъ, то спрашивается, почему Германія такъ очевидно беспокоится о свободѣ морей?

Впрочемъ, еще не совсѣмъ ясно, къ какимъ имен-но опредѣленнымъ цѣлямъ стремится Германія, когда она настаиваетъ на свободѣ морей. Свобода морей, которой Соединенные Штаты, напри-мѣръ, обязаны своимъ существованіемъ, и за которую Голландія и Великобританія боролись въ прошломъ, это та свобода, которую опредѣлилъ Гроцій, когда онъ формулировалъ, какъ специфическую и неоспоримую аксіому междуна-роднаго права, смыслъ которой очевиденъ и неизмѣненъ, то положеніе, что «каждая нація свободна путеше-ствовать къ каждой другой націи и торговать съ ней». Имен-

но въ этомъ широкомъ и фундаментальномъ смыслѣ мѣръ уже давно обладаетъ свободой морей. Тѣ мѣстныя мѣропріятія, которыя такъ часто ограничиваютъ и стѣсняють международную торговлю, примѣняются не на самомъ морѣ, а только въ портахъ назначенія. Несомнѣнно, однако, что въ Германіи, какъ и въ Великобританіи, умы находятся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ одной американской книги, которая, въ общемъ, оказала большее вліяніе на современную европейскую политику, чѣмъ какое-либо другое произведеніе, опубликованное по эту сторону Атлантическаго океана. Это книга покойнаго адмирала Мэхена о «Вліяніи морской мощи на исторію». Этотъ замѣчательный трудъ не имѣетъ, однако, никакого отношенія къ вопросу о свободѣ морей. Онъ всецѣло посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ господствомъ на моряхъ, а это нѣчто совершенно другое. Два основныхъ утвержденія адмирала Мэхена состоятъ въ томъ, что торговля нуждается во флотѣ для защиты, и что господство на морѣ въ исторіи войны всегда было важнымъ, и часто рѣшающимъ факторомъ. Очевидно, что во время войны, и какъ одинъ изъ неизбѣжныхъ фактовъ войны, господство на моряхъ будетъ принадлежать наиболѣе сильному и наилучше распредѣленному флоту. Въ такое время невозможно, чтобы моря были свободны для военныхъ судовъ, и послѣднія вынуждены рисковать собой въ сраженіяхъ съ противникомъ. Обстоятельство, которое Германія имѣетъ въ виду, заключается, конечно, въ томъ, что британскій флотъ не только является достаточно сильнымъ, чтобы господствовать на моряхъ во время войны, но что онъ можетъ пользоваться, и дѣйствительно пользуется, этимъ господствомъ для того, чтобы лишить Германію и ея союзниковъ нѣкоторыхъ выгодъ торговли съ нейтральными странами,

на которую они юридически имѣютъ право. Дѣло, такимъ образомъ, сводится къ вопросу о торговлѣ нейтральныхъ странъ во время войны и о свободѣ частной собственности отъ захвата на морѣ. На эту тему въ послѣдніе годы было не мало споровъ, и тѣ принципы, которые Соединенные Штаты признали обязательными для себя, были не разъ формулированы. Имѣютъ ли Германія и нейтральныя страны какія-либо справедливыя основанія, и если да, то какія именно, жаловаться на Великобританію и на ея союзниковъ по поводу того примѣненія, какое Великобританія дѣлаетъ изъ своего господства на морѣ въ военное время, и въ какой степени приходится считаться съ этими протестами при выработкѣ основаній для справедливаго и устойчиваго мира?

У.

Свобода частной собственности на морѣ, не представляющей контрабанды, отъ захвата или разрушенія воюющими сторонами.—Позиція Соединенныхъ Штатовъ.—Постановленія обѣихъ Гаагскихъ Конференцій.

ИЗЪ того, что было сказано выше, вытекаетъ, какъ намъ кажется, что въ мирное время свобода морей существуетъ въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Спорные вопросы всецѣло касаются положенія и режима, которые создаются для торговыхъ судовъ и для ихъ груза въ военное время. Эти вопросы требуютъ детальнаго разсмотрѣнія блокады въ военное время, военной контрабанды, нарушающихъ нейтралитетъ услугъ, разрушенія нейтральныхъ призовъ, перевода судовъ подъ нейтральный флагъ, непріятельскаго характера судна или груза, института конвоя, сопротивленія обыску и вознагражденія. При всей важности и щепетильности этихъ вопросовъ, и при всемъ серьезномъ вниманіи, которое имъ удѣляли люди, стоящіе во главѣ морскихъ силъ, и международные юристы, они въ сущности подчинены болѣе широкому вопросу о свободѣ всякой частной собственности на морѣ, не представляющей военной контрабанды, отъ захвата и разрушенія воюющими сторонами. Если бы эта свобода была признана, какъ руководящій принципъ, то всѣ перечисленные вопросы не представляли бы затрудненій и были бы разрѣшены, какъ частичныя примѣненія основного принципа.

Первый вопрос, съ которымъ правительство Соединенныхъ Штатовъ обратилось къ правительству Великобританіи, когда началась эта война, заключался въ томъ, готово ли британское правительство согласиться на примѣненіе къ войнѣ на морѣ, во время настоящаго конфликта въ Европѣ, тѣхъ правилъ веденія войны на морѣ, которыя были формулированы лондонской деклараціей 1909 года,—при томъ условіи, что тѣ правительства, съ которыми Великобританія находится или будетъ находиться въ войнѣ, со своей стороны, примкнутъ къ соглашенію относительно примѣненія этихъ правилъ. 20 августа 1914 года было издано королевское повелѣніе, предписывавшее, чтобы въ теченіе настоящей войны было принято для руководства и примѣненія соглашеніе, извѣстное какъ Лондонская декларація, съ возможными добавленіями и измѣненіями. Дальнѣйшая исторія вопроса, включая мѣры, принятыя британскимъ правительствомъ въ видѣ добавленій или измѣненій къ этому королевскому повеленію, достаточно извѣстна. Съ августа 1914 года Соединенные Штаты послали Великобританіи рядъ формальныхъ нотъ по вопросамъ о военной контрабандѣ, о стѣсненіяхъ торговли и, въ частности, по дѣлу объ американскомъ пароходѣ *Wilhelmina*. Правительство Соединенныхъ Штатовъ показало, что оно живо чувствуетъ важность этихъ вопросовъ и инцидентовъ военнаго времени для всѣхъ нейтральныхъ державъ.

Въ связи съ первостепеннымъ вопросомъ о свободѣ всякой частной собственности на морѣ, не представляющей контрабанды, отъ захвата или разрушенія воюющими сторонами, Соединенные Штаты, въ теченіе всей исторіи нашего правительства, занимали одну выдержанную позицію. Уже такъ называемый Договоръ о Дружбѣ

и Торговлѣ 1785 года съ Пруссіей заключалъ пунктъ, устанавливавшій эту свободу отъ захвата. По этому договору, свободные корабли дѣлаютъ свободными товары. Договоръ отъ имени Соединенныхъ Штатовъ былъ подписанъ Бенъяминомъ Франклиномъ, Томасомъ Джефферсономъ и Джономъ Адамсомъ. Въ 1856 году Соединенные Штаты настаивали на включеніи этого пункта въ ту часть Парижской деклараціи, которая относится къ каперству. Отказъ со стороны другихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ деклараціи, включить этотъ пунктъ заставилъ правительство Соединенныхъ Штатовъ отказаться примкнуть къ Парижской деклараціи.

Формальныя инструкціи американской делегаціи на первую Гаагскую Конференцію 1899 года, подписанныя Джономъ Хэйемъ, какъ государственнымъ секретаремъ, заканчивались слѣдующими словами:

«Въ виду того, что Соединенные Штаты въ теченіе многихъ лѣтъ отстаивали свободу всякой частной собственности на морѣ, не представляющей военной контрабанды, отъ режима установленнаго для непріятельскаго груза, вамъ предоставляется предложить Конференціи принципъ распространенія на чисто частную собственность на морѣ той свободы отъ разрушенія и захвата воюющими державами, которой такая собственность уже пользуется на сушѣ, какъ принципъ, заслуживающій включенія въ перманентный сводъ права цивилизованныхъ націй».

28 апрѣля 1904 года, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ отвѣтилъ на посланія президента Макъ-Кинлея, отъ декабря 1898 года, и президента Рузвельта, отъ декабря 1903 года, слѣдующей общей резолюціей обѣихъ палатъ:

«Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ полагаетъ, что

въ интересахъ единообразія въ дѣйствіяхъ морскихъ державъ въ военное время желательно, чтобы президентъ направилъ свои усилія къ достиженію соглашенія между важнѣйшими морскими державами съ цѣлью включить въ основной сводъ права цивилизованныхъ націй принципъ свободы частной собственности на морѣ, не представляющей контрабанды, отъ захвата и разрушенія воюющими сторонами».

Формальныя инструкціи американской делегаціи на вторую Гаагскую Конференцію 1907 года, подписанныя Эліу Рутонъ, въ то время государственнымъ секретаремъ, заключалъ слѣдующій пунктъ:

«Вы будете отстаивать традиціонную позицію Соединенныхъ Штатовъ въ вопросѣ о свободѣ частной собственности воюющихъ странъ на морѣ».

И дальше г. Руть подробно обсуждалъ крупное значеніе этой политической позиціи.

На первой Гаагской Конференціи представители почти всѣхъ державъ настаивали на томъ, чтобы работы конференціи были строго ограничены вопросами, перечисленными въ русскомъ циркулярѣ отъ 30 декабря 1898 года, который содержалъ проектъ программы конференціи. Поэтому члены конференціи сперва отказались принять отъ американскихъ делегатовъ какія-бы то нибыло предложенія по вопросу о свободѣ частной собственности, не представляющей контрабанды, отъ захвата на моряхъ въ военное время. Позднѣе, однако, записка американскихъ делегатовъ, содержащая полное изложеніе отношенія Соединенныхъ Штатовъ въ прошломъ и въ настоящемъ ко всему вопросу, была принята, передана въ комиссію и, наконецъ, доложена комис-

сией конференціи. Конференція 1899 года приняла резолюцію, которая откладывала вопросъ на обсужденіе слѣдующей конференціи, такъ что единственное, чего американскимъ делегатамъ удалось достигнуть въ то время, было то, что вопросъ былъ поставленъ и выдвинуть передъ міромъ.

На второй Гаагской Конференціи, которая открылась 15 іюня 1907 года, вопросъ о частной собственности воюющихъ странъ на морѣ былъ включенъ въ оффиціальную программу. Онъ оказался среди тѣхъ вопросовъ, которые были переданы въ четвертую комиссію конференціи, предсѣдателемъ которой былъ г. Мартенсъ, изъ Россіи. Отъ имени Соединенныхъ Штатовъ внесено было опредѣленное предложеніе, которое было поддержано Бразиліей, Норвегіей, Швеціей, Австро-Венгріей и Китаемъ. Германія, которую поддерживала Португалія, хотя и допускала, что склоняется въ пользу предложенной неприкосновенности частной собственности, дѣлала оговорку въ томъ смыслѣ, что принятіе этого принципа подчинено предварительному соглашенію по вопросамъ о военной контрабандѣ и блокадѣ. Россія полагала, что вопросъ еще не созрѣлъ для практическаго разрѣшенія; а Аргентина категорически высказалась въ пользу сохраненія права захвата. Франція была готова поддержать американское предложеніе, еслибы оказалось возможнымъ придти къ единогласному соглашенію. Представители Великобританіи полагали, что невозможно отдѣлить вопросъ о свободѣ частной собственности отъ вопроса о торговой блокадѣ, и что прекращеніе торговли менѣе жестоко, чѣмъ тѣ массовыя убійства, которыя война вызываетъ. Тѣмъ не менѣе, британскіе делегаты заявили, что ихъ правительство согласно разсмотрѣть вопросъ о соглашеніи съ цѣлью уничтожить право захва-

та, если такое соглашеніе можетъ содѣйствоватьъ сокращенію вооруженій.

Когда предложеніе Соединенныхъ Штатовъ впервые было поставлено на голосованіе, то изъ сорока четырехъ представленныхъ государствъ, 21 голосовали за, 11 противъ, 1 воздержалось, а 11 государствъ не отвѣтили. Въ число двадцати одного государства, голосовавшихъ за, входили, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, слѣдующія державы, участвующія въ настоящей войнѣ: Германія (съ вышеуказанной оговоркой), Австро-Венгрія, Бельгія, Болгарія, Италія, Румынія и Турція. Противъ предложенія изъ державъ, участвующихъ въ настоящей войнѣ, голосовали Франція, Великобританія, Японія, Черногорія, Португалія и Россія.

Дискуссія въ четвертой комиссіи, въ большей степени чѣмъ результаты голосованія, даютъ основаніе вѣрить, что предложеніе Соединенныхъ Штатовъ можетъ быть принято по окончаніи войны. Возраженія, представленныя Франціей и Россіей, теперь должны будутъ легко отпасть. Оговорки, сдѣланныя Германіей, естественно будутъ обсуждены и получатъ разрѣшеніе непосредственно послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій. Остается Великобританія, среди населенія которой, въ торговыхъ кругахъ, уже существуетъ сильное теченіе въ пользу изъятія частной собственности на морѣ. Всего за три года до начала войны, на собраніи совѣта лондонской торговой палаты, резолюція, предложенная такимъ виднымъ лицомъ, какъ покойный лордъ Эвебери, и гласившая, «что по мнѣнію этой палаты частная собственность на морѣ должна быть объявлена свободной отъ захвата и добычи», была послѣ тщательнаго обсужденія принята единогласно. Около того же времени, и другія крупныя торговыя организаціи въ Великобрита-

ни приняли такія же постановленія. Говорять, что Англіи мѣшаетъ примкнуть къ этому принципу оффиціальное мнѣніе адмиралтейства; но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ предметомъ, въ которомъ адмиралтейства всего міра должны быть вынуждены уступить передъ разумными требованіями тѣхъ, чья собственность подвергается разрушенію или поврежденію, благодаря упорному отстаиванію того противнаго разуму и цивилизаціи принципа, который теперь господствуетъ. Вся политика разрушенія торговли въ сущности является устарѣлой и противорѣчащей современнымъ идеямъ публичнаго и частнаго права.

Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, надо будетъ настаивать на окончательномъ и благопріятномъ разрѣшеніи этого вопроса. Когда это будетъ сдѣлано, свобода морей въ военное время будетъ установлена настолько полно, насколько это допускаетъ самый фактъ войны. Разрѣшеніе подчиненныхъ вопросовъ о контрабандѣ и блокадѣ и о специфическомъ режимѣ проливовъ и каналовъ не должно представлять затрудненій, если, какъ это заявляютъ всѣ воюющія страны, стремленіе къ установленію постоянного мира дѣйствительно преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ.

Важное значеніе свободы и безопасности океанскихъ путей было въ сильныхъ выраженіяхъ констатировано канадскимъ премьеромъ, сэромъ Робертомъ Лэйрдомъ Борденомъ, въ рѣчи, произнесенной 18 ноября въ Нью-Йоркѣ. Война учитъ двумъ вещамъ, заявилъ сэръ Робертъ Борденъ: «Во-первыхъ, что свобода, безопасность и свободное существованіе нашей имперіи зависятъ отъ безопасности океанскихъ путей, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; далѣе, что если морская мощь не можетъ сама по себѣ быть орудіемъ міровой гегемоніи, она

въ то же время является самымъ могучимъ орудіемъ успѣшнаго сопротивленія міровой гегемоніи. Триста лѣтъ тому назадъ она навсегда разбила надменные притязанія, которыя тогда заявлялись на господство надъ торговыми путями Запада и на закрытіе этихъ путей для свободныхъ націй міра. Немного больше столѣтія тому назадъ, она отстояла свободу противъ притязаній на господство одной военной системы надъ всѣмъ міромъ. Теперь она остается оплотомъ все той же свободы, и она останется таковымъ. Время такой громадной отвѣтственности не должно ложиться на одну Англію, но должно падать и на ту болѣе крупную политическую единицу, которую составляютъ всѣ владѣнія короля.»

Не было ли бы еще лучше, и не была ли бы Великобританія еще болѣе обезпечена отъ опасности, еслибы это бремя ложилось на большія торговыя націи всего міра, связанныя между собой общей задачей,—осуществить свободу морей, какъ орудіе и необходимый элементъ прочнаго мира?

Здравый смыслъ человѣчества не будетъ, однако, удовлетворенъ никакимъ опредѣленіемъ свободы морей въ военное время, которое рѣшительно не отнесетъ къ категоріи разбоя такія невѣроятныя проявленія варварства, какъ тѣ, съ какими навсегда будутъ связаны въ исторіи слова «Лузитанія» и «Сэссексъ».

VI.

Франція въ войнѣ.—Цѣли Франціи: возвращеніе захваченныхъ территорій, возмѣщеніе за прошлое и національная безопасность.—Способъ добиться возмѣщенія, который поможетъ прочному миру.

ЕСЛИ предположить, что Великобританія и Германія, вмѣстѣ съ ихъ союзниками, могли бы придти къ соглашенію относительно частныхъ примѣненій того принципа, что каждая нація имѣетъ право на свободное развитіе, и что свобода морей, въ томъ смыслѣ, какой былъ указанъ выше, является необходимостью, то спрашивается, какія еще условія прочнаго мира должны быть разсмотрѣны.

Настоящая война сдѣлала Францію героемъ среди націй. Будемъ ли мы судить о ней по военной доблести или по силѣ національной организаціи и національнаго самообладанія, Французская Республика проявила себя такъ, что она вызвала самое полное преклоненіе и безграничную любовь всего міра. Факты ясно показываютъ, что Франція ни въ какомъ смыслѣ не являлась нападающей стороною въ настоящей войнѣ. Напротивъ, она сама подверглась быстрой атакѣ, отчасти потому, что она была въ союзѣ съ Россіей, отчасти потому, что она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Англіей, а отчасти потому, что планы германскаго главнаго штаба требовали, чтобы прежде всего французская армія была разбита и уничтожена. Что Франція была неподготовлена къ войнѣ и, слѣдовательно, не имѣла въ виду воевать, стало

очевидно для всякаго съ перваго августа 1914 года. Въ теченіе цѣлаго года ея самоотверженнымъ войскамъ пришлось сдерживать вторгнувшіеся въ нее полчища, не имѣя всего необходимаго снаряженія и, въ значительной степени, безъ тѣхъ орудій, которыя являются необходимымъ условіемъ успѣшнаго веденія войны въ наше время. Военный гений генерала Жоффра и его коллегъ, вмѣстѣ съ героической храбростью самой арміи, совершили настоящее чудо въ сраженіи на Марнѣ, и они совершали чудеса за чудесами съ тѣхъ поръ и до настоящаго дня. Какъ боевая сила, французская армія пожала новые лавры, а за арміей стоитъ французскій народъ, спокойный, увѣренный и съ яснымъ сознаніемъ задачъ, во имя которыхъ нація продолжаетъ дѣлать дѣло обороны.

Каждый здравомыслящій и отвѣтственный французъ стремится къ тому, чтобы, если только это въ человѣческихъ силахъ, эта война была послѣдней. Эта надежда воодушевляетъ французскихъ отцовъ и матерей и позволяетъ имъ переносить съ возвышенной покорностью судьбѣ потерю ихъ дѣтей. Это эта надежда вдохновляетъ безпредѣльное самоотверженіе женщинъ и усилія всѣхъ, даже стариковъ и увѣчныхъ.

Франція стремится къ тремъ вещамъ, какъ результату этой, послѣдней войны. Эти вещи были опредѣлены однимъ изъ ея видныхъ политическихъ дѣятелей, какъ возвращеніе захваченныхъ территорій, возмѣщеніе за прошлое и національная безопасность. Въ рѣчи, произнесенной 14 іюля 1916 года, когда война продолжалась уже почти два года, президентъ Пуанкарэ формулировалъ цѣли Франціи нѣсколько полнѣе. Давши картину страданій и горя Франціи, онъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ настаивалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не ослабитъ волю націи. Онъ еще разъ выразилъ отвращеніе,

которое вызываетъ въ націи война, и ея страстную преданность тѣмъ политическимъ принципамъ, которые сдѣлали бы совершенно невозможнымъ повтореніе того положенія, которое существуетъ сейчасъ; затѣмъ онъ опредѣлилъ существенные элементы справедливаго и постоянного мира, къ которому Франція стремится, и который она твердо рѣшила осуществить. Эти условія заключаютъ, во-первыхъ, полное возвращеніе занятой французской территоріи, все равно была ли эта территорія занята только что или 46 лѣтъ назадъ; во-вторыхъ, возмѣщеніе за нарушенія права и за ущербы, причиненный гражданамъ Франціи и союзныхъ съ ней странъ; и, въ третьихъ, такія гарантіи, какія могутъ оказаться необходимыми для обезпеченія національной независимости въ будущемъ. Предсѣдатель совѣта министровъ, г. Брианъ, не разъ высказывалъ тѣ же взгляды. Ихъ можно разсматривать поэтому, какъ оффиціальную формулировку тѣхъ условій, на которыхъ, и только на которыхъ, Франція заключить миръ.

Являются ли эти условія преувеличенными, и имѣетъ ли Франція оправданіе въ глазахъ міра, когда она продолжаетъ борьбу до послѣдняго конца, чтобы добиться осуществленія этихъ условій?

Проще всего будетъ разсмотрѣть эти три условія въ порядкѣ обратномъ тому, въ какомъ ихъ поставилъ президентъ Пуанкаре.

Гарантіи на будущее, о которыхъ говоритъ президентъ, являются центральнымъ пунктомъ всего вопроса. Въ нашемъ изложеніи мы нѣсколько разъ говорили о международной гарантіи національной безопасности въ будущемъ, и въ своемъ мѣстѣ мы поставимъ вопросъ, какъ можно осуществить эту гарантію, и въ чемъ она должна состоять. Франція безусловно имѣетъ право на

то, чтобы эта гарантія простиралась на нее. Это может и должна быть та же гарантія, которая будет относиться къ Бельгіи, Сербіи, возстановленной Польшѣ, или къ любой другой маленькой націи, такъ же какъ и къ Великобританіи, Италиі, или къ самой Германіи. Такимъ образомъ, то, чего Франція требуетъ въ этомъ отношеніи, должно получить справедливое удовлетвореніе.

Далѣе, Франція требуетъ возмѣщенія за нарушенія права и за ущербъ, причиненный ея гражданамъ и ихъ частной собственности, равно какъ гражданамъ союзныхъ странъ. Неизвѣстно, окажется ли или не окажется практически возможнымъ добиться, послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, и какъ одного изъ условій мира, немедленнаго денежнаго вознагражденія со стороны Германіи и Австро-Венгріи, которое удовлетворило бы тѣхъ, чья территория была захвачена, и чьи граждане, не участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ, были убиты или ранены или были лишены своего имущества. Окажется ли возможнымъ или невозможнымъ добиться такого денежнаго вознагражденія, во всякомъ случаѣ можно, пожалуй, указать лучшей путь, которымъ можетъ быть достигнута та цѣль, къ которой справедливо стремится Франція. Было бы нетрудно предписать, чтобы такого рода требованія были представлены на разсмотрѣніе безпристрастнаго международнаго суда, постановленія котораго были бы окончательными. Доказательства того, что Германія неоднократно нарушала законы войны и предписанія гаагскихъ конвенцій, не говоря уже о законахъ гуманности, имѣются въ подавляющемъ количествѣ. Именно потому, что этихъ доказательствъ такъ подавляюще много, именно поэтому пострадавшіе могутъ, въ интересахъ прочнаго мира, пойти на то, чтобы ихъ требованія были разсмотрѣны въ судебномъ порядкѣ, а не выну-

ждать уплаты вознагражденія простымъ давленіемъ военной силы. Вѣдь вопросъ, въ которомъ міръ больше всего заинтересованъ, и въ которомъ сами воюющія страны должны быть больше всего заинтересованы, это вопросъ, какъ разрѣшеніе настоящаго конфликта отразится на будущемъ человѣчествѣ. Тамъ гдѣ есть на выборъ два пути къ одной и той же цѣли,—одинъ—путь условностей, имѣющій за себя много прецедентовъ, а другой—свободный отъ условностей и стремящійся дать новый примѣръ лучшаго,—тамъ тотъ же духъ, который воодушевлялъ и направлялъ Францію въ ея военномъ усилии и въ ея буквально колоссальной работѣ по національной организаціи, можетъ побудить ее выбрать тотъ путь, который представляетъ наибольшія гарантіи, въ смыслѣ опредѣленія и осуществленія тѣхъ идеаловъ, за которые она вела и ведетъ эту поразительную борьбу.

Что бы ни говорили объ ужасахъ и жестокостяхъ настоящей войны, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ побочныхъ продуктовъ ея несомнѣнно надо признать ея вліяніе на національное сознаніе, національную совѣсть и національную волю Франціи. Все что есть лучшаго во Франціи вездѣ вышло на поверхность, и вѣроятно окажется навсегда невозможнымъ, чтобы въ націи сгладились плодотворное дѣйствіе и стимулирующіе результаты ея усилія отстаивать свою цѣлость и защитить свободу. Въ историческіе дни 1815 года, въ Вѣнѣ, Таллейранъ обычно опредѣлялъ, какъ «хорошаго европейца», всякаго государственнаго человѣка, который былъ способенъ представлять себѣ систему государствъ Запада, какъ одно цѣлое. Народъ Франціи и французскіе государственные люди въ общемъ являются и давно являлись хорошими европейцами въ таллейрановскомъ смыслѣ слова. Эта характерная черта фран-

цузскаго народа усиливаетъ вѣроятность того, что онъ броситъ полный вѣсъ своего крупнаго вліянія и примѣра въ пользу установленія здоровыхъ основаній новаго европейскаго порядка. Вѣдь это его собственный Жуберъ такъ прекрасно сказалъ: «Правители міра—Сила и Право; Сила—до тѣхъ поръ, покуда Право не готово».

Остается возвращеніе французской территоріи, которая занята, или можетъ быть занята въ будущемъ, непріателемъ. Поскольку дѣло идетъ о тѣхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ департаментахъ, которые въ настоящій моментъ заняты германскими арміями, вопросъ является сравнительно простымъ. Германія несомнѣнно съ радостью согласится на эвакуацію теперешней французской территоріи, какъ на одно изъ условій мира. Напротивъ, вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи, которая послѣ войны 1870 года стала тѣмъ, что нѣмцы называютъ Имперской землей, не совсѣмъ такъ простъ.

VII.

Эльзасъ-лотарингскій вопросъ.—Деклараціи 1871 года.

—Неуспѣхъ германской политики ассимиляціи.

ЕСТЬ политическіе вопросы, которые элементъ чувства окружилъ такой атмосферой, что ихъ нельзя успѣшно обсуждать съ одной только точки зрѣнія отвлеченной аргументаціи. Будущее Эльзасъ-Лотарингіи ясно представляется такимъ вопросомъ. Сорокъ четыре года символическая статуя города Страсбурга на Place de la Concorde, съ тѣми патетическими символами траура французскаго народа, которые ее окружаютъ, стояла, какъ краснорѣчивое доказательство этаго. Если скажутъ, что вопросъ о будущемъ Эльзасъ-Лотарингіи долженъ быть рѣшенъ въ строгомъ согласіи съ принципомъ національности, и что такое рѣшеніе будетъ въ значительной степени благопріятнымъ для Франціи, то на это придется отвѣтить, что покуда сама Франція не будетъ удовлетворена, въ самомъ сердцѣ Европы останутся глубокія сѣмена новой международной войны или долгихъ поколѣній международной подозрительности, враждебности и натянутыхъ отношеній.

Въ 1870 году Гладстонъ отстаивалъ въ англійскомъ кабинетѣ тотъ взглядъ, что отторженіе Эльзасъ-Лотарингіи отъ Франціи и подчиненіе ея германскому владычеству, не спрашивая согласія населенія, принципиально не можетъ разсматриваться какъ вопросъ, интересующій только обѣ воюющія стороны, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связаны законные интересы всѣхъ европейскихъ

державъ. Онъ указывалъ на отношеніе этого вопроса къ бельгійскому вопросу и къ тѣмъ принципамъ, которые вѣроятно должны будутъ сыграть большую роль въ будущемъ рѣшеніи восточнаго вопроса.

Депутаты отъ Эльзасъ-Лотарингіи, которые засѣдали во французскомъ Національномъ Собраніи, созванномъ въ Бордо для утвержденія условій мира съ Германіей, ни въ комъ не могли оставить сомнѣнія относительно желаній тѣхъ, кого они представляли. 17 февраля 1871 года эти депутаты представили Національному Собранію слѣдующую громкую декларацию, которая предварительно была показана Гамбеттѣ и была одобрена Викторомъ Гюго, Луи Бланомъ, Эдгаромъ Кинэ, Клемансо и другими выдающимися членами республиканской партіи:

«Эльзасъ и Лотарингія противъ отчужденія... Эти двѣ провинціи, которыя были связаны съ Франціей больше двухъ вѣковъ въ счастіи и несчастіи, и которыя постоянно подвергались опасности вражескаго нападенія, систематически приносили себя въ жертву дѣлу національнаго величія. Онѣ своей кровью запечатлѣли тотъ ненарушимый союзъ, который связываетъ ихъ съ единствомъ Франціи. Теперь, передъ угрозой притязаній иностранцевъ, они подтверждаютъ свою непоколебимую вѣрность, вопреки всѣмъ препятствіямъ и всѣмъ опасностямъ, даже подъ игомъ завоевателя. Какъ одинъ человѣкъ, граждане, оставшіеся у своихъ очаговъ, равно какъ солдаты, послѣдившіе вступить подъ знамена, громко заявляютъ, первые своимъ голосованіемъ, послѣдніе своими дѣйствіями на полѣ битвы, Германіи и всему міру, о твердомъ и неизмѣнномъ рѣшеніи Эльзаса и Лотарингіи остаться французской территоріей. Франція не можетъ согласиться и не можетъ обязаться договоромъ уступить Эльзасъ и Лотарингію... Мы теперь провозглашаемъ, какъ навѣки нерушимое, право эльзас-

цевъ и лотаринжцевъ оставаться членами французской націи, и мы обязываемъ себя, нашихъ дѣтей и дѣтей нашихъ дѣтей, во всѣ времена и всѣми возможными средствами, отстаивать это право, вопреки тѣмъ, кто узурпируютъ власть надъ нами».

Тѣмъ не менѣе, 1 марта, Національное Собрание, подъ давленіемъ сокрушающаго военнаго пораженія, приняло мирный договоръ.

Это былъ торжественный и патетическій моментъ, когда, передъ тѣмъ какъ удалиться изъ Національнаго Собранія, депутаты отъ Эльзаса и Лотарингіи прочитали свой знаменитый Бордоскій протестъ:

«Мы, кого въ нарушеніе всякой справедливости, черезъ возмутительное злоупотребленіе властью, отдають во власть иностранцевъ, должны выполнить нашъ послѣдній долгъ. Мы объявляемъ договоръ, располагающій нами безъ нашего согласія, не имѣющимъ силы и значенія. Каждый изъ насъ и всѣ мы всегда будемъ свободны требовать нашихъ правъ тѣми путями и въ той мѣрѣ, какъ совѣсть намъ укажетъ... Наши братья въ Эльзасѣ и Лотарингіи, которыхъ теперь отрѣзываютъ отъ общей семьи, сохранять сыновнюю привязанность къ Франціи, которая теперь покинула ихъ очаги, до того дня, когда она вернется, чтобы снова занять тамъ свое мѣсто».

Такъ культурныя группы населенія, которыя въ теченіе столѣтій были французскими, и которыя питали самый горячій патріотизмъ и лойяльность по отношенію къ Франціи, сразу принуждены были принять новую власть и, по внѣшности, по крайней мѣрѣ, согласиться на новое подданство.

Германія съ самаго начала не понимала характера и размѣровъ той задачи, которую она сама себѣ навязывала.

вала. Среди германцевъ господствовало общее представленіе, что лойяльность Эльзасъ-Лотарингіи по отношенію къ Франціи является въ значительной степени поверхностной, и что благотворное вліяніе германскаго управленія будетъ такъ велико и такъ очевидно, что населеніе этихъ провинцій въ короткій срокъ охотно приспособится къ новымъ условіямъ. Старшій фонъ-Мольтке, чей оптимизмъ не былъ такъ несдержанъ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ, думалъ, что Германіи придется оставаться въ полномъ вооруженіи пятьдесятъ лѣтъ, чтобы удержать Эльзасъ, но что по истеченіи этого періода эльзасцы не будутъ больше стремиться быть французами, и что вопросъ такимъ образомъ будетъ рѣшенъ. Время показало, что опасенія государственнаго человѣка Бисмарка относительно разумности аннексіи имѣли большее основаніе, чѣмъ увѣренность стратега фонъ-Мольтке.

Пятьдесятъ лѣтъ почти прошли. Политика полувоенной оккупации и суровой репрессии принесла свои естественные плоды; но это были не тѣ плоды, какіе ожидались. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній сомнѣваться, что въ массѣ своей населеніе Эльзаса и Лотарингіи жадно ждетъ дня, когда эти провинціи снова займутъ свое мѣсто въ французской республикѣ.

Выясненіе вопроса не много выиграетъ отъ того, что мы станемъ вдаваться въ ученую историческую дискуссію по вопросамъ, относящимся къ исторіи этой территоріи пятьсотъ или даже тысячу лѣтъ тому назадъ. Фактически, если апеллировать къ исторіи, то придется признать, что въ старыя времена средневѣковья Эльзасъ, хотя и говорилъ на нѣмецкомъ діалектѣ, находился тѣмъ не менѣе въ сферѣ вліянія и подъ преобладаніемъ французской культуры. По всей вѣроятности, можно считать установленнымъ фактомъ, что готическіе

художники, построившіе страсбургскій соборъ, или пришли изъ Ile de France или почерпали тамъ свое вдохновеніе. Съ политической точки зрѣнія, эта территория въ теченіе столѣтій была предметомъ постоянной борьбы между націями, которыя она отдѣляла и, какъ предполагалось, предохраняла отъ столкновеній. Она находилась въ крайне двусмысленномъ и опасномъ положеніе государства-буффера, въ такое время, когда побужденія къ территоріальнымъ завоеваніямъ и къ расширенію династической власти были сильны и настоячивы. Когда послѣ Тридцатилѣтней войны Эльзасъ искалъ защиты болѣе могущественнаго государства, чѣмъ какою показала себя Священная Римская Имперія, онъ отдался подъ защиту Франціи, по требованію своего собственнаго населенія. Французская Революція и сопровождавшія ее войны завершили включеніе Эльзаса въ Францію и съ разныхъ сторонъ содѣйствовали укрѣпленію политической связи, существовавшей уже полтора вѣка.

Въ настоящее время нѣтъ надобности рыться въ старомъ, но насильственное отторженіе Эльзаса-Лотарингіи отъ Франціи въ 1871 году было политическимъ преступленіемъ, которое теперь должно быть искуплено единственнымъ возможнымъ путемъ, именно обратнымъ переходомъ этихъ провинцій къ Франціи, гдѣ ихъ настоящее мѣсто, и гдѣ онѣ хотятъ быть. Это, какъ сказалъ Гладстонъ, вопросъ, затрагивающій интересы не только Франціи и Германіи, но и всей Европы,—болѣе того, интересы всего міра.

Война 1870 года имѣла два непосредственныхъ результата: во-первыхъ, объединеніе Германіи,—это былъ

хорошій результатъ; во-вторыхъ, отдѣленіе Эльзась-Лотарингіи отъ Франціи,—это былъ дурной результатъ. Надо обладать смѣлостью, чтобы въ настоящее время утверждать, что обладаніе Эльзась-Лотарингіей, какъ Имперской землей, содѣйствовало единству Германіи; и надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что для того чтобы за войной послѣдовалъ прочный миръ, Эльзась-Лотарингія должна вернуться къ Франціи. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ возможность сослаться на самого Трейчке, такъ какъ говоря о наполеоновской политикѣ завоеванія міра, онъ сказалъ: «Такая обнаженная политика завоеванія въ конечномъ результатѣ разрушаетъ свои собственныя орудія . . . . Она претендуетъ на овладѣніе такими странами, которыя не могутъ войти въ національное государство, какъ живые органы».

Нѣтъ надобности идти дальше въ поискахъ оправданія для требованія возврата Эльзась-Лотарингіи, выдвигаемаго Франціей. Если Германія и ея союзники, когда они окончательно признаютъ себя побѣжденными на полѣ битвы, согласятся на обратный переходъ Эльзась-Лотарингіи къ Франціи, они тѣмъ самымъ дадутъ самое полное доказательство, какое возможно, и доказательство, которое весь міръ будетъ привѣтствовать отъ всего сердца, своего желанія и намѣренія содѣйствовать заключенію и сохраненію такого мира, который будетъ прочнымъ, потому что онъ будетъ справедливымъ. Безполезно предлагать, какъ альтернативу, сохраненіе Эльзась-Лотарингіи въ составѣ Германской имперіи на правахъ автономіи. Одинаково бесполезно предлагать сгладить и опрокинуть старыя географическія и политиче-

скія различія и границы путемъ перераспредѣленія различныхъ мѣстностей по новымъ группировкамъ. Безполезно, наконецъ, совѣтовать, чтобы Эльзась-Лотарингя была сдѣлана независимымъ государствомъ, нейтралитетъ котораго будетъ гарантированъ сосѣдними государствами. Все это—средства отдѣлаться отъ вопроса. Въ интересахъ прочнаго мира, и какъ необходимое условіе его, Германія должна уступить Эльзась-Лотарингю обратно Франціи.

VIII.

Россія и славяне.—Либеральное движеніе въ Россіи.— Босфоръ и Дарданеллы.

ЗАПАДНОМУ міру, и особенно американцамъ, Россія представляется безконечно далекой страной. Это страна тайны. Ея громадная площадь, ея географическое однообразіе, ея феноменальныя естественныя богатства, ея разнородное населеніе, ея разнообразныя и трудныя языки и діалекты, ея особый календарь, ея глубокая религіозность,—все придаетъ ей совершенно особый характеръ. Занимая болѣе шестой части сухой поверхности земного шара, Россія представляетъ въ двадцатомъ вѣкѣ мостъ между старымъ Востокомъ и новымъ Западомъ и соединяетъ въ себѣ все наиболѣе яркія характерныя черты какъ Востока, такъ и Запада.

Потрясенія, которыя происходятъ въ тѣлѣ или въ органахъ этого огромнаго левиагона, не скоро познаются вышнимъ міромъ и еще менѣе скоро становятся понятны ему. Участіе Россіи въ настоящей войнѣ и ея прямое отношеніе къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, которые война должна разрѣшить, требуютъ, чтобы мы составили себѣ нѣкоторое понятіе о ея вѣроятной роли въ мирѣ будущаго и о результатахъ, которые война можетъ дать ей.

Латинская, англо-саксонская и германская расы участвовали, каждая своей отличной долей, въ нашей общей цивилизаціи, и уже сейчасъ возможно съ извѣст-

ной опредѣленностью оцѣнить эти доли. Славянству, напротивъ, еще только предстоитъ внести свою полную долю того, что составляетъ общій міровой умственный и политическій капиталъ. Глубоко значительны были слова графа Муравьева, когда онъ сказалъ: «Я вѣрю, что у Россіи есть болѣе великая цивилизаторская миссія, чѣмъ у какого либо другого народа въ мірѣ, и не только въ Азіи, но и въ Европѣ..... Мы, русскіе, несемъ на своихъ плечахъ задачи новаго вѣка; мы идемъ на смѣну уставшимъ людямъ», Это прекрасная характеристика и глубоко волнующее пророчество.

Настоящая война не только сдѣлала безнадежно устарѣлыми тѣ различные аргументы и соображенія, которые въ теченіе столѣтія выдвигались въ связи съ тѣмъ, что въ Европѣ называется Восточнымъ вопросомъ, но она съ поразительной ясностью выдвинула на первый планъ то первостепенное обстоятельство, что въ интересахъ прочнаго мира Россія должна господствовать надъ проливами, соединяющими Черное море съ Эгейскимъ. Не дать Россіи этого господства значило бы, во-первыхъ, что ея населеніе, оставаясь въ состояніи броженія и экономически въ значительной степени скованнымъ льдомъ, не будетъ чувствовать, что условія мира прочны; во-вторыхъ, это означало бы для любого момента въ будущемъ возможность распространенія политической системы Германіи и ея *Machtpolitik* на Балканскій полуостровъ, на Малую Азію, и дальше. Потому-то и производятся и производились военныя операціи на юго-восточномъ театрѣ войны, что союзники ясно сознаютъ эти обстоятельства. Какое значеніе придаютъ этимъ операціямъ Германія и ея союзники, ясно видно изъ того, что такіе высоко компетентные генералы, какъ

Фалькенгейнъ и Макензенъ, лично руководятъ дѣйствіями противъ Румыніи.

Уже много разъ говорилось, что германскій императоръ убѣжденъ, что когда-нибудь міръ раздѣлится на два большихъ лагеря, лагерь славянскихъ нарѣчій и лагерь англо-саксонскихъ и германскихъ нарѣчій, что большія желтыя расы Востока присоединятся къ славянамъ, и что міръ, такимъ образомъ, увидитъ столкновение между двумя глубоко различными и исторически противоположными цивилизаціями. Если такое предсказаніе было тонкимъ десять лѣтъ тому назадъ, то теперь оно является далеко не такимъ вѣроятнымъ. Россія становится все болѣе западной, въ развитіи ея мысли и ея внутренней политики. Суровая цензура, ставшая особенно строгой во время войны, не позволяетъ намъ составить полное представленіе о томъ, что происходитъ въ Россійской Имперіи въ политической и соціальной области. Предполагать, что Россія является націей, всецѣло отданной во власть продажныхъ чиновниковъ и варварской полиціи, непримиримыхъ соціалистовъ и незаконныхъ анархистовъ,—значило бы проявлять столько же жесткости, сколько невѣжества. Императрица Екатерина, которая въ этомъ отношеніи отчасти сыграла въ Россіи ту же роль, какую Фридрихъ Великій сыгралъ въ Пруссіи, внесла въ русскую жизнь нѣкоторыя изъ тѣхъ личныхъ, литературныхъ и философскихъ вліяній, которыя такъ много помогли совершенію Французской Революціи. Съ тѣхъ поръ эти вліянія не переставали дѣйствовать въ Россіи. Они получили окраску и видоизмѣнились въ согласіи съ мѣстными экономическими и соціальными условіями, и къ нимъ прибавился отчасти отгѣнокъ той мрачности и чувствительности, которыя проявляются въ русской литературѣ, русскомъ искусствѣ и русской му-

зыгѣ. Внутреннее политическое развитіе, конечно, шло медленно и не разъ встрѣчало тяжелый отпоръ, но въ послѣдніе годы, опираясь, какъ на основу, на традиціонныя формы мѣстнаго самоуправленія, оно сдѣлало существенныя успѣхи. Не можетъ быть почти никакого сомнѣнія, что событія и потребности войны существенно помогли этому движению, и является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что когда Россія соединится со своими союзниками для выработки условій прочнаго мира, она въ то же время будетъ въ состояніи возвѣститъ значительныя перемѣны въ своей внутренней организаціи и политикѣ.

Тѣ, кто до сихъ поръ не знали Россію, будутъ ободрены недавнимъ заявленіемъ г. В. Бурцева, который игралъ активную и вліятельную роль во всѣхъ прогрессивныхъ движеніяхъ въ Россіи. «Даже мы,—писалъ онъ,—«приверженцы крайнихъ лѣвыхъ партій, бывшіе до сихъ поръ ярыми антимилитаристами и пасифистами, даже мы вѣримъ въ необходимость этой войны. Эта война есть война для защиты справедливости и цивилизаціи. Мы надѣемся, что она будетъ рѣшающимъ факторомъ въ нашей объединенной войнѣ противъ войны, и мы надѣемся, что послѣ нея окажется возможнымъ, наконецъ, серьезно обсуждать вопросъ о разоруженіи и всеобщемъ мирѣ..... Россіи эта война принесетъ возрожденіе. Мы убѣждены, что послѣ этой войны не будетъ больше мѣста для политической реакціи, и что Россія станетъ членомъ семьи культурныхъ и цивилизованныхъ странъ».

Царскій манифестъ 17 октября 1905 года представляетъ отправную точку для дальнѣйшаго прогресса въ развитіи и опредѣленіи гражданской свободы въ Россіи. Первый параграфъ этого манифеста гласитъ:

«Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Крайне вѣроятно, поэтому, что изъ настоящаго конфликта выйдетъ болѣе объединенная, болѣе здоровая, а также и болѣе свободная и болѣе терпимая Россія. Князь Горчаковъ какъ-то сказалъ: «*La Russie ne boude pas ; elle se recueille*». Миръ ждетъ результата съ благожелательствомъ, съ сочувствіемъ и съ надеждой.

О Восточномъ вопросѣ было сказано, что у него столько же головъ, какъ у гидры. Настоящая война явилась Геркулесомъ, который отрубилъ всѣ эти головы, кромѣ трехъ. Эти три остающіяся головы слѣдующія: во-первыхъ, организація народовъ Балканскаго полуострова на основѣ принципа національности, съ международной гарантіей ихъ національной безопасности; во-вторыхъ, созданіе преграды противъ возможнаго распространенія германской *Machtpolitik* на Малую Азію и прилегающія страны и моря,—преградъ противъ *Drang nach Osten*,—и, въ третьихъ, переходъ Босфора, Дарданеллъ и прибрежной полосы къ Россіи, какъ необходимое условіе ея экономической независимости и національной безопасности.

Первый изъ этихъ вопросовъ не нуждается въ дальнѣйшемъ обсужденіи. Онъ исчерпанъ тѣмъ, что мы уже сказали о примѣненіи принципа національности и о защитѣ правъ малыхъ націй. Второй является однимъ изъ необходимыхъ результатовъ настоящей войны. Въ извѣстномъ, и очень важномъ смыслѣ, союзники ведутъ борьбу не противъ германскаго народа, но съ цѣлью помѣшать распространенію на другія страны и на другіе

народы тѣхъ политическихъ теорій, доктринъ и методовъ, которыхъ германскій народъ придерживается,—по крайней мѣрѣ, придерживался до сихъ поръ. Для того чтобы наступилъ прочный миръ, и такой миръ, который оправдалъ бы жертвы, уже принесенныя союзными державами, всякій путь для систематическаго и планомѣрнаго распространенія политическаго влiянiя Германiи непремѣнно долженъ быть закрытъ. Въ Германiи эта мысль будетъ объявлена лишнимъ примѣромъ той *Einkreisungspolitik*, отъ которой она уже такъ много страдала. Надо, однако, имѣть въ виду, что въ настоящемъ изложенiи мы со всей возможной силой подчеркивали необходимость утвержденiя принципа «открытой двери» въ международной торговлѣ. Германская торговля, такимъ образомъ, нисколько не будетъ стѣснена, если этотъ планъ будетъ проведенъ, но активной пропагандѣ въ чужихъ странахъ въ пользу германскихъ политическихъ идей и германской политической гегемонiи будетъ положенъ конецъ. Такая политика устранить самый крупный факторъ войны, какой сейчасъ существуетъ, и не создастъ на его мѣсто новаго фактора.

Третiй вопросъ представляется животрепещущимъ для Россiи и, слѣдовательно, для всеобщаго мира. Взгляда на карту и умѣреннаго знакомства съ политической и экономической исторiей достаточно для объясненiя настойчиваго стремленiя Россiи получить доступъ къ морю въ такихъ мѣстахъ, которыя открыты для навигацiи круглый годъ. Изъ своихъ центральныхъ равнинъ Россiя выбросила три руки, или три щупальца, —одно изъ нихъ чудовищной длины,—съ цѣлью добиться непрерывнаго пользованiя океанскими путями для своей

торговли. Сибирская желѣзная дорога была переброшена черезъ степи Азіи, чтобы достигнуть Тихаго океана. Русская дипломатія по отношенію къ Персіи, къ Британской Индіи и къ Турціи постоянно руководилась стремленіемъ найти выходъ къ водамъ Персидскаго залива. Третья рука, или третье щупальце, выдвигается черезъ Черное море къ Босфору и Дарданелламъ. Если только Россія укрѣпится тамъ, при тѣхъ международныхъ условіяхъ, которыя мы здѣсь предлагаемъ, ея экономическая независимость будетъ обезпечена, источники продовольственныхъ продуктовъ для всего міра будутъ значительно расширены, и принципы, за которыя сражаются союзныя державы, получатъ матеріальную гарантію первостепенной важности.

Въ Россіи уже теперь предполагають, что и Англія, и Франція, по окончаніи войны, согласятся на переходъ къ Россіи какъ Константинополя, такъ и прилегающихъ проливовъ. Въ мартѣ 1915 года въ вліятельной либеральной газетѣ **Руссія Вѣдомости** была напечатана статья князя Евгенія Трубецкого, которая, какъ стало извѣстно, произвела очень сильное впечатлѣніе въ Россіи и явилась выраженіемъ взглядовъ, преобладающихъ среди всѣхъ классовъ въ имперіи. Князь Трубецкой прямо заявляетъ, что единственное разрѣшеніе вопроса, которое соотвѣтствуетъ національнымъ интересамъ, состоитъ въ переходѣ Константинополя и проливовъ къ Россіи. Подобный же взглядъ былъ высказанъ и г. Милюковымъ, чья руководящая роль среди русскихъ либераловъ хорошо извѣстна.

Казалось бы поэтому, что въ близкомъ будущемъ нѣкоторыя изъ самыхъ серьезныхъ ошибокъ какъ бри-

танской, такъ и русской дипломатіи девятнадцатаго столѣтія могутъ быть исправлены, отъ чего выигралъ бы весь міръ. Гладстонъ нападалъ на лорда Биконсфильда и на лорда Сэльсбури за то, что они выступали на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 года въ духѣ Меттерниха, а не въ духѣ Каннинга, лорда Пальмерстона, или лорда Расселя. Онъ настаивалъ, что ихъ голосъ не звучалъ въ согласіи съ учрежденіями, исторіей и характеромъ Англіи. Былъ ли онъ неправъ?

IX.

Прусскій милитаризмъ.—Его основа и его причина.—

Въ какой степени ему можетъ быть положенъ предѣлъ путемъ военной побѣды?

Въ предыдущемъ изложеніи мы дали очеркъ такого разрѣшенія вопросовъ, выдвинутыхъ войной, которое обезпечило бы свободное національное развитіе для всѣхъ государствъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, утвердило бы принципъ «открытой двери» въ международной торговлѣ и принципъ свободы частной собственности на морѣ, кромѣ контрабанды, отъ захвата и разрушенія, вернуло бы Эльзась-Лотарингію Франціи, а также отдало бы во власть Россіи Дарданеллы и Босфоръ. Есть еще одинъ предметъ, о которомъ говорилъ г. Асквиль въ своей деклараціи въ Гильдхоллѣ, и о которомъ виконтъ Грэй не упомянулъ; предметъ, котораго союзники ни на минуту не упускаютъ изъ виду, и который никогда не забывается при обсужденіи условій длительного мира. Выражаясь собственными словами г. Асквита, «Мы ни въ какомъ случаѣ не вложимъ въ ножны мечъ, который мы не съ легкимъ сердцемъ взяли въ руки..... пока военное господство Пруссіи не будетъ всецѣло и окончательно разрушено». Г. Асквиль выбираетъ свои выраженія, и особенно свои прилагательныя и нарѣчія, съ большей осмотрительностью и осторожностью, чѣмъ какой либо другой государственный членъ нашего времени. Его заявленіе представляетъ поэтому первостепенную важность.

Военное господство Пруссіи покоится, прежде всего, на военной политикѣ Пруссіи и на ея укоренившейся привычкѣ смотрѣть на всѣ вопросы внѣшней политики всецѣло и исключительно какъ на вопросы военного могущества; оно покоится также на большихъ размѣрахъ населенія Германской Имперіи, которое доставляетъ людей въ достаточномъ числѣ для того, чтобы содержать въ подготовленномъ и организованномъ состояніи огромныя арміи, готовые двинуться по первому приказанію. То обстоятельство, что въ Германіи существуетъ система всеобщаго военного обученія и всеобщей воинской повинности, имѣетъ мало отношенія, или даже не имѣетъ никакого отношенія, къ ея военному господству. Въ Швейцаріи мы видимъ, по существу, тѣ же самыя установленія; однако, никто не смотритъ на швейцарцевъ иначе, какъ на народъ, преданный методамъ мирнаго развитія. Будь въ Швейцаріи армія такого же размѣра, какъ прусская, это не создало бы въ Швейцаріи того военного господства, которое существовало и существуетъ до самаго настоящаго момента въ Пруссіи. Причина этому та, что военное господство не состоитъ главнымъ образомъ, или даже вообще не состоитъ, въ потенциальной военной силѣ, а скорѣе въ отношеніи общества къ военной системѣ и къ арміи, и въ той относительной важности, которая придается силѣ и праву при взвѣшиваніи и рѣшеніи вопросовъ международной политики. Другими словами, милитаризмъ, это извѣстный душевный складъ. Прусскій милитаризмъ, это—пруссскій душевный складъ, и поскольку германскій народъ въ цѣломъ перенялъ прусскій душевный складъ, какъ здоровый и необходимый, постольку Германія является сейчасъ милитаристской націей. Конечно, это не всегда было такъ. Населеніе южной Германіи съ незапамятныхъ

временъ было народомъ поэтовъ и художниковъ, пріятнымъ и мягкимъ въ обращеніи, и безъ высокоомѣрныхъ притязаній на покореніе и перестройку міра. Прусская гегемонія, хотя она и была необходима для осуществленія и обезпеченія единства Германіи, принесла съ собою немало зла. Однимъ изъ самыхъ большихъ золь было проникновеніе въ южно-германское населеніе прусскихъ взглядовъ, одновременно съ установленіемъ прусскаго руководства.

Исторія Пруссіи представляетъ рядъ необычайныхъ успѣховъ въ достиженіи самыхъ крупныхъ результатовъ съ самыми жалкими ресурсами и въ распространеніи прусскаго господства при помощи простой настойчивости, силы и цѣлесообразныхъ административныхъ методовъ. Пруссія можетъ съ правомъ гордиться тѣмъ, что она совершила за истекшія сто лѣтъ, какъ съ точки зрѣнія созданія новой и высоко продуктивной административной системы, такъ и съ точки зрѣнія распространенія своего вліянія и власти на другихъ членовъ германской семьи. Пруссія всегда была милитаристскимъ государствомъ и никогда не снимала военного мундира, даже тогда, когда она создавала и развивала колоссальную промышленную и торговую систему. Пруссія никогда не представляла себѣ исторію иначе, какъ въ видѣ борьбы тевтона противъ славянина, или тевтона противъ франка, или тевтона противъ англо-сакса, или тевтона противъ еще кого-нибудь. Она никогда не представляетъ себѣ тевтона иначе, какъ сражающимся. Она изучаетъ своихъ сосѣдей не съ точки зрѣнія дружественныхъ отношеній и сотрудничества, а съ точки зрѣнія соперничества и страха. Таковы были всегда характерныя черты Пруссіи; а съ развитіемъ современной европейской системы, и съ подчиненіемъ прусской мысли вліянію

новой, почти изстуженной, политической философіи, которая возносит Пруссію на самую вершину историческаго величія, какъ рѣзко отличную, по своему внутреннему превосходству, отъ остальнаго міра, оставался лишь одинъ маленькій шагъ до убѣжденія, что для всего остальнаго міра было бы благомъ подпасть подъ господство прусской политической философіи. Обыкновенному пруссаку армія представляется самымъ лучшимъ и самымъ естественнымъ факторомъ въ этомъ процессѣ спасенія міра. Люди, въ общемъ трезвые и сдержанные; ученые, въ общемъ образованные и испытанные въ научныхъ методахъ; дѣльцы, въ общемъ практичные и тонкіе почти до хитрости;—все оказались влюбленными въ это видѣніе, которое представляли ихъ взору. Когда Хаустонъ Чемберленъ говорилъ пруссакамъ, что они избранный народъ новаго времени, это было принято, какъ нѣчто само собою разумѣющееся и вполне заслуженное. Посторонній наблюдатель во всемъ этомъ видитъ такое отсутствіе чувства юмора, которое кажется почти невѣроятнымъ; однако, именно комбинація прусской исторіи, прусской надменности, прусской политической философіи и прусскаго незнакомства съ чувствомъ юмора и создала то, что извѣстно подъ именемъ прусскаго милитаризма. Именно этому удивительно сложному и неувловимому, но тѣмъ не менѣе ужасающе реальному явленію, по требованію Асквита, долженъ быть положенъ конецъ.

Какъ это можетъ быть достигнуто? Прусскому военному господству, поскольку оно относится къ вѣшнему міру, наступитъ конецъ въ тотъ моментъ, когда германскія войска окажутся разбитыми, и когда военная мощь союзниковъ окажется достаточной не только для того, чтобы помѣшать дальнѣйшему наступленію германскихъ

армій, но и для того, чтобы отбросить ихъ назадъ, въ ихъ собственную территорію, разбитыми и пораженными. Къ этому, однако, врядъ ли цѣликомъ сводится задача, которую г. Асквиль имѣетъ въ виду. Поскольку прусскій милитаризмъ является угрозой Европѣ, своей силой, своимъ рвеніемъ и своей рѣшимостью въ нападеніи, результатъ настоящей войны можетъ поставить и поставить ему предѣлъ. Поскольку, однако, прусскій милитаризмъ является извѣстнымъ душевнымъ складомъ, онъ не можетъ быть преодолѣнъ никакими насильственными методами. Отъ него можно избавиться лишь путемъ духовной перемѣны въ самомъ нѣмецкомъ народѣ. Въ этомъ заключается надежда будущаго, и въ этомъ состоитъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ прочнаго мира.

Существуетъ извѣстная аналогія, которую американцы не могутъ не замѣтить, между положеніемъ, въ которомъ Пруссія, по всѣмъ признакамъ, скоро очутится, и тѣмъ, въ которомъ оказались южные штаты Американскаго союза по окончаніи Гражданской войны. Разбитые на полѣ сраженія, вожди общественнаго мнѣнія Юга и мужчины и женщины Юга тѣмъ не менѣе въ общемъ никогда не измѣняли своихъ взглядовъ на правоту и правильность того дѣла, за которое они такъ храбро боролись. Въ теченіе цѣлаго поколѣнія послѣ Аппоматокса они говорили о «проигранномъ дѣлѣ», и хотя они допускали, что дѣло проиграно, они продолжали настаивать, что это было правое дѣло. За пятьдесятъ лѣтъ условія настолько измѣнились, что все это въ значительной мѣрѣ отошло въ область исторіи. Люди, которые сражались лицомъ къ лицу въ противоположныхъ арміяхъ, теперь могутъ обсуждать, и часто обсуждаютъ, съ величайшимъ спокойствіемъ и въ самомъ дружескомъ духѣ, ка-

кой возможенъ, причины и проблемы конфликта, который въ періодъ 1861—65 годовъ потрясъ союзъ до самыхъ основаній. Намъ кажется, что урокъ, который можно отсюда извлечь, состоитъ въ томъ, что когда Германія будетъ разбита, изъ этого не должно будетъ непременно послѣдовать,—и даже, по всей вѣроятности, совершенно не послѣдуетъ,—что она измѣнитъ свой взглядъ на правильность своей позиціи въ этой войнѣ и на правоту своего дѣла. Но, точно такъ же какъ это было съ нашимъ Югомъ, когда пройдетъ полвѣка, это будетъ лишь предметомъ для академическихъ разсужденій и споровъ. Прусскій милитаризмъ будетъ низвергнутъ, поскольку арміи союзниковъ могутъ низвергнуть его, когда Германія вынуждена будетъ участвовать въ выработкѣ мѣръ для установленія прочнаго мира на основѣ справедливости.

Остальное долженъ сдѣлать самъ германскій народъ. По всей вѣроятности, вѣрнымъ является утвержденіе, что независимо отъ вопроса о личныхъ предпочтеніяхъ германскаго императора въ іюлѣ 1914 года, эта война ни въ какомъ случаѣ не имѣла бы мѣста, еслибы революціонное движеніе 1848 года въ Германіи кончилось иначе. Неуспѣхъ этого движенія, поведшій за собой эмиграцію въ Америку значительнаго числа германскихъ либераловъ и медленное исчезновеніе изъ германской общественной жизни той сильной и сознательной категоріи либераловъ, которую можно найти во всякой другой европейской странѣ, этотъ неуспѣхъ лишилъ Германію того сильнаго импульса въ сторону демократической политики, какой дала Англии революція 1688 года и Франціи революція 1789 года. Съ исчезновеніемъ германскаго либерализма, разстояніе, отдѣляющее ультраконсерваторовъ, съ одной стороны, отъ социалистовъ, съ

другой, стало непрерывно расширяться, и при благо-склонномъ содѣйствіи прусской избирательной системы и германской имперской конституціи, власть ультра-консервативныхъ элементовъ была сохранена въ цѣ-лости, несмотря на значительный ростъ числа соціа-листовъ. Именно эти-то ультра-консервативные элемен-ты въ Германіи, съ ихъ господствующими взглядами на жизнь и политическимъ міросозерцаніемъ, вступили въ конфликтъ съ либеральными націями Западнаго міра. Точно такъ же какъ Наполеонъ, одной силой своей лич-ности и своего военного генія, на двадцать лѣтъ скон-центрировалъ въ своихъ рукахъ всю мощь и энергію послѣ-революціонной Франціи, точно такъ же прусскій ультра-консерватизмъ больше чѣмъ на двадцать лѣтъ сконцентрировалъ въ своихъ рукахъ всю мощь и всю энергію не-революціонизированной Германіи.

Послѣ Ватерлоо, тронъ Наполеона быстро запатался и упалъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ застоя и реакціи, Франція снова пошла впередъ по пути прогресса, на-мѣченному Революціей, пока она не стала Французской Республикой нашихъ дней. Подобное же развитіе, вѣ-роятно, предстоитъ Пруссіи и германскому народу. Онъ самъ долженъ опредѣлить формы и духъ своего прави-тельства, и никакая нація или группа націй, какъ бы полна ни была ихъ побѣда, не могутъ взять на себя задачу измѣнить это правительство, если онѣ не хотятъ отказаться отъ тѣхъ принциповъ, во имя которыхъ онѣ ведутъ войну. Побѣда надъ прусскимъ милитаризмомъ, какъ извѣстнымъ душевнымъ складомъ, и преобразование не-революціонизированной Германіи въ болѣе либераль-ное и болѣе демократическое государство, это—задачи, которыя долженъ выполнить самъ германскій народъ. Нельзя принужденіемъ вести къ покаянію. Кажется

невѣроятнымъ, чтобы народъ, обладающій такой умственной силой, дисциплиной, способностью къ организаци и научнымъ опытомъ, не пришелъ въ свое время къ тому же точно отношенію къ демократическому движенію, къ какому пришли Франція и Великобританія. Когда это случится, Германія замѣнитъ свою *Machtpolitik* той *Interessenpolitik*, на которой такъ упорно настаивалъ Бисмаркъ. Она, согласно другому мѣткому выраженію Бисмарка, снова будетъ вѣрно учитывать «*das Gewicht der Imponderabilien*», и нравственный законъ будетъ признанъ, какъ обязательный въ примѣненіи къ ея государственной политикѣ, въ такой же степени какъ въ примѣненіи къ ея частной жизни.

Совершенно вѣрно, что прусскій милитаризмъ долженъ быть всецѣло и окончательно разрушенъ, прежде чѣмъ сможетъ быть дѣйствительно обезпеченъ миръ всего міра; но, принимая во вниманіе, что онъ можетъ быть всецѣло и окончательно разрушенъ лишь самимъ германскимъ народомъ, нѣтъ необходимости продолжать войну до достиженія этой цѣли. Все что союзники могутъ сдѣлать для разрушенія прусскаго военнаго господства, это—запереть его въ предѣлахъ Германіи. Когда онъ будетъ такъ запертъ, онъ исчезнетъ, не медленно, а сравнительно скоро, благодаря давленію своего собственнаго вѣса и своему несогласію съ духомъ времени.

Есть, однако, одна возможность для прусскаго милитаризма выйти побѣдителемъ, даже если германскія арміи понесутъ окончательное пораженіе на полѣ битвы, — и это въ томъ случаѣ, если духъ и программа прусскаго милитаризма завоюютъ умы въ Великобританіи или въ какой-либо другой изъ союзныхъ странъ. Гимнъ Ненависти звучитъ такъ же непріятно по англійски,

какъ и по нѣмецки. Уничтоженіе либеральныхъ принциповъ и методовъ подъ предлогомъ національной необходимости мало чѣмъ отличается отъ того «die Not kennt kein Gebot», которымъ канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ оправдывалъ опустошеніе Бельгіи. Союзникамъ, и особенно Великобританіи, настоятельно необходимо остерегаться, чтобы въ то время какъ они разбиваютъ прусскій милитаризмъ на полѣ сраженія, онъ не одерживалъ надъ ними новыхъ и рѣшающихъ побѣдъ въ области идей. Устойчивый миръ требуетъ, чтобы прусскій милитаризмъ былъ всецѣло и окончательно сокрушенъ: прежде всего, союзными арміями на полѣ битвы; во-вторыхъ, германскимъ народомъ, въ области внутренней политики; и, въ третьихъ, союзными державами, которыя должны помѣшать ему вторгнуться въ ихъ собственныя политическія системы.

Х.

Основные принципы новаго международного порядка.
—Права и обязанности націй.—Интернаціональное міросозерцаніе.—Международное право, какъ національный законъ.

ПОСЛѢ того, что было сказано выше, нѣтъ необходимости подвергать подробному обзору вопросъ о международномъ мирѣ съ тѣхъ сторонъ, которыя представляютъ непосредственный интересъ для Италіи и для другихъ воюющихъ странъ, которыя позволительно, не нарушая должнаго уваженія, назвать второстепенными. Если позволительно рассчитывать на то, что Великобританія, Франція и Россія подпишутся подъ тѣми принципами и программами, которые мы формулировали, и если позволительно рассчитывать также на то, что Германія приметъ ихъ⁽¹⁾, то пора посмотрѣть, каковы должны быть основы новаго международного порядка, который долженъ имѣть санкцію и поддержку международного права и долженъ опираться на такую опредѣленную и сильную международную гарантію, что ни одна держава

---

(1) За тѣмъ исключеніемъ, что отказъ отъ Эльзасъ-Лотарингіи въ пользу Франціи, переходъ къ Россіи юрисдикціи надъ Босфоромъ и Дарданеллами, и ограниченіе того, что называется прусскимъ милитаризмомъ, предѣлами Германской Имперіи, гдѣ германскому народу будетъ предоставлено самому справиться съ нимъ такими путями и въ такое время, какіе онъ найдетъ подходящими,—что эти мѣры будутъ результатомъ принужденія, какъ цѣна, которой Германіи придется купить миръ, когда побѣда союзниковъ будетъ признана.

въ будущемъ не сможетъ съ легкимъ сердцемъ посягнуть на него или пошатнуть его.

Можно вѣрить и надѣяться, что этотъ новый международный порядокъ оправдываетъ утверждение Гладстона, сдѣланное почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и оказавшееся для того времени слишкомъ оптимистическимъ: «Величайшимъ триумфомъ нашего времени является воцареніе идеи общественнаго права, какъ идеи, направляющей европейскую политику».

Не подлежитъ сомнѣнію, что идея общественнаго права пустила глубокіе корни въ умахъ малыхъ націй, а также Великобританіи и Франціи. Послѣ этой войны, для всѣхъ тѣхъ, кому дороги свобода, справедливость и миръ, представится возможность, и на всѣхъ ихъ будетъ лежать долгъ, работать для распространенія господства общественнаго права не только на европейскую политику, но и на всемірную.

Чтобы найти отправную точку, необходимо достигнуть соглашенія между всѣми великими державами, включая Соединенные Штаты и Японію, относительно того, въ чемъ состоятъ основныя права и обязанности націй. 6 января 1916 года, Американскій Институтъ Международнаго Права, который является не чѣмъ инымъ какъ съѣздомъ, въ Вашингтонѣ, представителей всѣхъ американскихъ республикъ, выработалъ декларацию по вопросу о правахъ и обязанностяхъ націй, которая почти не оставляетъ желать лучшаго. Вотъ эта декларация:

1. Каждая нація имѣетъ право на существованіе и право защищать и охранять свое существованіе; но это право не означаетъ права государства совершать, съ цѣлью самозащиты и сохраненія собственнаго существованія, незаконные акты по отношенію къ невин-

нымъ и не посягающимъ на него государствамъ и не можетъ служить оправданіемъ такихъ актовъ.

2. Каждая нація имѣть право на независимость, въ томъ смыслѣ, что она имѣть право работать для развитія своего благосостоянія и свободно развиваться безъ вмѣшательства или контроля со стороны другихъ государствъ, при томъ условіи, что своей дѣятельностью она не посягаетъ на права другихъ государствъ и не нарушаетъ ихъ.

3. Каждая нація по закону и передъ лицомъ закона является равноправной со всякой другой націей, принадлежащей къ обществу націй; и всѣ націи имѣютъ право требовать и, согласно Декларации Независимости Соединенныхъ Штатовъ, «занимать, среди земныхъ державъ, то самостоятельное и равноправное положеніе, на которое имъ даютъ право законы природы и законы Бога природы».

4. Каждая нація имѣть право на территорію, ограниченную опредѣленными предѣлами, и право исключительной юрисдикціи надъ своей территоріей и всѣми лицами, которыя на ней находятся, будутъ ли они мѣстные уроженцы или иностранцы.

5. Всякая нація, которой международный законъ даетъ какое-либо право, можетъ требовать, чтобы это право почитали и защищали всѣ другія націи, такъ какъ между правомъ и обязанностью есть взаимотношеніе, и право одного означаетъ для всѣхъ обязанность соблюдать его.

6. Международное право является одновременно національнымъ и интернациональнымъ: національнымъ въ томъ смыслѣ, что оно является закономъ страны и должно примѣняться какъ таковой при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, затрагивающихъ его принципы; интернациональнымъ въ томъ смыслѣ, что оно является закономъ общества націй и должно примѣняться какъ таковой ко

всѣмъ вопросамъ, которые раздѣляютъ членовъ общества націй или встають между ними, и которые затрагиваютъ его принципы.

Еслибы эта декларація встрѣтила общее одобреніе, и еслибы были сдѣланы необходимые шаги, чтобы провести ее въ жизнь, то врядъ ли можно спорить, что въ результатѣ настоящей войны человѣчество подвинулось бы дальше на пути къ прочному миру, чѣмъ самые большіе оптимисты могли ожидать десять лѣтъ тому назадъ. Въ то же время, надо остерегаться и не слишкомъ полагаться на формальныя деклараціи и на механизмъ даже самой совершенной международной системы. Болѣе важнымъ, чѣмъ декларація правъ и обязанностей націй, и болѣе важнымъ, чѣмъ механизмъ, который будетъ сооруженъ, чтобы придать такой деклараціи жизненность и силу, является духъ тѣхъ народовъ, которые соединятся для проведенія этихъ мѣръ. Чего міръ ждетъ, и что онъ долженъ осуществить, прежде чѣмъ могутъ быть твердо заложены основы прочнаго мира, это то, что Николасъ Муррей Бутлеръ назвалъ интернаціональнымъ міросозерцаніемъ, которое по его опредѣленію, есть, «не что иное какъ преобладаніе такого представленія о международныхъ отношеніяхъ и сношеніяхъ и такого метода веденія ихъ, при которыхъ отдѣльныя націи цивилизованнаго міра разсматриваются какъ равные члены, соединенные дружественными отношеніями и общимъ содѣйствіемъ прогрессу цивилизаціи, развитію торговли и промышленности и распространенію просвѣщенія и культуры во всемъ мірѣ».

Если только эта точка зрѣнія привьется и этотъ кодексъ международного права будетъ принятъ, то всѣ

мечтанія о завоєваніи міра исчезнуть навсегда, равно какъ и всѣ планы распространенія англо-саксонской, латинской, тевтонской или славянской культуры на весь міръ. Отдѣльные камни въ зданіи цивилизаціи будутъ различны по размѣру, по характеру и по давленію, какое они могутъ выдержать, но каждый изъ нихъ будетъ имѣть свое назначеніе.

Тѣ націи, которыя теперь участвуютъ въ войнѣ, и тѣ нейтральныя націи, которыя присоединятся къ нимъ для осуществленія новаго международнаго порядка, не могутъ найти лучшей платформы, чѣмъ краснорѣчивыя слова деклараціи, которая была прочитана 31 іюля 1916 года Эліу Рутомъ, въ то время государственнымъ секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ, передъ оффиціальными делегатами американскихъ республикъ, посланными на третью пан-американскую конференцію въ Ріо-де-Жанейро,—декларацію, которая во всѣхъ американскихъ республикахъ нашла глубокой откликъ въ сердцахъ, и въ которой прозвучала нота неподдѣльно новой международной свободы:

«Мы не хотимъ побѣдъ, кромѣ побѣды мира; мы не хотимъ территоріи, кромѣ нашей собственной; мы не хотимъ господства, кромѣ господства надъ собой. Мы полагаемъ, что независимость и равноправіе самыхъ маленькихъ и слабыхъ членовъ семьи народовъ имѣютъ право на точно такое же уваженіе, какъ независимость и права величайшей имперіи, и мы полагаемъ, что соблюденіе этого уваженія является главной гарантіей для слабаго противъ угнетенія со стороны сильнаго. Мы не требуемъ и не хотимъ никакихъ правъ, никакихъ привилегій, никакого господства, на которыя мы охотно не признавали бы право за всякой американской республикой. Мы стремимся увеличить наше благосостояніе, расширить нашу торговлю, стать

богаче матеріально, умственно и духовно; но, въ нашемъ представленіи, путь къ этому состоитъ не въ томъ, чтобы тянуть другихъ книзу и использовать ихъ гибель, а въ томъ, чтобы помочь всѣмъ нашимъ друзьямъ идти къ общему процвѣтанію и общему росту, такъ чтобы мы всѣ вмѣстѣ могли стать болѣе великими и болѣе сильными».

То положеніе, что международное право является одновременно національнымъ и интернаціональнымъ, имѣеть широкое и очень практическое значеніе въ дѣлѣ созданія новаго международного порядка. Великобританскіе суды, начиная съ лордъ-канцлера Тальбота въ 1733 году, и включая лорда верховнаго судью Мансфилда въ 1764 году, всегда полагали, что международное право является частью обычнаго права Англіи. Сэръ Уильямъ Блэкстонъ защищалъ эту доктрину въ своихъ классическихъ комментаріяхъ. Эта доктрина имѣеть силу въ Соединенныхъ Штатахъ такъ же, какъ въ Англіи, какъ было убѣдительно доказано Томасомъ Джефферсономъ и Александромъ Гамильтономъ. На памяти настоящаго поколѣнія, Верховный Судъ Соединенныхъ Штатовъ высказался въ томъ смыслѣ, что международное право является частью нашего законодательства, и что для выясненія его требованій и для ихъ примѣненія въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ ни договора, ни акта исполнительной или законодательной власти или судебного рѣшенія, которые могли бы дать указаніе, указаній надо искать въ обычаяхъ и нравахъ цивилизованныхъ націй. Такимъ образомъ, уже имѣется наготовѣ достаточная юридическая основа для проведенія въ жизнь, по окончаніи войны, новаго международного порядка, который будетъ простираться и на Соединенные Штаты. Международный порядокъ, обладающій такимъ практическимъ

характеромъ, какой мы имѣемъ въ виду, требуетъ учрежденія международнаго суда. Нашимъ ближайшимъ шагомъ, поэтому, должно быть обсужденіе вопроса объ организаціи и функціяхъ такого суда и подведеніе итоговъ тому, что было сдѣлано для его установленія до 1 августа 1914 года.

ХІ.

Работы первой Гаагской Конференціи.—Разоруженіе и третейскія разбирательства.—Третейскій Судъ.

ВЫСТУПАЯ какъ членъ второй конференціи мира въ Гаагѣ, 1 августа 1907 года, г. Джозефъ Г. Коэйтъ слѣдующими словами закончилъ свою рѣчь въ защиту американскаго проекта постоянного третейскаго трибунала: «Мы сдѣлали много для урегулированія войны, но очень мало для ея предотвращения. Объединимся же на этой великой мѣрѣ въ пользу мира и докажемъ міру, что настоящая конференція дѣйствительно стремится къ тому, чтобы отнынѣ миръ, а не война, сталъ нормальнымъ состояніемъ цивилизованныхъ націй». Слова г. Коэйта могутъ служить хорошей основой для дискусіи о формахъ и юрисдикціи такого Международнаго Суда, который сможетъ наиболѣе содѣйствовать прочному миру.

Желательно установить съ полной ясностью существенную разницу между дѣйствительнымъ судомъ и третейскимъ трибуналомъ, и остерегаться смѣшенія одного понятія съ другимъ.

Принципъ международнаго третейскаго разбирательства и его различныя примѣненія имѣютъ долгую и интересную исторію; но здѣсь нѣтъ надобности разсказывать или разбирать ее. На первой конференціи мира въ Гаагѣ международное третейское разбирательство первоначально не было первостепеннымъ предметомъ въ порядкѣ дня. Русская циркулярная нота,

предлагавшая конференцію, которая состоялась въ 1899 году, почти вся была посвящена вопросу о желательности сокращенія вооруженій или, по крайней мѣрѣ, ограниченія ихъ роста. Въ нѣсколькихъ сильныхъ фразмахъ, эта нота, которая, благодаря своему русскому происхожденію, поразила весь міръ неожиданностью, указывала, какъ національная культура, экономическій прогрессъ и производство богатствъ либо парализуются, либо развитіе ихъ извращается, подъ вліяніемъ громадныхъ расходовъ на «страшныя средства истребленія, которыя сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній въ той же области». Къ тому же, продолжала нота, «по мѣрѣ того, какъ вооруженія каждой націи возрастаютъ, они все меньше и меньше служатъ той цѣли, къ которой стремятся правительства . . . Представляется очевиднымъ, такимъ образомъ, что еслибы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть, и передъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка». Въ этой нотѣ вопросъ о третейскомъ разбирательствѣ прямо не упоминался, хотя можно съ правомъ утверждать, что принципъ судебного разрѣшенія международныхъ споровъ въ скрытомъ видѣ содержался въ той части, гдѣ выражалась надежда, что конференція вродѣ той, которая предлагалась, приведетъ къ согласію всѣхъ націй объединиться на «торжественномъ провозглашеніи принциповъ справедливости и законности, на которыхъ покоится цѣлостъ государствъ и благо народовъ». Если націи должны сойтись на провозглашеніи своей вѣры въ нѣкоторые основные принципы справедливости и законности, то ка-

залось бы, что онѣ должны быть готовы создать учрежденіе для примѣненія этихъ принциповъ въ конкретныхъ случаяхъ международныхъ разногласій; а такимъ учрежденіемъ можетъ быть лишь то, что міру извѣстно какъ судъ.

Послѣ того какъ главнѣйшія державы въ принципѣ согласились на международную конференцію, которую предлагало русское правительство, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Муравьевъ, предложилъ программу конференціи, которая заключала восемь вопросовъ. Послѣдній изъ этихъ вопросовъ касался принципиальнаго согласія на примѣненіе, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ столкновений, «добрыхъ услугъ», посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства, въ случаяхъ когда представится возможнымъ пользоваться этими методами, а также выработки соглашенія по вопросу объ ихъ примѣненія и установленія единообразныхъ правилъ для ихъ примѣненія. На дѣлѣ оказалось, что этотъ вопросъ занялъ вниманіе первой Гаагской Конференціи больше, чѣмъ всѣ вопросы о сокращеніи вооруженій. Очень скоро выяснилось, не только для участниковъ конференціи, но и для общественнаго мнѣнія всего міра, что, какъ бы великодушны и человѣколюбивы ни были мотивы, побудившіе царя созвать международную конференцію по вопросу объ ограниченіи вооруженій, постановка этого вопроса не представляла ни самаго разумнаго, ни самаго практическаго пути къ разрѣшенію проблемы созданія новаго международного порядка, который помогъ бы вѣрнѣе обезпечить миръ. Было ясно и не вызывало разногласій то обстоятельство, что вооруженія сами по себѣ являются результатомъ, а не причиной; что они

являются орудіями, съ помощью которыхъ война ведется, но что сами вооруженія не объявляютъ войны и прямо не вызываютъ ея. Такъ что пытаются ограничить вооруженія, и въ то же время оставлять нетронутыми дѣйствительныя причины войны и дѣйствительные факторы международной зависти и вражды, значило бы начинать съ конца.

Проведеніе такой программы не помѣшало бы войнѣ, но повело бы, по всей вѣроятности, къ тому, что война велась бы съ значительно большей тратой человѣческихъ жизней и денежныхъ средствъ, въ виду необходимости импровизировать въ короткій срокъ цѣлый рядъ военныхъ и морскихъ мѣропріятій для веденія войны, которая была бы возможна, какъ результатъ международной зависти, тщеславія или алчности. Не можетъ быть сомнѣнія, что международное соперничество въ увеличеніи вооруженій представляетъ собой экономическій и моральный безпорядокъ, имѣющій самыя серьезныя послѣдствія; но чтобы положить конецъ этому безпорядку, надо нанести ударъ его причинамъ, а не простымъ симптомамъ его. Его причины коренятся глубоко въ человѣческой природѣ и въ національной гордости и тщеславіи. Есть лишь одинъ практическій способъ уменьшить вѣроятность войны и обезпечить, въ результатѣ, постепенное сокращеніе военныхъ и морскихъ вооруженій; это—добиваться со стороны общественнаго мнѣнія великихъ націй міра все большей и большей поддержки того принципа, что международныя разногласія могутъ и должны разсматриваться и разрѣшаться судобнымъ путемъ.

Поэтому труды первой Гаагской Конференціи не только заслуживаютъ одобренія, но выдѣляются какъ

яркая точка въ исторіи развитія лучшихъ международныхъ отношеній. Американцы, англичане и французы могутъ гордиться тѣмъ, что въ вопросѣ объ учрежденіи постоянного третейскаго трибунала, которое является главнымъ постояннымъ результатомъ первой Гаагской Конференціи, какъ инициатива проекта, такъ и наибольшее вліяніе въ благополучномъ осуществленіи его, принадлежали предсѣдателю и секретарю американской делегаціи, доктору Андрью Д. Уайту и Фредерику В. Холлсу; предсѣдателю британской делегаціи, лорду (въ то время сэру) Джуліану Паунсефуту; и тремъ главнымъ представителямъ Французской Республики, гг. Леону Буржуа, д' Эстурнель-де-Констану и Рено. Личное письмо доктора Уайта къ фонъ-Бюлову, тогдашнему германскому имперскому канцлеру, написанное 16 іюня 1899 г., является, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ въ дипломатической исторіи новаго времени. Это письмо, а также личное вліяніе въ Германіи доктора Уайта и г. Холлса, который передалъ письмо, убѣдило германскаго императора и канцлера отказаться отъ оппозиціи по отношенію ко всякому признанію принципа третейскаго разбирательства и, такимъ образомъ, привело къ тому, что Германія примкнула къ заключительному акту конференціи. Когда будетъ учрежденъ настоящій Международный Судъ, то, быть можетъ, окажется, что поддержка со стороны какъ официальной Германіи, такъ и германскаго общественнаго мнѣнія, если такая поддержка будетъ дана, должна быть, въ значительной степени, связана, какъ съ исходной точкой, съ шагомъ, сдѣланнымъ германскимъ императоромъ и его канцлеромъ въ 1899 году, подъ вліяніемъ настоятельной и крайне убѣдительной просьбы доктора Уайта.

Первая Гаагская Конференція, въ сущности не учредила суда, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно понимаютъ, но она означала крупный шагъ впередъ на пути къ учрежденію такого суда и въ смыслѣ подготовки общественнаго мнѣнія къ дальнѣйшимъ и болѣе крупнымъ шагамъ. Не малымъ успѣхомъ являлось то, что удалось добиться отъ всѣхъ державъ общей деклараціи, что онѣ будутъ употреблять всѣ усилія, чтобы обезпечить мирное разрѣшеніе международныхъ разногласій, съ цѣлью избѣжать, по мѣрѣ возможности, примѣненія силы въ отношеніяхъ между государствами. Онѣ сообща выработали замѣчательныя правила для примѣненія «добрыхъ услугъ» и посредничества, а также для функціонированія международныхъ слѣдственныхъ комиссій. Онѣ опредѣлили, какъ задачу международныхъ третейскихъ судовъ, «разрѣшеніе споровъ между государствами судьями, wybranными ими самими, и на основѣ уваженія къ праву». Сразу видно, какъ это далеко отъ разрѣшенія споровъ между государствами судьями, wybranными независимо, и на основѣ не только уваженія къ праву, но и подчиненія велѣніямъ права. Постоянный третейскій трибуналъ являлся, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ спискомъ людей, пользующихся «признанной въ вопросахъ международнаго права компетентностью и величайшимъ уваженіемъ съ нравственной стороны, и расположенныхъ принять на себя обязанности третейскихъ судей». Такой трибуналъ, который для своего существованія и полезнаго функціонированія всецѣло зависитъ отъ согласія двухъ государствъ, находящихся въ конфликтѣ, представить во-

прось на третейское разбирательство, и отъ того, сойдутся ли они въ выборѣ отдѣльныхъ судей, не является настоящимъ судомъ. Тѣмъ не менѣе, не надо преуменьшать его значеніе, такъ какъ этотъ трибуналъ рѣшилъ немало дѣлъ, представлявшихъ болѣе чѣмъ среднія трудности, и помогъ приучить общественное мнѣніе цивилизованнаго міра къ созерцанію того, какъ суверенныя націи представляютъ на разслѣдованіе и рѣшеніе третейскихъ судей международные споры, которые не удалось разрѣшить обычнымъ дипломатическимъ путемъ.

По настоянію президента Рузвельта, Мексика и Соединенные Штаты безъ замедленія представили на рѣшеніе трибунала дѣло о калифорнійскомъ религіозномъ фондѣ. Вскорѣ послѣ этаго, Германія, Великобританія и Италія представили ему свой споръ съ Венецуэльской Республикой по поводу преимущественнаго удовлетворенія нѣкоторыхъ денежныхъ требованій ихъ подданныхъ. Точно такъ же, Франція, Германія и Великобританія представили гаагскому трибуналу свои разногласія съ Японіей, по вопросу возникшему на почвѣ экстра-территориальной юрисдикціи, которая до 1894 года существовала для гражданъ иностранныхъ государствъ, живущихъ въ Японіи. Дѣло между Франціей и Германіей, по поводу Казабланки, и между Франціей и Великобританіей по поводу Саваркара, были рассмотрѣны и рѣшены тѣмъ же путемъ. Самымъ важнымъ дѣломъ, какое до сихъ поръ разбиралось передъ этимъ трибуналомъ, несомнѣнно является дѣло о Сѣверо-Атлантическихъ рыбныхъ промыслахъ, гдѣ Великобританія и Соединенные Штаты выступали какъ стороны въ запутанной тяжбѣ, которая длилась уже сто лѣтъ.

Можно видѣть, повтому, что если нація еще не учредили настоящаго Международнаго Суда, онѣ уже такъ далеко пошли на пути къ его учрежденію, что не должно представлять затрудненій покрыть остающееся разстояніе, въ виду животрепещущей важности существованія такого суда для установленія международнаго порядка, цѣль котораго обезпечить прочный миръ.

ХІІ.

Работы второй Гаагской Конференціи.—Различіе между третейскимъ трибуналомъ и Международнымъ Судомъ.—Практическія предложенія въ цѣляхъ учрежденія настоящаго суда.—Аналогія между Международнымъ Судомъ и Верховнымъ Судомъ Соединенныхъ Штатовъ.

НА ВТОРОЙ Гаагской Конференціи, состоявшейся въ 1907 году, была сдѣлана энергичная попытка создать, кромѣ постояннаго третейскаго трибунала, учрежденнаго въ Гаагѣ Конференціей 1899 года, настоящій Международный Судъ. Въ этомъ значительную роль сыграла упорная настойчивость американской делегаціи. Американскіе делегаты дѣйствовали въ согласіи съ опредѣленными инструкціями государственнаго секретаря, Рута, и они добились значительно большаго успѣха, чѣмъ обычно полагаютъ. Тотъ пунктъ, до котораго дошли тогда на пути къ учрежденію суда, является тѣмъ пунктомъ, съ котораго надо будетъ начать, когда война будетъ окончена.

Въ своихъ формальныхъ инструкціяхъ американскимъ делегатамъ на конференцію, г. Руть указывалъ, что главное возраженіе противъ третейскаго разбирательства покоится не на нежеланіи націй представлять свои разногласія на рѣшеніе безпристрастныхъ третейскихъ судей, а на опасеніи, что рѣшенія, которымъ онѣ должны подчиняться, могутъ не быть дѣйствительно безпристрастными. Другими словами, онъ стремился дать совершенно ясно понятъ американскимъ делегатамъ, и

черезъ нихъ конференціи, разницу между дѣятельностью судей, рѣшающихъ вопросы фактовъ и права, на основаніи фактическихъ данныхъ и съ сознаниемъ судебной отвѣтственности, и дѣятельностью посредниковъ, улаживающихъ вопросы, которые имъ были представлены, въ согласіи съ тѣми традиціями и обычаями, и въ зависимости отъ всѣхъ тѣхъ соображеній и вліяній, которыя дѣйствуютъ на дипломатическихъ агентовъ. Первое является судебнымъ рѣшеніемъ спорнаго вопроса; второе—попыткой дать удовлетвореніе обѣимъ сторонамъ, посредствомъ компромисса въ той или иной формѣ. Г. Рутъ указывалъ на Верховный Судъ Сединенныхъ Штатовъ, который выносить безпристрастныя и объективныя рѣшенія по вопросамъ, возникающимъ между гражданами различныхъ штатовъ или между иностранными гражданами и гражданами Соединенныхъ Штатовъ, какъ на типъ такого суда, на рѣшеніе котораго всѣ націи міра гораздо болѣе охотно, чѣмъ сейчасъ, представляли бы свои споры. Онъ предписывалъ американскимъ делегатамъ направить усилія къ преобразованію существующаго гаагскаго трибунала въ настоящій судъ, состоящій изъ судей, которые были бы судебными должностными лицами и больше ничѣмъ, которые получали бы достаточное вознагражденіе, которые не занимались бы ничѣмъ другимъ, и которые посвящали бы все свое время разсмотрѣнію и разрѣшенію международныхъ процессовъ, пользуясь судебными методами, и съ сознаниемъ судебной отвѣтственности. Онъ указывалъ, что члены такого суда должны вербоваться изъ различныхъ странъ съ такимъ расчетомъ,

чтобы различныя системы права и судебной процедуры и разные языки были правильно представлены. Г. Рутъ ясно высказывалъ надежду, что такой судъ будетъ окруженъ такимъ достоинствомъ, уваженіемъ и почетомъ, что самые лучшіе и способные юристы будутъ согласны принимать назначеніе въ его члены, и что весь міръ будетъ питать безусловное довѣріе къ его рѣшеніямъ.

Лучшаго описанія, чѣмъ то, какое далъ г. Рутъ, до сихъ поръ не существуетъ для того Международнаго Суда, который является существенной составной частью всякаго международнаго порядка, имѣющаго своей цѣлью прочный миръ. Однако, прежде чѣмъ такой судъ можетъ быть созданъ, необходимо устранить опасенія и сомнѣнія тѣхъ, для кого представляется вопросомъ, можетъ ли такой судъ быть дѣйствительно безпристрастнымъ, и, слѣдовательно, будетъ ли это учрежденіе дѣйствительно судебнымъ по характеру. Для американцевъ, которые имѣютъ передъ глазами примѣръ Верховнаго Суда Соединенныхъ Штатовъ, и которые свыклись съ тѣмъ понятіемъ о независимости судебной власти, которое ставить судей внѣ контроля исполнительной власти и внѣ политическаго контроля, и которое даетъ имъ власть не только рѣшать споры между отдѣльными личностями, но также защищать отдѣльную личность и ея конституціонныя права противъ посягательствъ самихъ властей, исполнительной и законодательной,—для американцевъ не представляется труднымъ усвоить понятіе о независимомъ и безпристрастномъ международномъ судѣ. Это стало теперь болѣе легкимъ также для поданныхъ Великобританіи, такъ какъ новѣйшая исторія

дѣятельности Судебнаго Комитета Тайнаго Совѣта показала имъ, какъ серьезные вопросы конституціоннаго и международнаго права, которые встаютъ во всѣхъ концахъ имперіи, разрѣшаются судебнымъ порядкомъ въ этомъ учрежденіи, засѣдающимъ въ Вестминстерѣ.

Гораздо труднѣе понять, что разумѣется подъ такимъ судомъ, для гражданъ или подданныхъ такихъ странъ, гдѣ судебная власть, въ сущности, является частью общей административной системы, а не независимой корпораціей, имѣющей власть подвергать разсмотрѣнію вопросъ о законности правительственныхъ актовъ. Въ странахъ, гдѣ суды не имѣютъ другихъ функций, какъ разрѣшать спорные вопросы между отдѣльными личностями, и гдѣ нація не дошла еще въ своемъ развитіи до той высшей точки, гдѣ гражданская и политическая свобода находится подъ защитой судебныхъ установленій,—въ такихъ странахъ не легко добиться поддержки для проекта, который предусматриваетъ возможность, что правительственный актъ будетъ подвергнутъ судебному разсмотрѣнію. Нѣтъ, вѣроятно, лучшаго и болѣе короткаго пути для ознакомленія народовъ Австро-Венгріи, Германіи и Россіи съ задачами и функциями такого суда, какой мы описываемъ, чѣмъ учредить его, такъ чтобы его дѣйствія и методы сами служили своимъ собственнымъ объясненіемъ.

Мы обязаны соединеннымъ усиліямъ делегатовъ Великобританіи, Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ тѣмъ, что проектъ Международнаго Суда былъ одобренъ второй Гаагской Конференціей, 16 октября 1907 года. Къ сожалѣнію, конференціи не удалось придти къ соглашенію относительно способа, которымъ должны избираться члены проектируемаго суда. Невозможность придти къ соглашенію по этому существенному пункту

на время лишила проектъ всякаго практическаго значенія. Однако, конференція не ограничилась принятіемъ проекта, а пошла еще дальше и высказала опредѣленное пожеланіе, чтобы судъ былъ учрежденъ, какъ только націи сѹмѣютъ придти къ соглашенію относительно способа назначенія судей. Германское правительство официально заявило готовность содѣйствовать учрежденію этого суда, а британское, французское и американское правительства публично поддержали выступленія своихъ представителей въ Гаагѣ. Это крупныя факты, на которые нельзя закрывать глаза.

Важно не упускать изъ виду, что постановленіе второй Гаагской Конференціи 1907 года не сводится къ простому отвлеченному пожеланію, чтобы былъ учрежденъ судъ; это былъ опредѣленный призывъ къ державамъ предпринять учрежденіе суда. Такимъ образомъ, съ того дня какъ закрылась вторая Гаагская Конференція, для любой группы націй не представляетъ труда войти въ соглашеніе объ учрежденіи такого суда для данной группы, если эти націи сѹмѣютъ придти къ общему рѣшенію вопроса о томъ, какъ назначать судей. Надѣялись, между прочимъ, что можетъ быть созданъ международный призовой судъ, и что его юрисдикція можетъ быть постепенно расширена, пока она не покроетъ всего поля дѣятельности Международнаго Суда. Въ настоящее время, всѣ тѣ кому дорога справедливость, гдѣ бы они не находились, почувствовали бы большое удовлетвореніе, еслибы правительства союзныхъ державъ, не ожидая окончанія войны, публично заявили, что въ осуществленіе одного изъ пунктовъ и условій прочнаго мира, онѣ предполагаютъ сообща работать для скорого учрежденія Международнаго Суда на тѣхъ началахъ, по существу, какія были намѣчены и приняты съ общаго со-

гласія на второй Гаагской Конференціи. Такое заявленіе съ ихъ стороны лишній разъ подчеркнуло бы тѣ принципы свободы, порядка и справедливости, которые они теперь отстаиваютъ на поляхъ сраженія, и во время обсужденія условій мира все болѣе и болѣе направляло бы мысль людей въ сторону той справедливости, которая должна быть положена въ основу всякаго мира и должна сопровождать всякій миръ, для того чтобы онъ былъ прочнымъ, и въ то же время оно отвлекло бы ихъ отъ мысли о мести и репрессіяхъ, которыя могутъ явиться лишь факторами новыхъ войнъ.

Сдѣлать этотъ шагъ не должно быть трудно, такъ какъ американское правительство настойчиво побуждало къ нему всѣ крупныя державы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, и опредѣленно и точно указывало, какія мѣры могутъ быть приняты. Работы Лондонской Конференціи 1908-09 гг. положили начало формулировкѣ нѣкоторыхъ частей того права, которому проектируемый судъ долженъ будетъ давать истолкованіе и примѣненіе. Однако, раньше, чѣмъ соглашеніе относительно Лондонской Декларациі было окончательно выработано, разразилась война, и всякое дальнѣйшее движеніе по необходимости было приостановлено. Никогда раньше не было дано болѣе яснаго доказательства справедливости стариннаго изрѣченія: «*Inter arma silent leges*».

Еще 12 января 1914 года г. Джемсъ Браунъ Скоттъ, который въ качествѣ юрисконсульта при государственномъ департаментѣ былъ посланъ какъ делегатъ по техническимъ вопросамъ на вторую Гаагскую Конференцію, обратился къ г. Лудону, нидерландскому министру иностранныхъ дѣлъ, съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ его взять на себя инициативу въ осуществленіи проекта учрежденія Международнаго Суда, черезъ со-

трудничество Голландіи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи, Италіи, Японіи и Россіи. Въ этомъ письмѣ, которое было написано съ одобренія двухъ бывшихъ государственныхъ секретарей, г. Эліу Рута и г. Роберта Бэкона, указывалось, что судъ, учрежденный соединенными усиліями этихъ націй, для всѣхъ практическихъ цѣлей будетъ имѣть всѣ преимущества и исполнять всѣ функціи настоящаго международнаго суда, и въ скоромъ времени станетъ, вѣроятно, судомъ, къ которому всякая нація рада будетъ обратиться. Прежде чѣмъ удалось предпринять какіе-либо шаги, низко нависшія тучи войны разразились грозой.

Весьма вѣроятно, что планъ, предложенный г. Скоттомъ, является наиболѣе осуществимымъ и, слѣдовательно, тѣмъ, который имѣетъ наиболѣе шансовъ на примѣненіе. Международный судъ, установленный по соглашенію между девятью вышеназванными націями, пользовался бы всѣмъ необходимымъ престижемъ и авторитетомъ. Еслибы какая-либо нація, не участвующая въ соглашеніи, пожелала явиться на этотъ судъ, какъ тяжущаяся сторона, или еслибы она была расположена принять приглашеніе или повѣстку, призывающую ее на судъ, то было бы легко предписать, чтобы въ такомъ случаѣ эта нація могла назначить своего ассессора на время разбирательства даннаго дѣла. Еслибы на разсмотрѣніе суда было представлено дѣло, въ которомъ оказались бы замѣшанными двѣ или нѣсколько націй, не участвовавшихъ въ соглашеніи объ его учрежденіи, то точно такъ же каждая изъ этихъ націй могла бы получить право назначить ассессора для участія въ разсмотрѣ-

ни даннаго дѣла. Намъ не представляется ни необходимымъ, ни желательнымъ, вдаваться здѣсь въ дальнѣйшія подробности относительно организаціи и сферы дѣятельности этого суда. Этотъ предметъ во всей полнотѣ и со всѣхъ точекъ зрѣнія разсматривается въ опубликованныхъ протоколахъ второй Гаагской Конференціи и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, посвященныхъ этому специальному вопросу.

Надо простить американцамъ, если они упорно настаиваютъ на пользѣ, какую представляетъ изученіе исторіи и практики Верховнаго Суда Соединенныхъ Штатовъ, какъ средство найти отвѣтъ на возраженія и устранить тѣ трудности, которыя, по мнѣнію многихъ мыслящихъ людей въ другихъ странахъ, встанутъ въ связи съ вопросомъ о созданіи Международнаго Суда. Можно сомнѣваться, встанетъ ли передъ такимъ судомъ хоть одинъ строго юридическій вопросъ относительно правъ націй и ихъ членовъ, который не стоялъ уже передъ Верховнымъ Судомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ формѣ вопроса о правахъ отдѣльныхъ штатовъ и ихъ гражданъ. Такъ, на примѣръ, почти восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Верховный Судъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ былъ установить различіе между судебнымъ и политическимъ вопросомъ; онъ сдѣлалъ это тогда и съ тѣхъ поръ часто дѣлалъ это безъ всякихъ серьезныхъ затрудненій. Если вопросъ касается общихъ формъ и политическаго характера того или иного правительства, то онъ является, по существу, политическимъ вопросомъ; онъ, слѣдовательно, не подлежитъ вѣдѣнію суда и не можетъ быть представленъ таковому на разсмотрѣніе. Международный Судъ долженъ былъ бы, конечно, постепенно, рядомъ постановленій, создать систему прецедентовъ, которые образовали бы нѣчто вродѣ свода меж-

дународнаго обычнаго права. Отправной точкой явилось бы международное право въ его теперешней формѣ, существующіе въ настоящее время договоры, и форма того соглашенія, продуктомъ котораго явился бы самый судъ. Можно представить себѣ дѣло въ такомъ видѣ, что судъ самъ будетъ рѣшать, подлежитъ ли данный вопросъ его вѣдѣнію или нѣтъ, тамъ гдѣ это будетъ подъ сомнѣніемъ. Международный Судъ врядъ ли будетъ отличаться отъ Верховнаго Суда Соединенныхъ Штатовъ въ томъ отношеніи, что и онъ не будетъ стремиться заставить то или иное правительство явиться на судъ, когда ему предъявляется обвиненіе или искъ, и не будетъ стремиться силой приводить въ исполненіе свои постановленія, направленные противъ того или иного правительства. Если гласность, окружающая дѣятельность такого суда, глубокая и убѣдительная разумность его постановленій, и наличность международнаго общественнаго мнѣнія, убѣжденно поддерживающаго принципъ судебного разрѣшенія международныхъ споровъ,—если все это не въ силахъ будетъ обезпечить выполненіе рѣшеній Международнаго Суда, тогда міръ не готовъ еще для такого суда. Учредить его при такихъ условіяхъ значило бы только создать новую возможность такого расширенія и обостренія международныхъ разногласій, которое, вѣроятно, усилило бы вѣроятность войны. Было время, когда Андрию Джаксонъ могъ, подъ вліяніемъ партійнаго духа и личныхъ чувствъ, сказать: «Джонъ Маршалъ вынесъ свое рѣшеніе; пусть же онъ теперь приведетъ его въ исполненіе». Однако, рѣшеніямъ Верховнаго Суда Соединенныхъ Штатовъ не только подчиняются,—ихъ уважаютъ. Это является слѣдствіемъ не только увѣренности въ ихъ разумности,—увѣренности, выработанной столѣтней традиціей,—но и того обстоя-

тельства, что американское общественное мнѣніе не допустило бы другого отношенія. Есть полное основаніе полагать, что методъ судебной дѣятельности, который оказался приложимымъ, разумнымъ и благотворнымъ въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ, со временемъ окажется приложимымъ, разумнымъ и благотворнымъ также и въ отношеніяхъ между націями. Важно сдѣлать первый шагъ. Союзныя державы въ состояніи его сдѣлать.

ХІІІ.

Желательный планъ дѣйствій послѣ войны.—Программа для третьей гаагской конференціи.—Четыре конкретныхъ практическихъ предложенія.

ЕСТЕСТВЕННЫМЪ методомъ дѣйствій для державъ послѣ окончанія войны было бы рѣшить сообща, на международной конференціи, вернуться къ соглашенію, формулированному второй Гаагской Конференціей, относительно мирнаго разрѣшенія международныхъ споровъ, и учредить Международный Судъ, болѣе или менѣе въ той формѣ, которая въ общихъ чертахъ была уже намѣчена. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, было бы возможно упростить и улучшить тѣ формулы, которыя послужили почвой для соглашенія въ прошломъ. Эта война сдѣлала не только возможнымъ, но и легкимъ, подвинуться значительно дальше тѣхъ позицій, какія были заняты въ то время. Общественное мнѣніе понимаетъ теперь яснѣе, чѣмъ тогда, что связано съ этими соглашениями, и какъ они желательны. Такъ, напримѣръ, для того чтобы международныя слѣдственные коммиссіи представляли дѣйствительную цѣнность, необходимо должны быть устранены тѣ ограниченія, которыя исключаютъ изъ сферы ихъ дѣятельности разногласія международного характера, затрагивающія честь или существенные интересы заинтересованныхъ націй. Вѣдь нѣтъ такого международного конфликта, если только все его значеніе не ничтожно, въ которомъ кто-нибудь не сумѣлъ бы найти вопросъ, затрагивающій либо честь, либо существенные интересы.

Съ другой стороны, является крайне важнымъ не давать никакихъ обѣщаній, которыя не могутъ или не будутъ соблюдаться націями, вступающими въ договоръ. Поэтому лишь постольку можно будетъ попытаться сдѣлать что-нибудь, поскольку тѣ націи, которыя вступятъ въ договоръ, будутъ понимать организацію и юрисдикцію Международнаго Суда и организацію и сферу власти международныхъ слѣдственныхъ комиссій и будутъ согласны на нихъ. Пытаться сдѣлать больше, значить создавать надежды, которыя потомъ навѣрно окажутся разбитыми. Пытаться формально создать международный порядокъ, который опережалъ бы все, къ чему міръ готовъ, можетъ имѣть то послѣдствіе, что такой международный порядокъ будетъ отложенъ на цѣлое поколѣніе, или даже на столѣтіе. Война подготовила міръ ко многому, чего онъ не принялъ бы три года тому назадъ. Задача государственной мудрости установить, что общественное мнѣніе, наученное опытомъ, готово теперь поддержать, и воплотить это въ международныхъ учрежденіяхъ.

Всякая международная конференція для выработки условій прочнаго мира, должна будетъ, само собой разумѣется, включать Соединенные Штаты. Соединенные Штаты являются участникомъ въ этой войнѣ,—участникомъ, правда, нейтральнымъ, и противъ своего желанія. Современныя условія сдѣлали возможнымъ такое положеніе, при которомъ нація можетъ оставаться нейтральной и въ то же время быть замѣшана, и прямо, и косвенно, по своимъ экономическимъ интересамъ и по своимъ принципамъ, въ войнѣ, которая разыгрывается на другомъ материкѣ. Къ тому же, эта война—не обыкновенная война. Это, какъ уже много разъ говорилось и повторялось, столкновеніе идеаловъ, жизненныхъ міро-

созерцаний, политическихъ и социальныхъ стремлений. Вотъ почему она должна вестись до тѣхъ поръ, покуда принципы, о которыхъ идетъ рѣчь, не смогутъ быть осуществлены, и почему она не можетъ кончиться компромиссомъ. Неспособность занять опредѣленную позицію за одну или за другую сторону въ этомъ конфликтѣ означаетъ или такую умственную тупость, при которой человѣкъ неспособенъ понять самыхъ важныхъ мировыхъ вопросовъ, или такую глубокую аморальность, при которой человѣку безразлична судьба человѣческой породы, ея свободы и ея прогресса. Чтобы предотвратить возможность повторенія такого конфликта, представители нейтральныхъ государствъ несомнѣнно будутъ призваны засѣдать за однимъ столомъ съ представителями воюющихъ державъ.

Уже триста лѣтъ какъ начали создаваться замѣчательные и дальновидные планы установленія мирнаго международнаго порядка. Уже въ 1623 году Эмерикъ Крюсэ предложилъ свой проектъ, заключавшій свободу торговли по всему міру. Послѣ Утрехтскаго мира, аббатъ де-Сэнъ-Пьерръ изложилъ свой проектъ, заключавшій посредничество, третейскія разбирательства и, вдобавокъ, интересный пунктъ, гласившій, что глава государства, который начнетъ войну прежде, чѣмъ она будетъ объявлена союзомъ націй, или который откажется исполнить распоряженіе союза или рѣшеніе сената, долженъ быть объявленъ врагомъ европейскаго общества. Союзъ въ такомъ случаѣ долженъ вести противъ него войну до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ разоруженъ, и распоряженіе или рѣшеніе приведено въ исполненіе. Лѣтъ за двадцать до этого, Вильямъ Пэнъ создалъ свой курьезный и по истинѣ необыкновенный проектъ европейскаго мира, гдѣ онъ тоже предлагалъ употреблять военную

силу противъ всякаго главы государства, который откажется представить свои требованія на разсмотрѣніе европейскаго сейма или парламента, который предлагалось учредить, или который откажется повиноваться какому-нибудь распоряженію такого учрежденія и исполнять его. Всѣ эти проекты, равно какъ проекты Руссо, Бентама и Канта, появившіеся позднѣе, и тщательна разработанный и продуманный очеркъ Вильяма Ладда о Конгрессѣ Націй, изданный въ 1840 году,— всѣ они появились на свѣтъ слишкомъ рано. Это были прекрасныя и благородныя мечтанія ясновидцевъ, и понадобилось три съ лишнимъ столѣтія для того, чтобы цивилизованные люди начали дѣлать шаги къ ихъ осуществленію.

Изъ той интернаціональной конференціи, которая соберется послѣ войны, долженъ выйти, и навѣрно выйдетъ, союзъ государствъ для обезпеченія мира. Можно ясно видѣть, что г. Асквиль давно уже носитя съ этой мыслью. 25 сентября 1914 года, когда война только что началась, и надежды Германіи стояли высоко и твердо, г. Асквиль, выступая въ Дублинѣ и говоря о причинахъ и значеніи войны, сказалъ: «Она означаетъ, наконецъ, или должна означать, установленіе, можетъ быть въ результатѣ медленнаго и постепеннаго процесса, на мѣсто силы, на мѣсто конфликтовъ сталкивающихся притязаній, на мѣсто группъ и союзовъ и неустойчиваго равновѣсія, —установленіе, на мѣсто всего этого, настоящаго европейскаго сотрудничества, основаннаго на признаніи равныхъ правъ для всѣхъ, созданнаго общей волей и функционирующаго въ согласіи съ ней. Годъ назадъ это звучало бы какъ утопія. Это идея, которая, вѣроятно, не можетъ быть и не будетъ осуществлена ни сегодня, ни завтра. Если эта война будетъ рѣшена въ пользу

союзныхъ державъ, и тогда когда это случится, эта идея сразу окажется для европейскихъ государственныхъ дѣятелей въ сферѣ обсуждения, и очень скоро въ сферѣ осуществленія». Событія ускоряютъ осуществленіе надеждъ г. Асквита. 9 ноября этого года, канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ заявилъ въ главной комиссіи рейхстага: «Германія во всякое время готова вступить въ лигу націй,—и даже стать во главѣ такой лиги,—имѣющей цѣлью обуздывать нарушителей мира». Еще раньше, 27 мая 1916 г., выступая въ Вашингтонѣ, президентъ Вильсонъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Только тогда, когда великія націи міра достигнутъ какого-нибудь соглашенія относительно того, что, по ихъ мнѣнію, является основнымъ для ихъ общихъ интересовъ, и относительно практическаго метода согласованныхъ дѣйствій, на случай если какая-нибудь нація или группа націй захочетъ нарушить это основное,—только тогда мы сможемъ почувствовать, что приближается время, когда цивилизація оправдываетъ свое существованіе и требуетъ, чтобы ее окончательно установили». Подобныя же, хотя и менѣе прямыя, заявленія дѣлались отвѣтственными государственными людьми и вождями общественнаго мнѣнія и въ другихъ странахъ. И намъ представляется, что по окончаніи войны передъ міромъ будетъ открыта практическая возможность немедленно осуществить объединеніе націй, съ цѣлью учредить Международный Судъ для разсмотрѣнія дѣлъ, поддающихся судебному разсмотрѣнію, международныя слѣдственныя комиссіи для облегченія разрѣшенія конфликтовъ, не подлежащихъ суду, при помощи безпристрастнаго и добросовѣстнаго разсмотрѣнія фактовъ и опубликованія ихъ, и вообще съ цѣлью осуществить миръ всего міра.

Лучше всего было бы, еслибы союзныя державы, выработавъ сообща условія, на которыхъ настоящій конфликтъ можетъ быть улаженъ, сами созвали такую конференцію въ Гаагѣ, чтобы тамъ продолжать работу на тѣхъ основаніяхъ, которыя уже были заложены въ 1899 и 1907 годахъ. Естественно ожидать, что союзники возьмутъ на себя инициативу по созыву этой конференціи, такъ какъ такой шагъ вполне согласовался бы съ неоднократными и рѣшительными заявленіями ихъ правительствъ. Сильное участіе Франціи поможетъ осуществить, на сколько это теперь возможно, пророчество Мишлэ: «*Au XX siècle, la France déclarera la Paix au monde*».

Если бы союзники по какой либо причинѣ не захотѣли созвать такую конференцію, инициатива президента Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ отношеніи представляется теперь значительно облегченной. 64-ый конгрессъ, при обсужденіи расходной смѣты морского вѣдомства на текущій годъ, включилъ въ нее слѣдующій пунктъ, который теперь является закономъ для страны:

«Настоящимъ мы заявляемъ, что Соединенные Штаты въ своей политикѣ стремятся къ улаженію и разрѣшенію международныхъ споровъ путемъ посредничества или третейскаго разбирательства, такъ чтобы можно было избѣжать войны, не нарушая требованій чести. Они смотрятъ съ тревогой и неодобреніемъ на общій ростъ вооруженій въ мірѣ, но отдають себѣ отчетъ въ томъ, что ни одна отдѣльная нація не можетъ разоружаться, и что пока нѣтъ общаго соглашенія по этому предмету, каждая крупная держава вынуждена сохранять свою военную силу на относительной высотѣ.

«Въ виду этихъ обстоятельствъ, президенту представляется, и его просятъ, въ подходящій моментъ, и не позже окончанія войны въ Европѣ, предложить всѣмъ

крупнымъ правительствамъ міра послать представителей на конференцію, которая должна будетъ формулировать планъ третейскаго суда или другого трибунала, которому спорные вопросы между націями будутъ представляться на разсмотрѣніе и мирное разрѣшеніе, а также должна будетъ разсмотрѣть вопросъ о разруженіи и представить свои соображенія на одобреніе отдѣльныхъ правительствъ. Настоящимъ президенту предоставляется назначить девять гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, которые, по его мнѣнію, являются подходящими для такой миссіи по своей высокой компетентности въ вопросахъ права и по преданности дѣлу мира, какъ представителей Соединенныхъ Штатовъ на таую конференцію. Президентъ назначить размѣры вознагражденія для вышеупомянутыхъ представителей и секретарей или другихъ служащихъ, какіе окажутся необходимыми. Двѣсти тысячъ долларовъ, или такая часть этой суммы, которая потребуется, ассигнуются настоящимъ актомъ для этого спеціальнаго назначенія и предоставляются въ распоряженіе президента для исполненія предписаній, содержащихся въ этомъ параграфѣ».

Можно полагать, такимъ образомъ, что будетъ ли такая третья Гаагская Конференція созвана правительствами союзныхъ державъ или президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, она состоится въ наикратчайшій срокъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій. Такая конференція, по существу, будетъ первымъ шагомъ къ созданію союза государствъ для установленія мира всего міра. На этой конференціи делегаты Соединенныхъ Штатовъ должны настаивать не только, во-первыхъ, на учрежденіи Международнаго Суда, и, во-вторыхъ, международныхъ слѣдственныхъ комиссій, которыя мы уже назвали и описали; но также, въ-третьихъ, на глубокой разумности такого постановленія, по которому конференція въ будущемъ собиралась бы автоматически въ опредѣ-

ленные сроки, къ примѣру, каждые четыре года; и, въ четвертыхъ, на принятіи по существу и, насколько возможно, по формѣ, той деклараціи основныхъ правъ и обязанностей націй, которую мы полностью дали здѣсь. Послѣдній актъ далъ бы Международному Суду опредѣленный и точный сводъ основныхъ принциповъ, которымъ ему придется давать примѣненіе и истолкованіе въ тѣхъ различныхъ дѣлахъ, какія будутъ представляться на его усмотрѣніе.

Во всемъ этомъ Соединенные Штаты свободно могутъ принять полное участіе, не отказываясь отъ традиціонныхъ принциповъ своей политики, и не принося въ жертву ни одного изъ своихъ интересовъ. Соединенные Штаты живо и прямо заинтересованы въ выработкѣ международного права и въ созданіи международного порядка для всего міра. Но въ высшей степени серьезный и трудный вопросъ встаетъ, какъ только мы перейдемъ къ разсмотрѣнію, въ связи съ отношеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, тѣхъ практическихъ способовъ, при помощи которыхъ требованія международного права будутъ проводиться въ жизнь, и той практической опоры, которая должна будетъ быть дана всякому международному порядку, какой будетъ установленъ. Подписывая конвенцію о мирномъ разрѣшеніи международныхъ споровъ, принятую на Гаагской Конференціи 1899 года, делегація Соединенныхъ Штатовъ сдѣлала слѣдующее формальное заявленіе:

«Ничто въ этой конвенціи не должно быть истолковано въ такомъ смыслѣ, который требовалъ бы отъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отказа отъ ихъ традиціонной политики воздержанія отъ вторженія, вмѣшательства, или всего что можетъ вовлечь ихъ въ политическіе вопросы, или программы, или во внутреннее

управленіе другихъ государствъ; и ничто въ вышеупомянутой конвенціи не должно быть истолковано въ смыслѣ отказа Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ ихъ традиціонной позиціи по отношенію къ чисто американскимъ вопросамъ».

Эта оговорка была повторена въ опредѣленныхъ выраженіяхъ американскими делегатами на Гаагской Конференціи 1907 года. Это заявленіе, если перевести его на простой языкъ, означаетъ, что если есть одно международное право, и если, можетъ быть, будетъ существовать одинъ международный порядокъ, въ провозглашеніи и въ учрежденіи котораго Соединенные Штаты будутъ участвовать, то въ то же самое время есть двѣ отдѣльныхъ и отличныхъ области юрисдикціи для исполненія требованій международного права и для проведенія въ жизнь международного порядка. Одна юрисдикція простирается на Европу и на тѣ части Азіи и Африки, которыя непосредственно зависятъ отъ Европы; другая — на Америку.

XIV.

Примѣненіе международнаго права и проведеніе въ жизнь новаго международнаго порядка.—Критика предложенія о примѣненіи силы, какъ средства заставить представлять всякій международный вопросъ суду или примирительному совѣту, прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія.—Соединеннымъ Штатамъ трудно было бы участвовать въ подобнаго рода соглашеніи.—Дѣйствительная международная гарантія національной безопасности.

ПРИНИМАЯ во вниманіе тѣ оговорки, которыя были сдѣланы делегатами Соединенныхъ Штатовъ на обѣихъ гаагскихъ конференціяхъ, спрашивается, какіе методы могутъ быть употребляемы для примѣненія международнаго права и для проведенія въ жизнь международнаго порядка, въ установленіи котораго Соединенные Штаты примутъ участіе, и каково можетъ быть отношеніе Соединенныхъ Штатовъ къ этой системѣ? Какія санкціи возможны и желательны для международнаго права и для постановленій Международнаго Суда?

Будетъ удобнѣе разсмотрѣть послѣдній вопросъ въ первую очередь.

Позволительно, можетъ быть, предположить, что та «философія Каина», о которой гдѣ-то говоритъ Мадзини, не будетъ больше имѣть силы въ глазахъ міра. Въ широкомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, націи всего міра являются сторожами своихъ братьевъ. Тѣ принципы и программы, и тѣ условія счастья и прогресса людей,

которые не могут быть огорожены національными границами и не могут быть ограничены предѣлами расы, религіи или языка, не являются безразличными ни для одного народа. Это—предметы, представляющіе общій интересъ для всѣхъ и требующіе совмѣстнаго участія всѣхъ. Аналогія между положеніемъ личностей по отношенію къ государству, съ одной стороны, и положеніемъ штатовъ, какъ членовъ федеральной системы, и націй, какъ равныхъ соучастниковъ въ международномъ порядкѣ, съ другой,—эта аналогія можетъ быть полезна для освѣщенія вопроса, но ей не надо придавать преувеличеннаго значенія. Личность, это—обособленное, отвѣтственное существо, которое можно карать за его поступки. Нація, это—совокупность личностей, которыя придерживаются различныхъ личныхъ мнѣній и имѣютъ различные личные интересы, которыя могутъ соглашаться или не соглашаться съ даннымъ шагомъ своего правительства, могутъ поддерживать или не поддерживать его, которыя поэтому нельзя считать лично отвѣтственными за правительственную политику, не совершая несправедливости и не причиняя ненужнаго зла. Наказывать преступленія правительства убійствомъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые являются его подданными, или разграбленіемъ и разрушеніемъ ихъ имущества, не было бы истиннымъ возмездіемъ. Примѣненіе силы въ отношеніяхъ между націями вызываетъ серьезныя возраженія, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ пасифистскимъ ученіямъ или къ доктринѣ непротивленія, а вытекаютъ изъ самой природы вещей. Мы не имѣемъ въ настоящее время предложенія ни изъ какого авторитетнаго источника, которое клонилось бы къ созданію чего-нибудь похожаго на меж-

дународную полицейскую власть для исполненія постановленій Международнаго Суда. Всѣ предложенія сводятся къ тому, чтобы предоставить это международному обществу мнѣнью. Есть, однако, хорошо обоснованныя предложенія, клонящіяся къ тому, чтобы, въ случаѣ если какая-нибудь нація, ставшая членомъ проектируемаго международного порядка, выпустить ультиматумъ или будетъ угрожать войной, не представивъ предварительно спорный вопросъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, на разсмотрѣнїе судебного трибунала или примирительнаго совѣта,—чтобы противъ такой націи немедленно выступили другія державы и направили противъ нея, прежде всего, свою экономическую силу, а затѣмъ и свою объединенную военную силу, если нація, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно начнетъ войну или торгнется въ чужую территорію.

Поскольку такого рода планъ является признаніемъ того несомнѣннаго факта, что сила, въ той или иной формѣ, является послѣдней санкціей во всѣхъ людскихъ дѣлахъ, онъ имѣетъ подъ собою твердую почву. Но когда онъ предлагаетъ непосредственно перейти къ практическому примѣненію этого принципа въ той формѣ, какъ мы указали, то вопросъ становится далеко не такимъ яснымъ. Такъ, напримѣръ, не представляется невѣроятнымъ, что принятіе такой программы повело бы къ тому, что всякая война, каковъ бы ни былъ ея характеръ, на дѣлѣ превратилась бы во всемірную войну. Если на это скажутъ, что объединенныя силы всѣхъ другихъ державъ будутъ такъ сокрушительны, что ни одна держава не рѣшится бросить имъ вызовъ, то тѣмъ, кто знакомъ съ политической и военной исторіей Европы позволительно будетъ усомниться въ этомъ.

Оставляя въ сторонѣ все прочее, установить ко всеобщему удовлетворенію, которая изъ сторонъ, участвовавшихъ въ соглашеніи, является первой нападающей стороной, не всегда такъ легко, чтобы оправдать ужасные результаты такого положенія, при которомъ актомъ нападенія со стороны данной націи будетъ признано то, что эта нація будетъ разсматривать какъ актъ самозащиты, и міровая война должна будетъ разразиться, если долженъ быть примѣненъ принципъ, о которомъ идетъ рѣчь. Если мы потрудимся тщательно разсмотрѣть оффиціальную корреспонденцію, которой обмѣнялись различныя европейскія правительства между 23 іюля и 4 августа 1914 года, то мы ясно увидимъ, какія усилія каждое правительство употребляло, чтобы свалить вину на какое-нибудь другое правительство. Съ тѣхъ поръ міровое общественное мнѣніе имѣло достаточно времени для изученія всѣхъ документовъ и пришло къ вполне определеннымъ заключеніямъ, поскольку дѣло идетъ о предстоящей войнѣ. Но развѣ было бы практически осуществимо, или даже возможно, въ первые дни августа 1914 года, чтобы концертъ націй съ объединенными военными силами пошелъ противъ Австро-Венгріи, или Россіи, или Германіи, и чувствовалъ бы подъ собой твердую почву? Если скажутъ, что при наличности такого соглашения между націями, какое предлагается, такіе акты нападенія, какіе были совершены въ послѣдніе дни іюля и въ первые дни августа 1914 года, не могли бы имѣть мѣста, то вѣдь ясно, что на это можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ, а именно, что это очень произвольное и очень опасное предположеніе.

Можно дать еще болѣе интересную иллюстрацію. 20 апрѣля 1914, президентъ Соединенныхъ Штатовъ въ

формальной деклараціи передъ конгрессомъ говорилъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Тампико, въ Мексикѣ. Изложивъ факты, относившіеся къ этимъ инцидентамъ, президентъ продолжалъ: «Я явился по-этому просить вашего одобренія на то, чтобы я употребилъ вооруженныя силы Соединенныхъ Штатовъ, въ такой формѣ и въ такихъ размѣрахъ, какіе окажутся необходимыми, чтобы добиться отъ генерала Хуэрты и его сторонниковъ самаго полного признанія правъ и достоинства Соединенныхъ Штатовъ». Два дня спустя, обѣ палаты конгресса приняли общую резолюцію, гласившую, что президентъ имѣетъ полное основаніе пользоваться вооруженными силами Соединенныхъ Штатовъ, чтобы добиться исполненія своихъ требованій о недвусмысленномъ удовлетвореніи за извѣстныя оскорбленія и недопустимыя поступки по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, и въ то же время отрицавшую всякую враждебность со стороны Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ мексиканскому народу и всякое намѣреніе вести войну противъ Мексики. Случилось такъ, что въ промежуткѣ между тѣмъ днемъ, когда президентъ читалъ свою декларацію въ конгрессѣ, и тѣмъ, когда была принята общая резолюція, а именно 21 апрѣля, адмиралъ, командовавший американскимъ флотомъ у Вѣра-Круцъ, дѣйствуя въ согласіи съ инструкціями, высадилъ морской отрядъ въ этомъ городѣ и захватилъ таможеню. При этихъ операціяхъ, какъ было установлено, девятнадцать американскихъ моряковъ было убито и семьдесятъ ранено, а потери мексиканцевъ составляли 126 убитыхъ и 195 раненыхъ. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что юридически это былъ актъ войны.

Въ то время, когда все это происходило, между

Соединенными Штатами и Мексикой существовалъ договоръ, который ясно и опредѣленно требовалъ, чтобы всѣ разногласія, какія могутъ возникнуть между правительствами обѣихъ республикъ, по возможности разрѣшались такимъ путемъ, чтобы мирныя и дружественныя отношенія, которыя существовали во время заключенія договора, не были нарушены, и чтобы въ томъ случаѣ, если оба правительства сами не счумѣютъ придти къ соглашенію, они на этомъ основаніи не прибѣгали къ репрессіямъ, нападенію или какимъ бы то ни было враждебнымъ дѣйствіямъ, до тѣхъ поръ, пока то правительство, которое считаетъ, что его права были нарушены, не подвергнетъ зрѣлому обсужденію, въ духѣ мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, вопросъ о томъ, не будетъ ли предпочтительнѣе уладить такое разногласіе путемъ третейскаго суда, составленнаго изъ комиссаровъ, назначенныхъ каждой стороною или дружественной націей. Этотъ пунктъ, заключавшійся въ договорѣ, заключенномъ въ Гвадалупо-Гидальго и опубликованномъ 4 іюля 1848, былъ ясно подтвержденъ въ договорѣ, подписанномъ Гадсденомъ и опубликованномъ 30 іюня 1854 года.

Таковы факты. Станутъ ли тѣ, которые настаиваютъ на примѣненіи силы, какъ средства заставить ту или иную державу представлять ея международные споры на разсмотрѣніе судебного учрежденія или примирительнаго совѣта, прежде чѣмъ прибѣгать къ войнѣ или грозить войной,—станутъ ли они утверждать, что еслибы такое соглашеніе существовало въ апрѣлѣ 1914 года, то арміи и флоты Великобританіи, Франціи, Германіи, Россіи, Италіи и Японіи должны были бы вмѣстѣ двинуться противъ Соединенныхъ Штатовъ? Если бы такой шагъ былъ сдѣланъ, то чего можно было бы скорѣе

ожидать: что онъ будетъ содѣйствовать международному миру, или что онъ сдѣлаетъ неизбѣжной продолжительную и разрушительную международную войну?

И еще разъ, если скажутъ, что будь такое соглашеніе налицо, правительство Соединенныхъ Штатовъ не сдѣлало бы того шага, о которомъ идетъ рѣчь, то на это придется отвѣтить, что такое утвержденіе является крайне сомнительнымъ, чтобы не сказать больше.

Тѣ, кто считаются съ фактами международныхъ отношеній и не хотятъ поддаваться обману формулъ или простыхъ обобщеній, не могутъ не найти многихъ основаній для того, чтобы не дать своего согласія на такой планъ, который при обстоятельствахъ, только что изложенныхъ нами, заставилъ бы европейскія державы, съ которыми Соединенные Штаты со всеми были въ дружественныхъ отношеніяхъ, вести войну сообща противъ американскаго народа. Трудно представить себѣ, чтобы такое явленіе, или его возможность, могли найти мѣсто въ какомъ бы то ни было планѣ, цѣль котораго установить прочный миръ.

Въ дѣйствительности единственная практическая санкція международнаго права, это—общественное мнѣніе цивилизованнаго міра. Даже теперь націи не очень охотно согласны подвергаться осужденію другихъ народовъ. Такое осужденіе ведетъ къ нерасположенію, а нерасположеніе ведетъ къ экономической и интеллектуальной изолированности. Послѣдней нигдѣ не хотятъ и вездѣ боятся. Какъ общее правило, самыя сильныя правительства скорѣе всего отзываются на сужденія международнаго общественнаго мнѣнія. Въ высшей степени печально, что германское правительство почувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы бросить вызовъ общественному мнѣнію всего міра, какъ своей ролью

въ событіяхъ вызвавшихъ войну, такъ и своими способами веденія войны. Но, дѣлая это, оно отступило отъ доктрины и отъ практики Бисмарка. Онъ всегда старался, прежде чѣмъ начать войну, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы расположить общественное мнѣніе другихъ націй въ пользу своей политики и своихъ дѣйствій. То «подобожее уваженіе къ мнѣніямъ человѣчества», которое было положено въ основу перваго національнаго публичнаго акта въ Западномъ мірѣ, продолжаетъ оставаться могучей движущей силой среди людей и народовъ. Можно считать большимъ вопросомъ, не является ли эта самая санкція болѣе дѣйствительной, какъ средство, которымъ достигается повиновеніе даже мѣстнымъ законамъ, чѣмъ тѣ кары, которыя предписываютъ различные законы. Не одного человѣка, который не боялся бы наказанія, предписаннаго закономъ за дурной поступокъ, удерживаетъ отъ него боязнь того ужаснаго наказанія, какое содержится въ потерѣ уваженія и довѣрія окружающихъ.

По сколько дѣло касается народа Соединенныхъ Штатовъ, намъ представляется, что есть одно почти непреодолимое препятствіе, которое не позволить имъ участвовать въ соглашеніи, предписывающемъ общую войну противъ націи, которая отказалась бы подчиниться и упорно хотѣла бы начать враждебныя дѣйствія, не представляя спорнаго вопроса на третейское разбирательство. Нѣтъ болѣе высокаго или болѣе торжественнаго акта верховной власти, чѣмъ объявленіе войны. Конституція Соединенныхъ Штатовъ даетъ эту власть конгрессу. Если бы Соединенные Штаты вступили въ международное соглашеніе, которое обязывало бы ихъ участвовать своими военными и морскими силами въ общей войнѣ противъ нѣкоторой другой, не названной

націи, въ неуказанное время, и при обстоятельствахъ, которыя опредѣляются лишь въ общихъ чертахъ,—то, оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы о конституціонности, они этимъ передали бы право совершать этотъ торжественный актъ верховной власти въ другія руки. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ или, можетъ быть, десятилѣтій, народъ Соединенныхъ Штатовъ могъ бы проснуться въ одно прекрасное утро и констатировать, что онъ находится въ войнѣ съ Россіей, или Греціей, или Испаніей, или Аргентиной, въ результатъ какихъ-нибудь событій, о которыхъ онъ самъ мало зналъ бы, или не зналъ бы ничего, и воевать изъ-за которыхъ, можетъ быть, представлялось бы ему невѣроятнымъ. Шансы на то, что при такихъ обстоятельствахъ подобнаго рода соглашеніе было бы соблюдено, не представляются очень крупными. Поэтому въ него не слѣдуетъ вступать.

Въ связи съ этимъ не мѣшаетъ вспомнить, что когда 18 марта 1913 года президентъ Вильсонъ заявилъ о нежеланіи Соединенныхъ Штатовъ участвовать въ такъ называемомъ займѣ шести державъ Китаю, онъ указалъ, какъ на одну изъ причинъ, на то обстоятельство, что отвѣтственность, которая связана съ участіемъ въ займѣ, могла бы пойти такъ далеко, что какое-нибудь несчастное стеченіе обстоятельствъ могло бы вынудить со стороны Соединенныхъ Штатовъ вмѣшательство въ финансовыя и даже политическія дѣла Китая.

Та международная гарантія національной безопасности, которой ищутъ націи, въ частности европейскія націи, была бы достигнута черезъ созданіе тѣхъ учреждений и провозглашеніе тѣхъ принциповъ, которые мы уже изложили и описали. Опорой и санкціей этихъ учреждений и ихъ гарантіей было бы мировое общественное мнѣніе. Подъ послѣднимъ мы разумѣемъ не только

миѣніе правительствъ, но воспитанное и просвѣщенное миѣніе народовъ, стоящихъ подъ властью этихъ правительствъ. Націи не разоружились бы, но онѣ могли бы приступить къ ограниченію вооруженій, согласно съ условіями взаимнаго соглашенія. Человѣчество стало бы на путь къ болѣе счастливому и болѣе мирному будущему, но ни Утопія, ни золотой вѣкъ не были бы достигнуты сразу.

ХV.

Участіе Соединенныхъ Штатовъ въ примѣненіи междунагоднаго права и въ проведеніи въ жизнь новаго междунагоднаго порядка.—Доктрина Монро.—Европейская и американская области юрисдикціи.—Подготовка Соединенныхъ Штатовъ къ участію въ междунагодныхъ дѣлахъ.—Національная политика и служеніе націи.

ОТНОШЕНІЕ Соединенныхъ Штатовъ къ тѣмъ методамъ, которые будутъ приняты для примѣненія междунагоднаго права и проведенія въ жизнь междунагоднаго порядка, является предметомъ величайшаго интереса, не только для народа Соединенныхъ Штатовъ, но также и для народовъ Европы. Если, по установленіи междунагоднаго порядка при содѣйствіи Соединенныхъ Штатовъ, отвѣтственность за проведение въ жизнь этого междунагоднаго порядка въ Европѣ и въ тѣхъ частяхъ Азіи и Африки, которыя политически связаны съ Европой, будутъ вопросомъ, въ которомъ Соединенные Штаты не будутъ прямо заинтересованы, то представляется важнымъ, чтобы это обстоятельство и все, что изъ него вытекаетъ, было ясно учтено.

Въ этомъ именно пунктѣ мы сталкиваемся съ традиціонной политикой Соединенныхъ Штатовъ, основанной, какъ всегда полагали, на слѣдованіи предписаніямъ прощальной рѣчи Вашингтона и на тѣхъ заявленіяхъ и программахъ, которыя взятыя вмѣстѣ, составляютъ то, что извѣстно какъ доктрина Монро. Именно это имѣли

въ виду американскіе делегаты на обѣихъ Гаагскихъ Конференціяхъ, когда они формально представили тѣ оговорки, которыя мы уже цитировали.

Съ точки зрѣнія чистой теоріи, легко можно возразить, что если мы стремимся къ развитію въ будущемъ мира и дружественныхъ отношеній во всемъ мірѣ, то нѣтъ причинъ, почему бы Соединеннымъ Штатамъ не соединиться на равныхъ основаніяхъ съ европейскими націями, чтобы взять на себя международныя обязанности и международную отвѣтственность во всѣхъ частяхъ свѣта. Напротивъ того, разсуждая теоретически, можно привести много причинъ, почему такая перемѣна въ политикѣ Соединенныхъ Штатовъ была бы здоровой и разумной. Но, не задаваясь вопросомъ о томъ, что будетъ возможно черезъ 100 лѣтъ, представляется совершенно очевиднымъ, что практически въ настоящій моментъ было бы невозможно убѣдить народъ Соединенныхъ Штатовъ сдѣлать такіе небывалые и революціонные шаги. Его правительственная система не приспособлена къ возможности подобной дѣятельности, и его привычки мысли, по всей вѣроятности, исключили бы всякую возможность послѣдовательнаго и выдержаннаго сотрудничества такого характера, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени и для ближайшаго будущаго.

Вѣрно, конечно, что тѣ опредѣленные обстоятельства, которыя имѣлъ въ виду Вашингтонъ, когда онъ читалъ свою прощальную рѣчь, и Монро, когда онъ представилъ конгрессу свое посланіе отъ 2 декабря 1823 года, давно измѣнились. Теперь не существуетъ больше такой вещи, какъ европейская правительственная система, которую можно было бы распространить на нашъ континентъ или на какой-либо другой. Распространеніе

демократическихъ идей и принциповъ захватило значительное большинство европейскихъ націй, и въ сердцахъ этихъ народовъ живетъ такая же сильная любовь къ свободѣ, какъ въ сердцахъ народа Соединенныхъ Штатовъ. Время на сторонѣ демократіи. Тѣ націи, которыя все еще продолжаютъ ограждать отъ нея свои правительственныя формы, неизбежно должны будутъ уступить, болѣе или менѣе добровольно, раньше или позже. Разстояніе, которое раздѣляетъ Европу и Америку, это уже больше не различіе ихъ политическихъ міросозерцаній,—потому что послѣднія непрерывно стремились и стремятся къ болѣе тѣсному сближенію. Это уже не обширный и бурный океанъ, перейти который связано съ опасностью и затрудненіями,—потому что паръ и электричество соединились, чтобы сдѣлать это разстояніе почти ничтожнымъ. Настоящее разстояніе, отдѣляющее ихъ, это то, что выражается различіемъ въ названіяхъ Старый Свѣтъ и Новый Свѣтъ. Это различіе, корни котораго, конечно, лежатъ въ исторіи, въ значительной степени, пожалуй, основано на чувствѣ; но оно отъ этого нисколько не становится менѣе реальнымъ и существеннымъ. Именно это различіе лежало въ основѣ совѣтовъ Вашингтона. Было бы нелѣпо смотрѣть на эти совѣты, какъ на предписаніе, которое никогда не можетъ быть измѣнено, и отъ котораго никогда нельзя отступать, какъ бы ни измѣнялись міровыя условія; и было бы неправильно придавать имъ строгое и узкое значеніе, котораго они могутъ и не имѣть; но остается вѣрнымъ, тѣмъ не менѣе, что прогрессъ американскаго народа представляется болѣе вѣроятнымъ, если онъ будетъ слѣдовать этимъ совѣтамъ, внося въ нихъ различныя поправки, по мѣрѣ того какъ этого требуютъ или къ этому

вынуждаютъ обстоятельства, чѣмъ если онъ совершенно откажется отъ нихъ въ попыткѣ сразу вступить на новые и еще не испытанные пути.

Доктрина Монро, это программа національной политики, съ которой въ настоящее время широко считаются, и которую въ значительной степени признаютъ, европейскія націи. Она не является частью международнаго права, но она легко можетъ стать таковой, если будетъ выработанъ международный порядокъ на такихъ основаніяхъ, что отвѣтственность за его проведеніе въ жизнь будетъ раздѣлена между двумя областями, европейской и американской. Прежде чѣмъ представить конгрессу то посланіе, въ которомъ была провозглашена доктрина Монро, Монро обратился за совѣтомъ къ Джефферсону и получилъ отъ него въ отвѣтъ знаменитое письмо, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее сильное мѣсто: «Вопросъ, заключающійся въ письмахъ, которыя Вы мнѣ послали, является самымъ значительнымъ, какой мнѣ приходилось разсматривать, послѣ вопроса о независимости. Вопросъ о независимости сдѣлалъ насъ націей; этотъ вопросъ наставляетъ нашъ компасъ и указываетъ направленіе, въ которомъ мы должны грести черезъ океанъ времени, открывающійся передъ нами..... Нашимъ первымъ и основнымъ правиломъ должно быть никогда не втягиваться въ европейскіе раздоры; нашимъ вторымъ правиломъ—никогда не допускать, чтобы Европа вмѣшивалась въ дѣла, касающіяся этой стороны Атлантическаго океана». Вскорѣ послѣ этого, выступая въ палатѣ представителей, Даніэль Вебстеръ, представлявшій противоположный полюсъ политической мысли, въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказался по поводу доктрины Монро: «Я не стану помогать стереть ее или

вырвать ее; и никакой актъ съ моей стороны не запятнать ее. Она сдѣлала честь дальновидности правительства, и она не уронить этой чести». Двумя поколѣніями позже, въ своемъ посланіи конгрессу отъ 17 декабря 1895 года, президентъ Кливеландъ характеризовалъ доктрину Монро, какъ доктрину, которая должна примѣняться ко всѣмъ стадіямъ нашей національной жизни и держаться, пока держится наша республика.

Если въ государственныхъ документахъ доктринѣ Монро придается болѣе или менѣе опредѣленное содержаніе и значеніе, то въ умахъ народа она, въ общемъ, представляется скорѣе, какъ извѣстная точка зрѣнія и какъ общій руководящій принципъ международной политики. Еслибы даже было желательно попытаться измѣнить эту національную точку зрѣнія и перемѣнить этотъ направляющій принципъ политики, то это было бы совершенно неосуществимо. Доктрина Монро должна быть принята, какъ элементарный фактъ, при всякой попыткѣ придти къ практическому заключенію въ вопросѣ объ участіи Соединенныхъ Штатовъ въ проведеніи въ жизнь новаго международного порядка. Поскольку дѣло касается европейской территоріи и юрисдикціи, новый международный порядокъ долженъ будетъ проводиться въ жизнь самими европейскими націями. Поскольку дѣло касается американской территоріи и юрисдикціи, новый международный порядокъ долженъ будетъ проводиться въ жизнь народомъ Соединенныхъ Штатовъ въ дружественномъ согласіи съ народами другихъ американскихъ республикъ.

Формальное установленіе этихъ двухъ отличныхъ юрисдикцій нисколько не должно ослабить положеніе и вліяніе Соединенныхъ Штатовъ въ тѣхъ совѣщаніяхъ и

полу-законодательныхъ актахъ, которые заложать основанія прочнаго мира, и изъ которыхъ выйдетъ новый международный порядокъ. Не надо думать также, что оно лишитъ народъ Соединенныхъ Штатовъ возможности и права высказывать свои чувства и убѣжденія, когда вопросы законности и справедливости, права и неправды, будутъ вставать между націями въ какой бы то ни было части свѣта. Оно означаетъ только, что по тѣмъ причинамъ, которыя были указаны, и на тѣхъ основаніяхъ, которыя были даны, прямая отвѣтственность правительства Соединенныхъ Штатовъ за примѣненіе новаго международного порядка будетъ ограничена предѣлами американскихъ континентовъ и территорій, принадлежащихъ какой-либо изъ американскихъ республикъ.

Народъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ готовиться къ этой задачѣ международного совѣта и лучшей международной организаци. Онъ долженъ понять, что если самая широкая мѣра мѣстнаго самоуправленія является жизненной необходимостью для непрерывнаго существованія и продуктивной работы нашихъ внутреннихъ учреждений, то, когда нація выступаетъ во внѣшней политикѣ, она должна выступать какъ одно цѣлое, и ея выступленія должны быть вездѣ поддержаны. Ложный шагъ во внутреннемъ законодательствѣ можетъ быть исправленъ безъ всякаго вреда для кого бы то ни было, кромѣ насъ самихъ. Но ложный шагъ во внѣшней политикѣ никогда не можетъ быть исправленъ, потому что онъ оказываетъ дѣйствіе не только на насъ самихъ, но и на мнѣніе, какое другіе составляютъ о насъ. Говорять, что теперешній германскій императоръ однажды сказалъ, что онъ не видитъ, какъ его правительство когда нибудь сможетъ заключить новый договоръ съ

Соединенными Штатами, такъ какъ, согласно нашему конституціонному праву, условія договора, поскольку они являются мѣстнымъ закономъ Соединенныхъ Штатовъ, могутъ быть, и не разъ были, измѣнены или отмѣнены послѣдующимъ актомъ конгресса, безъ всякаго формальнаго извѣщенія другой высокой договаривающейся стороны. Всѣмъ извѣстно, конечно, что въ Соединенныхъ Штатахъ договорное право пестрить трудными и деликатными вопросами, и приходится согласиться, что если Соединенные Штаты хотятъ стать дѣйствительнымъ международнымъ факторомъ для поддержки тѣхъ идей и принциповъ, на которыхъ основаны ихъ собственное правительство и ихъ собственный политическій строй, и если они хотятъ оказать посильную помощь дѣлу установленія и сохраненія прочнаго мира, они прежде всего должны привести свой собственный домъ въ порядокъ. Они должны постараться не заключать такихъ международныхъ соглашеній и не брать на себя такой международной отвѣтственности, которыхъ они не будутъ соблюдать и нести въ полной мѣрѣ, чего бы это имъ ни стоило. Разъ такія обязательства будутъ приняты, они должны будутъ строго соблюдаться. Чтобы осуществить это, необходимо, чтобы власть, заключающая договоры, не слишкомъ опережала общественное мнѣніе, на которое она опирается, и чтобы вся сила правительственной власти была наготовѣ для обезпеченія исполненія условій однажды заключеннаго договора.

Эти вопросы конституціоннаго права и политической программы связаны съ вопросами, касающимися военной и морской системы Соединенныхъ Штатовъ. Соперничество въ дѣлѣ вооруженій—наихудшая форма международнаго соперничества, какая возможна; но при настоящемъ состояніи мірового общественнаго мнѣнія и

міровой политики, заняты мѣсто за международнымъ столомъ совѣта, не имѣя никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для отстаиванія національныхъ задачъ, значить свести такое участіе къ простымъ безконечнымъ дебатамъ. Другія свободолюбивыя націи имѣли бы полное основаніе поставить представителямъ Соединенныхъ Штатовъ два вопроса: во-первыхъ, какую программу вы считаете справедливой и осуществимой, какъ часть новаго международного порядка? и, во-вторыхъ, чѣмъ вы можете и хотите содѣйствовать поддержанію этого международного порядка, если вы вмѣстѣ съ нами осуществите его? Можетъ быть, именно сталкиваясь лицомъ къ лицу съ этими испытующими вопросами, народъ Соединенныхъ Штатовъ скорѣе всего съумѣетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую новую программу онъ долженъ принять для внутренней политики, чтобы приготовить себя къ участію въ международныхъ дѣлахъ. Снова приходится апеллировать къ тому духу преданности международнымъ и національнымъ интересамъ, который столько разъ торжествовалъ надъ провинциализмомъ, мѣстными интересами и эгоизмомъ. Служеніе націи не можетъ долѣе оставаться пустой фразой, а должно пріобрѣсти жизненное значеніе и получить общее примѣненіе. Точно такъ же какъ духъ и принципы демократіи требуютъ самаго широкаго, какое возможно, участія въ опредѣленіи направленія государственной дѣятельности, точно такъ же этотъ духъ и эти принципы требуютъ самаго широкаго, какое возможно, участія въ служеніи націи и, если потребуется, въ національной оборонѣ. Армія наемныхъ солдатъ, какъ главная защита демократическаго народа, является такимъ же анахронизмомъ, каковымъ была бы армія наемныхъ избирателей. Наша система народнаго образованія должна быть взята въ

сильныя руки, очищена отъ большой доли сентиментальности и слабаго и пустого филозофствованія, и должна все больше и больше превращаться въ настоящую подготовку американской молодежи къ разумному и полезному участию въ американской жизни. Помимо системы народнаго образованія и внѣ ея должна быть немедленно создана система всеобщей практической подготовки къ служенію націи и, на случай если бы это когда-нибудь понадобилось, къ національной оборонѣ. Такая программа является полной противоположностью милитаризму; это демократія, которая сознала и помнить свои обязанности и свою отвѣтственность, такъ же какъ свои права.

Народъ Соединенныхъ Штатовъ никогда не станетъ крупнымъ факторомъ въ развитіи благотворной міровой политики, если онъ предварительно не сдѣлаетъ тѣхъ шаговъ, которые дадутъ ему одновременно право и возможность принять дѣйствительное участіе въ такой задачѣ. Каждая воюющая нація проходитъ, благодаря этой войнѣ, самый строгій курсъ обученія и дисциплины. Каждая крупная воюющая нація, выйдя изъ этой войны, окажется на цѣлое поколѣніе или, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе, впереди Соединенныхъ Штатовъ во всемъ, что касается служенія націи, національнаго самоотверженія и того укрѣпленія характера, которое дается не разговорами объ идеалахъ, а активной защитой ихъ въ самой пламенной борьбѣ. Народъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ найти средства и пути научиться урокамъ войны, не платя той ужасной цѣны, въ человѣческихъ жизняхъ и денежныхъ средствахъ, которой требуетъ вооруженное участіе въ ней. Его будущее мѣсто въ міровой исторіи, уваженіе другихъ націй къ нему и его собственное болѣе счастливое и болѣе справедливое раз-

витіе,—все это зависитъ отъ того, какъ будутъ разрѣшены эти насущныя проблемы. Голосъ націи теряетъ половину своей силы, если она протестуетъ противъ жестокости, угнетенія и несправедливости у другихъ, тогда какъ у нея самой есть и жестокость, и угнетеніе, и несправедливость. Война заставила считаться съ этими вопросами Великобританію, и Францію, и Германію, и Россію, и прочихъ, и онѣ справляются съ ними каждая по своему. Война заставила считаться съ этими вопросами и Соединенные Штаты. Какъ они справятся съ ними? Будутъ ли они только желать прочнаго мира, или они будутъ дѣйствовать во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ такъ, чтобы обезпечить прочный миръ?

XVI.

Заключеніе.—Вопросы будущаго.—Основные элементы прочнаго мира.

ПРОГРАММА, которую мы начертали для этихъ очерковъ, исчерпана. Мы исходили изъ двухъ основныхъ положеній: первое, что для того, чтобы послѣ войны наступилъ прочный миръ, необходимо, чтобы восторжествовали тѣ принципы и та политическая программа, которые отстаиваютъ союзныя державы; второе, что военныя дѣйствія, какъ они до сихъ поръ развивались, ясно показали, что Германія и связанныя съ ней державы ни въ какомъ случаѣ не могутъ выйти побѣдителями изъ войны, а должны будутъ, по всей вѣроятности, скоро сдаться передъ военнымъ и экономическимъ превосходствомъ союзниковъ. Мы попытались затѣмъ найти возможную отправную точку для разсмотрѣнія вопроса объ основахъ прочнаго мира. Мы нашли, что такой отправной точкой могутъ служить недавнія заявленія виконта Грѣя и канцлера фонъ-Бетманъ-Гольвега относительно тѣхъ задачъ, во имя которыхъ союзники, съ одной стороны, и германскія державы, съ другой, ведутъ борьбу. Сравненіе этихъ заявленій повело насъ къ обсужденію вопроса о томъ, что разумѣется подъ правами націй, большихъ и малыхъ, и о тѣхъ условіяхъ, которыя являются необходимыми, если хотять дать имъ удовлетворительныя гарантіи ихъ безопасности, въ томъ числѣ о политикѣ «открытой двери» въ международной торговлѣ. Далѣе слѣдовало разсмотрѣ-

ніе вопроса о значеніи формулы «свобода морей» и об-сужденіе той роли, которую играютъ въ войнѣ Франція и Россія, и тѣхъ специфическихъ мѣръ и той полити-ческой оріентаціи, которыхъ эти державы, вѣроятно, по-требуютъ, какъ условій прочнаго мира. Вслѣдъ за этимъ, необходимо было анализировать, что разумѣется подъ прусскимъ милитаризмомъ, разрушеніе котораго является одной изъ главныхъ цѣлей союзниковъ. Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій, мы приступили къ разсмотрѣнію того, что было сдѣлано до сихъ поръ въ вопросѣ объ установленіи международного порядка, а за этимъ послѣдовали конкретныя предложенія, съ под-робнымъ указаніемъ способовъ и цѣлей развитія и укрѣпленія этого международного порядка. Было есте-ственно разсмотрѣть непосредственно послѣ этого съ особымъ вниманіемъ возможную и вѣроятную позицію народа Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ такому международному порядку, къ способамъ проведенія его въ жизнь и къ примѣненію международного права въ будущемъ. Какъ дополненіе къ разсмотрѣнію этихъ во-просовъ, были представлены нѣкоторыя соображенія относительно уроковъ этой войны для народа Соеди-ненныхъ Штатовъ въ связи съ вопросами его внутренней политики.

Въ этомъ обзорѣ много предметовъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются въ высшей степени важными, оста-лись безъ разсмотрѣнія. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о наилучшемъ съ точки зрѣнія интересовъ прочнаго мира рѣшеніи вопроса о колоніальныхъ владѣніяхъ, до войны принадлежавшихъ Германіи. Это, естественно, приводитъ къ вопросу о будущей политикѣ цивилизо-ванныхъ націй по отношенію ко всей проблемѣ ко-лонизаціи и владычества надъ новыми территориями.

Другимъ вопросомъ является Дальній Востокъ съ его спеціальными проблемами. Въ настоящее время, это— область, въ которой европейскія націи и Соединенные Штаты являются, въ извѣстномъ смыслѣ, сотрудниками въ проведеніи нѣкоторыхъ важныхъ политическихъ мѣръ международнаго характера. Будетъ ли лучше стремиться въ будущемъ къ продолженію этихъ общихъ отношеній, по крайней мѣрѣ на время, или лучше будетъ установить на Дальнемъ Востокѣ третью административную область для осуществленія международнаго порядка и для примѣненія международнаго права, и предоставить главную отвѣтственность Японіи,—такъ чтобы эта нація дѣйствовала въ силу своего рода азіатской доктрины Монро,—это вопросъ, который заслуживаетъ разсмотрѣнія.

Рядъ важныхъ вопросовъ встаетъ въ связи съ внутренней политикой различныхъ государствъ по отношенію къ тѣмъ расамъ и религіямъ, которыя представлены въ ихъ населеніи,—вопросовъ, которые часто создаютъ международную тревогу и международныя тренія. Примѣрами такого рода являются армяне въ Турціи, финны въ Россіи, сербы въ Австріи и евреи въ Россіи и Румыніи. Никто изъ людей, живущихъ теперь, не доживетъ до разрѣшенія всѣхъ этихъ большихъ вопросовъ; но если національная и интернаціональная политика будутъ руководиться извѣстными принципами, и если международный порядокъ будетъ воздвигнутъ на основѣ этихъ принциповъ, и если будетъ учрежденъ настоящій Международный Судъ, тогда будетъ налицо возможный путь для спокойнаго обсужденія и безстрастнаго разсмотрѣнія даже такихъ запутанныхъ вопросовъ.

Остается, наконецъ, вопросъ о разоруженіи или, вѣрнѣе, объ ограниченіи вооруженій,—вопросъ, который

въ свое время былъ поднять царемъ и послужилъ формальнымъ поводомъ для созванія первой Гаагской Конференціи. Не надо забывать, что на этотъ самый вопросъ британскіе представители на второй Гаагской Конференціи указывали, какъ на тѣсно связанный съ вопросомъ о такъ называемой свободѣ морей, и, въ частности, объ изъятіи изъ права добычи частной собственности, не являющейся контрабандой. Если послѣ этой войны и наступитъ то, что представляется прочнымъ миромъ, то ясно тѣмъ не менѣе, что и безъ войны передъ міромъ на долгія поколѣнія останется достаточно трудныхъ проблемъ.

Для того чтобы имѣть практическое значеніе, всякое обсужденіе вопроса о прочномъ мирѣ требуетъ, чтобы были поняты и полностью приняты въ соображеніе глубокія основныя причины настоящей войны. И мы не имѣемъ здѣсь въ виду узкаго вопроса о томъ, какъ именно развертывались событія въ періодъ между 23 іюля и 1 августа 1914 года, или о томъ, какое значеніе надо придавать тому или другому поступку или заявленію того или иного правительства въ это роковое время. Всѣ эти вопросы, какъ было сказано въ началѣ настоящаго изложенія, представляютъ, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, чисто историческій интересъ. Когда-нибудь безпристрастный историкъ дастъ изложеніе этихъ событій, которое опредѣлитъ убѣжденія будущихъ поколѣній; но вѣдь это, въ концѣ концовъ, второстепенный вопросъ. Дѣйствительной глубокой причинной войны явился непримиримый конфликтъ между двумя пониманіями и двумя идеалами національнаго развитія и цивилизаціи. Какъ мы уже объяснили, милитаристская политика Пруссіи, которая въ настоящее время господствуетъ во всей Германіи и въ союзныхъ съ Гер-

маніей странахъ, является воплощеніемъ и проявленіемъ стараго и умирающаго порядка. Возможно, что было время, когда эта милитаристская политика была необходима для развитія не только Пруссіи и Германіи, но и міра въ цѣломъ;—но если это было такъ, то она давно уже отслужила свою службу и теперь должна уступить мѣсто тѣмъ болѣе разумнымъ, болѣе человѣчнымъ и болѣе прогрессивнымъ воззрѣніямъ на національную и международную жизнь, за которыя союзныя державы, несмотря на поверхностныя разногласія между ними, борются съ поразительнымъ единодушіемъ.

Побѣдить милитаристскій идеаль, поскольку онъ въ настоящее время представленъ въ прусской политикѣ,—этого еще недостаточно, чтобы обезпечить прочный миръ. Необходимо, чтобы тотъ духъ и та точка зрѣнія, которые проявляются въ милитаризмѣ, въ подчиненіи гражданской власти и гражданскихъ политическихъ принциповъ военнымъ, и въ подчиненіи права силѣ, были изгнаны изъ сердець и умовъ людей. Недостаточно изгнать ихъ изъ сердець и умовъ пруссаковъ и германцевъ; они должны быть изгнаны изъ сердець и умовъ тѣхъ англичанъ, французовъ, русскихъ, американцевъ, японцевъ, куда имъ удалось проникнуть. Это можетъ случиться лишь въ томъ случаѣ, если въ сознаніи людей и надъ ихъ задачами будетъ господствовать нѣчто болѣе могущественное, чѣмъ милитаризмъ,—болѣе могущественное, потому что болѣе моральное и болѣе благодѣтельное для человечества. Другими словами, основой для здоровой международной политики послужить здоровая внутренняя политика и солидарность съ такой же здоровой внутренней политикой въ другихъ странахъ. По мѣрѣ того какъ среди націй будетъ расти убѣжденіе, что ихъ величіе состоитъ въ томъ, чтобы насаждать справедливость и

дѣлать жизнь болѣе счастливой у себя, а не въ томъ, чтобы распространять свое физическое господство на сосѣдей и искусственно подталкивать развитіе своей торговли при помощи несправедливыхъ и неоправдываемыхъ привилегій,—царство мира на землѣ будетъ быстро расширяться.

Учрежденія, которыя создастъ тотъ новый международный порядокъ, который мы здѣсь предложили и описали въ общихъ чертахъ, должны и несомнѣнно будутъ представлять громадную цѣнность въ смыслѣ воспитанія умовъ и ихъ подготовки къ болѣе здоровымъ и болѣе разумнымъ международнымъ отношеніямъ, но эти учрежденія сами по себѣ могутъ выполнить всю задачу. Они должны имѣть за собою, какъ движущую силу, стремленіе сохранить миръ и желаніе вѣрно блюсти какъ букву, такъ и духъ международныхъ обязательствъ, и они требуютъ подавленія тѣхъ грубыхъ, примитивныхъ формъ патріотизма, которыя проявляются въ несправедливостяхъ и обидахъ по отношенію къ другимъ. Если намъ скажутъ, что такое развитіе будетъ означать конецъ націй и конецъ націонализма, какъ міроваго фактора, то мы отвѣтимъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ такому результату. Отдѣльная личность, дѣйствія которой находятся подъ контролемъ высшаго чувства долга, является личностью не въ меньшей, а въ большей степени, чѣмъ та личность, чьи дѣйствія не контролируются ничѣмъ, кромѣ чистаго себялюбія. То что, въ этомъ отношеніи, вѣрно въ примѣненіи къ отдѣльнымъ людямъ, вѣрно также и въ примѣненіи къ націямъ. Нація, какъ и личность, будетъ подниматься на болѣе высокую ступень, когда она будетъ служить высокому идеалу, оказывать услуги и помощь своимъ сосѣдямъ, большимъ и малымъ, и работать съ ними вмѣ-

ствѣ для общей цѣли. Если это объявятъ утопией, то утопія является той цѣлью, къ которой дѣйственно стремится каждый моральный человѣкъ въ мірѣ.

Хотя германскій народъ осужденъ на пораженіе въ этой войнѣ, онъ именно поэтому будетъ имѣть возможность играть еще болѣе крупную роль въ развитіи цивилизаціи, чѣмъ какая когда-либо до сихъ поръ выпадала на его долю. Онъ жалуется, что онъ поздно явился на свѣтъ и нашелъ всѣ лучшія мѣста занятыми другими. Но лучшія мѣста въ политическомъ развитіи, въ административной компетентности, въ работѣ для подъема благосостоянія и для улучшенія условій существованія широкихъ народныхъ массъ, въ развитіи литературы, науки и искусства и въ открытіи новыхъ формъ для выраженія радости и счастья жизни,—эти лучшія мѣста всегда свободны для всякаго, кто способенъ занять ихъ. Со времени Фихте, чувство долга всегда было очень сильно и властно въ германскомъ народѣ. Оно сдѣлало его достоинства во много разъ болѣе цѣнными, и оно же сдѣлало во много разъ болѣе серьезными его недостатки. Если эта война поведетъ къ вытравленію наиболѣе крупныхъ слѣдовъ милитаризма, какіе еще существуютъ на землѣ, то она окажетъ нѣмецкому народу услугу, больше которой нельзя себѣ представить. Сто двадцать милліоновъ бодрыхъ, дѣятельныхъ, предприимчивыхъ людей, живущихъ въ умѣренной зонѣ и имѣющихъ за собой долгую традицію героическихъ усилій, не могутъ быть сведены на нѣтъ никакой силой, кромѣ ихъ собственной. Когда у нѣмцевъ не будетъ ихъ милитаристскихъ стремленій, и когда они будутъ въ гармоніи съ другими великими народами міра, то можно смѣло предсказать, что они вступятъ въ новый періодъ полезныхъ достиженій, по сравненію съ которымъ исто-

рія послѣднихъ ста лѣтъ покажется ничтожной. То что Фридрихъ Вильгельмъ III такъ тонко сказалъ, когда униженіе Іены было еще свѣжей раной, то можно повторить теперь, спустя 110 лѣтъ.

Итакъ, въ заключеніе, прочный миръ зависитъ отъ побѣды союзниковъ въ настоящей войнѣ и отъ установленія въ государственной дѣятельности тѣхъ принциповъ, за которые они сражаются. Онъ зависитъ отъ воздержанія отъ всякихъ актовъ мести или репрессіи и отъ справедливаго и политически разумнаго примѣненія къ каждой проблемѣ, требующей разрѣшенія, тѣхъ принциповъ, за которые война ведется. Онъ зависитъ отъ созданія международного порядка и тѣхъ международныхъ учрежденій, которыя мы здѣсь въ общихъ чертахъ намѣтили. Онъ зависитъ отъ духа преданности этому порядку и этимъ учрежденіямъ, равно какъ отъ твердой рѣшимости поддерживать и защищать ихъ. Онъ зависитъ отъ внутренней политики, основанной на справедливости и общественной пользѣ, и отъ подавленія надменныхъ притязаній, алчности и привилегій, поскольку такое подавленіе находится во власти правительства. Онъ зависитъ отъ преклоненія передъ идеей справедливости, не только въ отношеніяхъ между людьми въ предѣлахъ націи, но и въ отношеніяхъ между націями; потому что прочный миръ является продуктомъ справедливости. Когда эти условія будутъ осуществлены, то будутъ налицо всѣ возможности прочнаго мира, потому что будетъ налицо основная предпосылка: Воля къ Миру.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

- I. ОТЪ ХОЛЛЪ КЭНА КЪ КОСМОСУ.
- II. ОТЪ КОСМОСА КЪ ХОЛЛЪ КЭНУ.
- III. ОТЪ ХОЛЛЪ КЭНА КЪ КОСМОСУ.
- IV. ОТВѢТЪ КОСМОСА КРИТИКАМЪ.
- V. ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ КОСМОСА.

I.

ОТЪ ХОЛЛЪ КЭНА КЪ КОСМОСУ.

Лондонъ, 25 ноября, 1916 г.

Космосу:

Нью-Йоркскій *Times* оказалъ мнѣ, въ числѣ другихъ, честь и попросилъ меня отвѣтить на Ваше выступленіе въ пользу немедленнаго мира. Въ Вашихъ взглядахъ и въ методахъ, которыми Вы пользуетесь для ихъ изложенія, я вижу поразительное сходство со взглядами и методами нѣкоторыхъ видныхъ и почтенныхъ англичанъ, но, предполагая, что Вы американецъ, я прежде всего хочу замѣтить, что на всей Вашей аргументаціи, поскольку мы, живущіе по эту сторону океана, имѣли возможность ознакомиться съ ней, невыгодно отражается то обстоятельство, что Вы находитесь вдали отъ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя создаетъ война. Древняя мудрость учитъ насъ, что посторонніе зрители лучше всѣхъ видятъ игру; но никто не станетъ отрицать, что участники игры лучше всѣхъ чувствуютъ ее, и мы полагаемъ, что для того чтобы знать, какой моментъ является наиболѣе благопріятнымъ для обсужденія вопроса о мирѣ, необходимо не только видѣть войну, но и чувствовать ее.

Мнѣ кажется, что Вы упустили изъ виду, что первымъ условіемъ такого обсужденія является не военное положеніе воюющихъ странъ, а ихъ духовное состояніе. Вы говорите, что сходство между недавними выступлениями виконта Грэя и г. фонъ-Бетманъ-Гольвега позволяетъ надѣяться, что окажется возможнымъ найти такую формулу, которая удовлетворитъ ихъ обоимъ; но мы думаемъ, что рѣчь германскаго канцлера о мирѣ была продиктована идеей мира на основѣ германской побѣды, и мы не удивляемся, если германскій народъ думаетъ, что такъ называемая рѣчь о мирѣ, произнесенная бри-

танскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, была продиктована соотвѣтствующей идеей мира на основѣ побѣды союзниковъ. Только тогда, когда тотъ или другой изъ этихъ министровъ подойдетъ къ этому вопросу безъ мысли о побѣдѣ, или съ готовностью подчиниться, или съ теоріей затяжной войны, только тогда будетъ налицо положеніе, благопріятное для обсужденія вопроса о мирѣ. Въ настоящій моментъ мы не видимъ никакого указанія на такое положеніе, ни въ Англіи, ни въ Германіи.

**Причина войны продолжаетъ оставаться
вопросомъ дня.**

Насколько намъ удалось понять, Вы полагаете, что для насъ было бы бесполезно сейчасъ заниматься вопросомъ о причинахъ войны. Мы, напротивъ того, думаемъ, что это не только необходимо, но неизбежно, если разсмотрѣніе вопроса о мирѣ должно повести къ какимъ-нибудь результатамъ. Мы полагаемъ, что война явилась послѣдствіемъ заговора; что этотъ заговоръ достигъ высшей точки въ австрійскомъ ультиматумѣ Сербіи; что для Сербіи принять этотъ ультиматумъ значило бы перестать существовать, какъ нація; что содержаніе ультиматума, прежде чѣмъ онъ былъ посланъ, навѣрно было извѣстно германскому посланнику въ Вѣнѣ и одобрено имъ и, вѣроятно, было извѣстно кайзеру и одобрено имъ; что преднамѣренной цѣлью ультиматума было нарушить европейскій миръ, въ видахъ осуществленія германскихъ плановъ; что Германія смотрѣла на войну не просто какъ на неизбежное зло, но какъ на достойное средство для распространенія своего господства, и что подчиненіе Сербіи и насиліе надъ Бельгіей были логическимъ послѣдствіемъ ложной и преступной политики. Мы не видимъ никакихъ указаній на то, чтобы Германія раскаивалась въ этомъ заговорѣ, и мы не видимъ никакихъ надеждъ на длительный и подлинный миръ, пока она не раскается или не понесетъ наказаніе за нежеланіе раскаяться.

Насколько намъ удалось понять, Вы полагаете так-

же, что такъ какъ въ настоящій моментъ невозможно обсуждать мотивы воюющихъ сторонъ, то мы должны довольствоваться признаніемъ, что Германія, наравнѣ съ нами, думаетъ, что она права. Но то обстоятельство, что Германія думаетъ, что она права, только усугубляетъ въ нашихъ глазахъ ея вину и дѣлаетъ еще болѣе невозможнымъ обсужденіе условій мира. Только тогда, когда она пойметъ, что она виновна, только тогда мы сможемъ приступить къ обсужденію вопроса о мирѣ, который будетъ постояннымъ, потому что онъ будетъ основанъ не на одной военной необходимости, но на практическомъ признаніи вѣднѣй нравственнаго закона. Мы пока еще не видимъ никакихъ указаній, что Германія поняла это.

Вы полагаете, что теперь настало время для обсужденія вопроса о мирѣ, потому что Германія должна видѣть, что она не можетъ выиграть войну, а союзники должны видѣть, что они могутъ купить побѣду лишь такой цѣной, при которой побѣда врядъ ли будетъ меньшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ пораженіе; но мы думаемъ, что такое положеніе не означаетъ и половины пути къ миру. Только тогда, когда Германія увидитъ, что она неизбѣжно должна проиграть, или когда союзники почувствуютъ, что самыя ужасныя бѣдствія, какихъ можно ждать отъ продолженія войны, не будутъ искуплены торжествомъ тѣхъ принциповъ, за которые они сражаются,—только тогда можетъ наступить благопріятный моментъ для такого мира, который будетъ основанъ на простомъ разсчетѣ выгодъ и невыгодъ. Мы пока еще не видимъ никакихъ указаній, что воюющія стороны готовы придти къ такому заключенію.

Прекратить войну сейчасъ будетъ преступной расточительностью.

Насколько мы могли понять, Вы полагаете, что такъ какъ война такъ долго продолжалась и не дала никакихъ результатовъ, кромѣ безпредѣльныхъ бѣдствій, то она должна прекратиться, не осуществивши ни одной

изъ задачъ, осуществленія которыхъ ждали отъ нея воюющія стороны; но именно потому, что война до сихъ поръ не дала никакихъ опредѣленныхъ военныхъ результатовъ, именно потому мы думаемъ, что она не можетъ быть прекращена. Мы думаемъ, что теперь, послѣ столькихъ страданій и жертвъ, прекратить войну и заключить такой миръ, который ничего не разрѣшалъ бы, ничего не доказывалъ бы и ничего не создавалъ бы,— что это означало бы расточительность, необузданную, преступную, непоправимую, непрощительную, слѣпую и ослѣпляющую расточительность, какой мы не рѣшаемся представить себѣ даже на мигъ. Мы полагаемъ, что такой миръ былъ бы измѣной по отношенію къ мертвымъ, нелояльностью по отношенію къ живымъ, подрывомъ авторитета государственной власти, открытымъ призывомъ къ беззаконію и анархіи, намѣреннымъ надругательствомъ надъ принципами патріотизма и даже надъ священными вѣлѣніями религіи.

Вы полагаете, что настоящій моментъ является благопріятнымъ для разговоровъ о мирѣ, потому что хотя союзники и могутъ побѣдить, они не могутъ хотѣть и, вѣроятно, не будутъ въ состояніи совершенно сокрушить своихъ противниковъ. Но если тѣ изъ насъ, которые знаютъ исторію, и которые разсматриваютъ войну и ея вѣроятные результаты, какъ живые люди, никогда не надѣялись на уничтоженіе Германіи, какъ имперіи, и никогда не мечтали о немъ, то мы дѣйствительно надѣялись и мечтали о разрушеніи германскаго политическаго идеала, который, по нашему представленію, покоится на той идеѣ, что цивилизація, культура и общее благосостояніе семьи человѣчества достигаются господствомъ и тиранніей меча, съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями,—нарушеніемъ свободы малыхъ націй и германизаціей всего міра. Послѣ двухъ съ половиной лѣтъ войны, мы еще не видимъ никакихъ указаній, что Германія отказалась отъ этого идеала, не видимъ поэтому указаній на возможность такого мира, который будетъ покоиться на христіанскомъ принципѣ равныхъ правъ для всѣхъ народовъ.

Вы полагаете, что продолженіе войны цѣной новыхъ и болѣе ужасныхъ страданій создастъ среди воюющихъ народовъ такое озлобленіе, которое будетъ вреднымъ для будущаго мира Европы. Мы, напротивъ, думаемъ, что прекратить войну въ настоящей неопредѣленной стадіи, когда ни про одну изъ сторонъ нельзя сказать, что она добилась военнаго рѣшенія, было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ вызвать новыя войны, такъ какъ это дало бы время оправиться и возобновить военныя дѣйствія, въ которыхъ ни одна изъ воюющихъ странъ не раскаивается, и въ безнадежности которыхъ ни одна изъ нихъ не убѣдилась.

Вы полагаете, что если Германія являлась преступнымъ зачинщикомъ войны, то теперь она получила урокъ, и что если теперь настанетъ миръ, то можно рассчитывать, что она сдѣлаетъ все, что будетъ въ ея силахъ, чтобы не допустить новыхъ войнъ. Мы, со своей стороны, думаемъ, что единственный урокъ, который Германія до сихъ поръ получила, былъ военный урокъ, — урокъ, которымъ она обязана тому, что недооцѣнила силу, храбрость и ресурсы своихъ противниковъ; и что единственная гарантія устойчиваго мира будетъ существовать тогда, когда она получитъ еще и моральный урокъ, — когда она убѣдится въ бесполезности войны, какъ орудія для развитія благосостоянія среди людей. Этого урока, насколько мы можемъ видѣть, Германія еще не начинала усваивать.

Почему война должна продолжаться.

Вы полагаете, насколько я могу судить, что если бы миръ наступилъ сейчасъ, то обѣ воюющія стороны признали бы безуміе войны, какъ средства для разрѣшенія международныхъ споровъ, и что усвоивъ совместно этотъ урокъ, онѣ совместно стремились бы избѣжать его повторенія.

Мы, напротивъ того, думаемъ, что такое признаніе обѣими сторонами одновременно можетъ имѣть мѣсто лишь въ результатѣ полнаго истощенія, и что урокъ пред-

ставлялъ бы цѣнность только для остального міра,—для Америки, напимѣръ, которая безусловно не можетъ нуждаться въ немъ. Правда, по всей вѣроятности, что полное сознаніе безсмысленности и нелѣпости войны можетъ дать міру только картина широко царящаго раззоренія, попранія и опустошенія; но и это не ослабляетъ нашего убѣжденія, что хуже самаго крайняго раззоренія, какое можетъ принести война, какъ бы страшно и ужасно оно ни было, было бы то духовное порабощеніе, которому должна помѣшать война. Не допусти Богъ, чтобы самый послѣдній изъ насъ на проповѣдь мира, которая заключала бы малѣйшую надежду, отвѣтилъ хоть однимъ словомъ, которое могло бы продлить ужасы войны; но мы, члены союзныхъ націй, ненавидимъ войну такой глубокой ненавистью, что надежда разъ навсегда положить ей конецъ вдохновляетъ насъ на ея продолженіе. Именно потому, что наши сердца истекаютъ кровью отъ тѣхъ ужасающихъ жертвъ, которыя мы приносимъ теперь, когда каждый день требуетъ отъ насъ, какъ дани, нашей самой чистой крови и нашихъ лучшихъ умовъ,—именно поэтому, какъ бы страшно, жестоко и жестоко это ни звучало, мы чувствуемъ, что они должны продолжать истекать кровью. И мы не думаемъ, что эти побужденія находятся въ противорѣчьи съ высшими интересами цивилизаціи или съ нашей вѣрой.

Мы съ самой острой болью сознаемъ, что въ этой борьбѣ, которая является, какъ мы всей душой вѣримъ, борьбой за право, мы вынуждены апеллировать къ такой силѣ, которая сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ правомъ. Мы знаемъ, что наша религія учитъ насъ, что Христось провозгласилъ анаѹему войнѣ, и что какъ только христіанство восторжествуетъ, война должна будетъ исчезнуть; но мы знаемъ также, и въ послѣднее время намъ на горькомъ опытѣ пришлось убѣдиться, что война иногда необходима для обузданія худшихъ элементовъ въ человѣческой натурѣ, что обращеніе къ силѣ иногда бываетъ послѣднимъ ресурсомъ права, и что поэтому правда требуетъ, чтобы мы сражались и продолжали сражаться за правое дѣло. На этой основѣ

у насъ, членовъ союзныхъ націй, въ августѣ 1914 года, сложилось, вопреки всѣмъ нашимъ предпочтеніямъ, убѣжденіе въ необходимости вступить въ настоящій конфликтъ.

И какой получился бы результатъ, если бы теперь, послѣ двухъ съ половиной лѣтъ войны, которая потрясла всю Европу, свела цѣлыя арміи людей въ безчисленныя могилы, и ввергла въ нищету миллионы женщинъ и дѣтей,—еслибы теперь мы заключили миръ съ нераскаившимся врагомъ, и изъ чисто практическихъ соображеній? Мы думаемъ, что результатъ былъ бы только одинъ,—полное крушеніе въ Европѣ всякаго моральнаго закона въ политической жизни народовъ и всякой вѣры въ Провидѣніе, направляющее міръ.

Вѣра въ Соединенные Штаты.

Мы глубоко благодарны Соединеннымъ Штатамъ за то неустойное вниманіе, съ какимъ они все время слѣдили и продолжаютъ слѣдить за возможностями міра, и мы можемъ спать спокойнѣе, когда мы увѣрены, что единственная міровая имперія, не захваченная водворотомъ разрушительныхъ силъ, выступить съ предложеніями о прекращеніи войны, какъ только такое выступленіе окажется умѣстнымъ и возможнымъ.

А въ ожиданіи этого момента мы удовлетрены той позиціей, которую Америка сейчасъ занимаетъ, и на которой, мы надѣемся, она останется. Это позиція друга и чѣмпіона, не той или другой воюющей стороны, но всего человѣчества. Мы видимъ большой шагъ впередъ въ переходѣ отъ той суровой, холодной нейтральности, которую Америка предписала своему населенію въ началѣ войны, къ недавнему горячему заявленію ея президента, что отнынѣ нейтралитетъ ни для одной великой націи не будетъ возможенъ въ такомъ конфликтѣ, отъ котораго будетъ зависѣть счастье большой части семьи человѣчества.

Это не новая доктрина, но это великая доктрина. Это та доктрина, которая позволила великому англича-

нину, Оливеру Кромвелю, сдѣлать Англiю не только наиболѣе могущественной, но и наиболѣе уважаемой націей въ мірѣ; и теперь, когда возрождаются методы войны, которые, какъ намъ кажется, игнорируютъ всякое различіе между правовъ и нарушеніемъ права и не заслуживаютъ другого имени, какъ разбой и порабощеніе,—мы будемъ чувствовать удовлетвореніе, если Америка попрежнему будетъ твердо отстаивать, противъ посягательствъ съ какой бы то ни было стороны, тотъ высокій принципъ, что законы гуманности неизмѣнны, и что надъ ними нельзя надругаться. Это само по себѣ поможетъ тому, чтобы духъ справедливости не угасъ на землѣ, и приблизить день, когда наступитъ миръ.

Холль Кэнъ.

II.

ОТЪ КССМОСА КЪ ХОЛЛЪ КЭНУ.

27 ноября, 1916 г.

Холль Кэнъ:

Благодаря любезности Нью-Йоркскаго *Times*, я имѣю возможность немедленно отвѣтить на Ваше письмо, посланное по телеграфу 25 ноября. Вы совершенно ошибочно поняли цѣль моихъ статей. Это ошибочное пониманіе несомнѣнно объясняется той неполной или односторонней формой, въ какой онѣ дошли до Васъ. Отчасти, можетъ быть, оно объясняется тѣмъ, что въ моментъ ихъ печатанія, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ, былъ высказанъ цѣлый рядъ взглядовъ относительно прекращенія войны, съ которыми безъ всякаго основанія связали мои статьи. Отчасти недоразумѣніе могло возникнуть, благодаря заглавію, подъ которымъ онѣ появились.

Я не выступаю въ защиту немедленнаго мира. Напротивъ того, я отказываюсь отъ всякой солидарности съ тѣми лицами и теченіями, которыя, исходя изъ гу-

манитарныхъ соображеній, настаиваютъ на немедленномъ мирѣ, даже еслибы для его достиженія пришлось пожертвовать великими задачами войны. Пока эти задачи не осуществлены и не обеспечены на будущее время, война не можетъ закончиться ничѣмъ, что заслуживало бы названія мира. При такихъ условіяхъ, результатомъ въ лучшемъ случаѣ была бы новая эра соперничества въ дѣлѣ вооруженій, и новая отчаянная борьба, борьба всѣми средствами, какія извѣстны человѣку, за достиженіе такихъ преимуществъ, которыя позволили бы начать новую, такую же ужасную, войну.

Исходнымъ пунктомъ моего изложенія, при предположеніи, что пораженіе Германіи и ея союзниковъ неизбежно, является увѣренность, что настало время посмотреть, не можетъ ли войнѣ въ скоромъ времени быть положенъ конецъ путемъ международнаго соглашенія, въ которомъ участвовали бы Соединенные Штаты. Съ цѣлью найти основу для такого международнаго соглашенія, я въ своихъ статьяхъ въ нью-йоркскомъ *Times* формулирую и анализирую рядъ опредѣленныхъ предложеній. Когда эти конкретныя предложенія будутъ прочитаны полностью и внимательно разсмотрѣны, было бы крайне полезно выяснить, насколько они могутъ, — если они вообще могутъ, послужить основой для будущаго международнаго соглашенія, цѣлью котораго будетъ сдѣлать все, что въ человѣческихъ силахъ, чтобы оградить цивилизацію отъ повторенія бѣдствія, которое мы переживаемъ теперь.

Вы ошибаетесь также, если Вы думаете, что на этихъ статьяхъ невыгодно отразилось то обстоятельство, что авторъ находился вдали отъ переживаній, создаваемыхъ войной. Правда, было сдѣлано усиліе, чтобы эти переживанія не проявились въ изложеніи, но это была трудная задача, въ виду глубины волнующихъ автора чувствъ. Такой человѣкъ, въ которомъ дѣло, представленное союзниками въ этой войнѣ, не вызывало бы глубоко волнующаго отклика, врядъ ли былъ бы хоть сколько нибудь способенъ участвовать въ обсужденіи условій прочнаго мира.

Космосъ.

III.

ОТЪ ХОЛЛЪ КЭНА КЪ КОСМОСУ.

Лондонъ, 29 ноября, 1916 г.

Космосу:

Благодаря любезности Нью-Йоркского *Times*, я имѣлъ возможность прочесть Ваше письмо, которое было послано по телеграфу въ понедѣльникъ, и я спѣшу заявить, что врядъ ли что-нибудь могло меньше походить на общее содержаніе Вашихъ статей, чѣмъ то, что было сообщено намъ въ резюмѣ, опубликованномъ по эту сторону океана. Это резюмѣ представляло эти статьи, какъ пробный шаръ, пущенный, можетъ быть, въ интересахъ Германіи и, во всякомъ случаѣ, могущій послужить на пользу Германіи. Но мое письмо не было продиктовано этимъ оскорбительнымъ толкованіемъ. Напротивъ, оно было продиктовано чувствомъ сожалѣнія, что отвѣтственный органъ британскаго общественнаго мнѣнія могъ говорить въ такомъ тонѣ о писателѣ, чья искренность не представляетъ сомнѣнія, и который связанъ съ такой газетой, какъ *Times*, напечатавшей нѣкоторыя изъ наиболѣе толковыхъ, вдумчивыхъ, глубоко прочувствованныхъ и полныхъ сочувствія статей, какія появились въ какой либо странѣ за время войны.

Мое письмо было вызвано также желаніемъ указать на то очевидное обстоятельство, что беря на себя инициативу пропаганды въ пользу мира, Соединенные Штаты могутъ руководиться лишь самыми благородными побужденіями гуманности,—вопреки матеріальнымъ интересамъ, которые, какъ всѣмъ ясно, требуютъ противоположнаго.

Я поэтому употребилъ всѣ усилія, чтобы, отвѣчая Вамъ, держаться на высокой почвѣ моральнаго закона, а не на почвѣ соображеній о практическихъ военныхъ возможностяхъ и о практической необходимости; я часто цитировалъ тѣ точныя выраженія, которыя Вамъ

приписывались, и не дѣлалъ изъ Вашей аргументаціи никакихъ выводовъ, кромѣ тѣхъ, которые, какъ мнѣ казалось, позволяло дѣлать общее ея содержаніе. Я думаю, что поступая такъ, я выражалъ настроеніе нашей публики, которая, конечно, благодарна Америкѣ за то, что она дѣлаетъ и, конечно, нисколько не претендуетъ изгнать слово «миръ» изъ обихода самой великой изъ нейтральныхъ націй, какъ бы мало она сама ни была расположена употреблять это слово.

Но если Вы полагаете, что имѣете основаніе жаловаться на тотъ тонъ, въ которомъ у насъ иногда говорятъ объ Америкѣ, то я попрошу Васъ представить себя на нашемъ мѣстѣ. Да, правда, можетъ быть, что юнкера есть не въ одной Германіи, что гунны есть не въ одной Пруссіи, что хвастливыя и заносчивыя угрозы дѣлаются и здѣсь, какъ за Рейномъ, и что среди безмѣрныхъ страданій, которыя вызываетъ война, самые громкіе вопли противъ мирныхъ предложеній у насъ, какъ и у нашихъ враговъ, доносятся съ воинственныхъ амвоновъ, героическихъ дивановъ и непобѣдимыхъ кресель; но это еще далеко не вся правда.

Мы гордая, смѣлая, не падающая духомъ раса; мы не привыкли къ пораженію и не хотимъ его позора. Мы испытали въ прошломъ всю горечь часовъ, полныхъ мрака и угрозы. Меньше чѣмъ три столѣтія назадъ, послѣ періода міровой гегемоніи, мы видѣли, какъ голландскій флотъ съ торжествомъ плылъ по Темзѣ. Меньше чѣмъ два столѣтія назадъ, наканунѣ нашихъ величайшихъ побѣдъ, мы видѣли наши силы разбитыми на сушѣ и на морѣ.

Но духъ нашей націи никогда не былъ сломленъ. Мы никогда еще не шли на позорный миръ, и теперь, когда мы считаемъ себя жертвой жестокаго и трусливаго заговора, когда мы, вмѣстѣ съ нашими союзниками и съ нѣкоторыми нейтральными странами, съ Америкой въ томъ числѣ, страдаемъ отъ всѣхъ ужасовъ предательскаго веденія войны, какіе можно представить себѣ, какіе безчеловѣчность можетъ придумать и варварство со-

вершить,—мы полагаемъ, что намъ не къ лицу болтать о мирѣ, пока миръ не близко, и пока мы не знаемъ, что это правый миръ.

Пусть наши враги вопятъ о мирѣ,—все равно для похвалыбы или со страху. Дѣлать это не въ нашей натурѣ, какую бы цѣну намъ ни пришлось платить за наше молчаніе. Это первая черта нашего національнаго характера, и не знать этаго значить не знать нашей Британіи,—не знать, что она есть и что она пережила.

Тѣ изъ насъ, на комъ лежитъ долгъ каждый день или каждую недѣлю черезъ большія газеты обращаться къ нашей публикѣ, могли отдать себѣ ясный отчетъ въ этой неумирающей чертѣ національнаго характера. Есть предметы, которыхъ мы не можемъ обсуждать, потому что наша публика не допускаетъ, что они принадлежать къ области предметовъ, могущихъ вызывать сомнѣнія. Есть извѣстныя положенія, возможность которыхъ въ будущемъ мы не можемъ разсматривать, потому что ихъ не включаютъ въ область возможностей. И надъ всѣми такими предметами и положеніями выдѣляется вопросъ о такомъ мирѣ, который будетъ преждевременнымъ и поэтому будетъ означать безчестье и опасность. По этому вопросу, несмотря на всѣ наши страданія, прошлыя, настоящія и тѣ, какія еще предстоятъ, душа нашей имперіи сохранила весь свой пылъ. Отсюда то раздраженіе и даже подозрительность, съ какими здѣсь встрѣчаютъ иногда такъ называемые разговоры о мирѣ, которые ведутся въ Америкѣ;—отсюда также и то ложное пониманіе, которое, какъ видно изъ Вашего письма, иногда проявляется въ связи съ предметомъ и цѣлью этихъ разговоровъ.

Съ общимъ содержаніемъ Вашего письма, какъ оно было передано мнѣ по телеграфу, я нахожусь въ полномъ согласіи. То положеніе, что, когда война будетъ закончена такъ, какъ этого требуетъ справедливость (дай Богъ, чтобы это скорѣе случилось), нужно будетъ постараться добиться международнаго соглашенія съ цѣлью оградить цивилизацію отъ повторенія подобнаго бѣдствія,—это положеніе встрѣтитъ согласіе со стороны

значительнаго большинства моихъ соотечественниковъ; и, по нашему мнѣнію, будетъ вполне умѣстнымъ и справедливымъ, чтобы Америка стала во главѣ этого великаго дѣла, какъ единственная крупная нація, чья мощь будетъ заставлятъ считаться съ нею весь міръ, и чьи руки, въ то же время, не будутъ запятнаны настоящимъ преступленіемъ.

Но присоединяясь къ Вашей лигѣ мира, мы не должны будемъ питать никакихъ иллюзій. Мы не должны будемъ непременно воображать, что мы осуществляемъ принципы мира, которыя далъ Основатель нашей вѣры. Эти принципы, какъ мы въ большинствѣ понимаемъ ихъ, основаны на провозглашеніи той доктрины, что насиліе, во всякой формѣ, создаетъ насиліе, и что единственное средство установить царство нравственнаго закона, это не противиться злу.

Но мы видимъ, что эта доктрина можетъ создавать мучениковъ и религіи, но не націи, и что Ваша международная лига мира должна будетъ опираться на силу. Подобно гражданскому правительству, она въ конечномъ счетѣ будетъ зависѣть отъ той силы, которая будетъ стоять за ней, и поэтому она не будетъ гарантирована отъ невозможности найти выходъ, отъ полного крушенія, и отъ другихъ, меньшихъ опасностей, какія существуютъ сейчасъ.

Съ другой стороны, мы учитываемъ ту разницу, что сила, которая будетъ стоять за Вашей лигой мира, будетъ міровой, а не національной силой. Эта разница будетъ фундаментальной. Она позволитъ намъ надѣяться, что моральному закону будетъ даваться примѣненіе въ международныхъ спорахъ, и что поэтому такой ультиматумъ, какой Австрія послала Сербіи, будетъ невозможенъ; что права малыхъ націй будутъ разсматриваться независимо отъ ихъ способности отстоять ихъ, и что поэтому насиліе надъ Бельгіей и порабощеніе ея народа будутъ немыслимы; и, главное, что такая міровая война, какую мы переживаемъ, война, означающая неисчислимые страданія для милліоновъ людей, никогда больше не будетъ начата послѣ нѣсколькихъ безумныхъ

дней одурманивающей дипломатической игры, которую въ тайнѣ ведетъ горсть людей, изъ которыхъ не всѣ отличаются выдающимся умомъ или стоятъ выше подозрѣній въ недостойныхъ мотивахъ.

Если Америкѣ, въ подходящій моментъ, удастся осуществить подобную коалицію, то она окажетъ человечеству услугу, на какую оно врядъ ли смѣло надѣяться. Достиженіе такой благословенной цѣли почти примирило бы насъ съ неизмѣримыми бѣдствіями настоящаго ужаснаго конфликта, такъ какъ оно позволило бы намъ вѣрить, что Богъ допустилъ все это для того, чтобы, какъ нѣкогда водой, такъ теперь огнемъ, міръ былъ очищенъ отъ своей худшей скверны; что Онъ не допустилъ, чтобы что-нибудь пропало даромъ, ни одно страданіе, ни одна жертва; и что черезъ величіе, какъ и черезъ скорбь нашего времени Онъ послалъ Своему пораженному міру славное Воскресенье. Да поможетъ Богъ, чтобы это было такъ!

Холль Кэнъ.

IV.

ОТВѢТЪ КОСМОСА КРИТИКАМЪ.

1 декабря, 1916 г.

Редактору Нью-Йоркскаго Times.

Я хотѣлъ бы въ нѣсколькихъ словахъ отозваться и отвѣтить на тѣ нѣсколько писемъ, которыя появились на столбцахъ Вашей газеты и содержатъ нападки или выражаютъ одобреніе по поводу моихъ статей, печатающихся въ *Times* по вопросу объ основахъ того прочнаго мира, къ которому стремятся, по ихъ заявленіямъ, всѣ націи, какъ участвующія въ войнѣ, такъ и нейтральныя.

Я хотѣлъ бы еще разъ повторить, что моя аргументація предполагаетъ военную и экономическую побѣду союзниковъ надъ центральными державами и про-

долженіе войны до тѣхъ поръ, пока не выяснится съ несомнѣнностью возможность формулировать такое международное соглашеніе, которое, во-первыхъ, осуществить и обезпечить тѣ задачи, во имя которыхъ союзники ведутъ войну, и, во-вторыхъ, предусмотрѣть всѣ мѣры, какія могутъ быть въ человѣческихъ силахъ, для предупрежденія повторенія подобнаго международного столкновенія въ будущемъ.

Эти статьи предназначались прежде всего для американцевъ, въ надеждѣ, что онѣ могутъ побудить общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ ознакомиться конкретно и въ деталяхъ съ точными цѣлями войны и съ методами и средствами, которыми эти цѣли могутъ быть достигнуты, и ихъ осуществленіе обезпечено, когда будутъ вырабатываться условія мира. Соединенные Штаты являются нейтральнымъ участникомъ этой войны, и они непосредственно и глубоко заинтересованы въ томъ, каковъ будетъ ея исходъ, не только на полѣ битвы, но и въ области политическихъ идей и программъ. Я надѣялся, конечно, какъ это и случилось, что за этими статьями будутъ слѣдить въ Европѣ, такъ что онѣ хоть сколько-нибудь помогутъ умственному сближенію, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, Соединенныхъ Штатовъ и Европы, на почвѣ обсужденія тѣхъ животрепещущихъ вопросовъ, которые онѣ разсматриваютъ.

Я хотѣлъ бы еще разъ повторить, что эти статьи не были написаны и напечатаны, какъ часть какой бы то ни было германофильской пропаганды за немедленный миръ, и что онѣ не находятся ни прямо, ни косвенно, ни въ какой связи съ какой бы то ни было организаціей или теченіемъ, которыя здѣсь или въ другихъ странахъ стремятся къ скорѣйшему заключенію мира на основѣ затяжной войны. Лишь по чистой случайности, и не по счастливой случайности, эти статьи попали въ печать въ такое время, когда такія организаціи и теченія настойчиво привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе.

Я хотѣлъ бы замѣтить также, что я былъ бы болѣе

удовлетворенъ, а также болѣе польщенъ, еслибы мои корреспонденты дали себѣ трудъ прочитать эти статьи, прежде чѣмъ нападать на нихъ или одобрять ихъ.

Космосъ.

V.

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ КОСМОСА.

(Изъ Нью-Йоркскаго Times за 18 декабря).

Въ серіи статей, которую Космосъ помѣстилъ на столбцахъ Times, и шестнадцатая и заключительная статья которой появилась сегодня, намъ дано было услышать голосъ разума среди бряцанія оружія. Его темой были условія, на которыхъ по окончаніи войны можетъ быть основанъ прочный миръ. Ему позволило взяться за эту тему ясное пониманіе того соперничества интересовъ, тѣхъ политическихъ неурядицъ и тѣхъ ложныхъ идеаловъ, изъ которыхъ выросла война; и онъ пришелъ къ своимъ заключеніямъ, исходя изъ требованій справедливости и изъ глубокаго убѣжденія, что результатомъ этой войны должны быть гарантіи противъ будущаго войны. Статьи Космоса вызвали нѣкоторыя нападки, и еще въ большей степени онѣ послужили толчкомъ для дискуссіи. Онѣ представляютъ широкую постановку вопроса о тѣхъ перемѣнахъ, которыя послѣ войны явятся существеннымъ условіемъ устойчиваго мира.

Во вступительной фразѣ девятой статьи, авторъ повторяетъ тѣ условія, которыя, по его мнѣнію, должны лечь въ основу мира, для того чтобы онъ былъ длительнымъ:

«Въ предыдущемъ изложеніи мы дали очеркъ такого разрѣшенія вопросовъ выдвинутыхъ войной, которое обезпечило бы свободное національное развитіе для всѣхъ государствъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, утвердило бы принципъ «открытой двери» въ междуна-

родной торговлѣ и принципъ свободы частной собственности на морѣ, кромѣ контрабанды, отъ захвата и разрушенія, вернуло бы Эльзась-Лотарингію Франціи, а также отдало бы во власть Россіи Дарданеллы и Босфоръ».

Остается та другая цѣль войны, о которой г. Асквиль сказалъ, что пока она не будетъ осуществлена, Великобританія ни въ какомъ случаѣ не вложитъ въ ножны мечъ, который она не съ легкимъ сердцемъ взяла въ руки,—именно полное и окончательное разрушеніе прусскаго милитаризма, того «прусскаго душевнаго склада», какъ Космосъ называетъ его, который сдѣлалъ Германію милитаристскою націей. Остается также возмѣщеніе въ пользу Бельгіи со стороны Германіи и въ пользу Сербіи со стороны Австріи.

Въ заключительныхъ статьяхъ этой серіи тѣ постоянныя мѣры предохраненія отъ войны, которыя націи должны будутъ принять,—лига всѣхъ для обезпеченія мира для всѣхъ, созданіе слѣдственныхъ комиссій для разсмотрѣнія причинъ разногласій, и Международный Судъ,—обсуждаются съ замѣчательною широтою взглядовъ и съ яснымъ пониманіемъ какъ того, къ чему надо стремиться, такъ и тѣхъ трудностей, которыя стоятъ на пути. Особенно поучительнымъ является обсужденіе характера тѣхъ мѣръ, которыя должны будутъ послужить санкціей и обезпечить исполненіе соглашеній между націями, которыя должны имѣть обязательный характеръ, для того чтобы они могли представлять какую-нибудь пользу; а также разсмотрѣніе той роли, которую Соединенные Штаты, въ виду ихъ доктрины Монро и ихъ традиціонной незаинтересованности въ европейской политикѣ, могутъ взять на себя, не нарушая своихъ интересовъ и принциповъ. Авторъ обращается къ нашему народу и къ нашимъ штатамъ съ словами наставленія и предостереженія противъ тѣхъ послѣдствій, которыя будутъ неизбежны, если они не придутъ къ ясному сознанію національнаго долга и служенія націи,—и всѣмъ американцамъ не мѣшаетъ прислушаться къ этимъ словамъ.

Нью-Йоркскій *Times* убѣжденъ, что тѣмъ, что онъ обратился къ Космосу за этими статьями, онъ сослужилъ службу, цѣнность которой станетъ до поразительности очевидной, когда, послѣ войны, условія мира, во всемъ ихъ многообразіи, со всѣми ихъ послѣдствіями и отраженіями, должны будутъ пройти черезъ испытаніе практическаго обсужденія. Космосъ представилъ не просто условія и пункты, а фундаментальные принципы.

Указатель Собственныхъ Именъ

- Аббатъ де-Свѣтъ-Пьерръ, 92.
Австралія, 10, 12, 15.
Австро-Венгрія, 5, 31, 38, 83,
86, 102, 121.
Адамсъ Джонъ, 29.
Азіатская Доктрина Монро, 121.
Азія, 49, 53, 98, 109; Малая—
49, 52.
Америка, 61, 98.
Американскій Институтъ Меж-
дународнаго Права, 66.
Англія, 13, 15, 33, 34, 54, 55,
62, 70.
Апшотоксъ, 60.
Аргентина, 31, 107.
Асквиль, 7, 10, 56, 59, 93, 94.
Африка, 98, 108; Южная 10,
12, 15.
Балканскій полуостровъ, 49, 52.
Бельгія, 6, 10, 12, 13, 22, 32,
38, 64.
Бентамъ, 93.
Берлинскій Конгрессъ, 55.
Бетманъ-Гольвегъ, фонъ, 8, 9,
10, 14, 23, 64, 94, 119.
Биконсфильдъ, лордъ, 55.
Бисмаркъ, 44, 63, 106.
Бланъ, Луи, 42.
Блэкстонъ, сэръ Уильямъ, 70.
Болгарія, 32.
Борденъ, сэръ Робертъ Лардъ,
33.
Бордо, 42; Бордосскій про-
тестъ, 43.
Босфоръ, 52, 54, 56, 65 прим.
Бразилія, 31.
Брайнтъ, Джонъ, 18.
Брентано, 18.
Брианъ, Аристидъ, 37.
Bund Neues Waterland, 23.
Буржуа, Леонъ, 76.
Бурцевъ, В., 51.
Бутлеръ, Николасъ Муррей, 68.
Бэконъ, Робертъ, 86.
Бюловъ, князь фонъ, 13, 76.
Вагнеръ, 18.
Ватерло, 62.
Вашингтонъ, городъ, 66, 94.
Вашингтонъ, Джорджъ, 109, 110,
111.
Вебстеръ, Даниель, 112.
Великобританія, 4, 5, 6, 7, 10,
11, 12, 13, 15, 18, 19, 22, 24,
25, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 38,
63, 64, 65, 66, 70, 78, 82, 83,
86, 104, 118.
Венеццелла, дѣло о преимуще-
ственномъ удовлетвореніи, 78.
Вердэнъ, 4.
Wilhelmina, 28.
Вильсонъ, 99, 107.
Вліяніе морской мощи на исто-
рію, Махена, 25.
Вѣна, 39.
Вѣра-Круць, 103.
Гаага, 80, 84, 95.
Гаагская. Первая Конферен-
ція, 29, 30, 72, 74, 75, 76, 77,
87, 97, 122; Вторая Конфе-
ренція, 30, 31, 72, 80, 83, 84,
85, 87, 90, 98, 122.
Гаагскій трибуналъ, 78, 80.
Гадсденъ. Договоръ, заключен-
ный—, 104.
Гамбетта, Леонъ, 42.
Гамильтонъ, Александръ, 70.
Гвадалупа Гидальго, договоръ
въ—, 104.
Германія, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12,
13, 14, 15, 16, 21, 22, 23, 24,
25, 26, 28, 31, 32, 35, 38, 40,

- Сомма. Сраженіе на—, 4.
 Сомнеръ, профессоръ Уильямъ Г., 21.
 Союзныя державы. Экономическая Конференція—, 19.
 Страсбургъ, 41, 45.
 Судъ. Третейскій— 75, 77, 80; Международный—, 38, 71, 72, 76, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 94, 97, 99, 101, 121; Международный приво-вой—, 84; Верховный— Со-единенныхъ Штатовъ, 70, 81, 82, 87, 88.
 Съверо-Атлантическіе рыбныя промыслы. Дѣло о—, 78.
 Сэльсбери, Лордъ, 55.
 Сэнъ-Шерръ, аббатъ де, 92.
 Сэссексъ, 34.
 Таллайранъ, 39.
 Тальботъ, Лордъ Канцлеръ, 70.
 Тампико, 103.
 Тихій Океанъ, 53.
 Торговля. Договоръ о Дружбѣ и— съ Пруссіей, 29.
 Трейчке, 46.
 Третейскій трибуналъ, 72, 75, 77, 80.
 Тринадцатилѣтняя война, 45.
 Ерубейкой, князь Евгенийъ, 54.
 Турція, 32, 54, 121.
 Уайтъ, Андрию Д., 76, 77.
 Утрехтскій миръ, 92.
 Уэльсъ, 13.
 Фалькенгайнъ, генералъ фонъ, 50.
 Фихте, Иоганнъ Готтлибъ, 125.
 Фондъ. Дѣло о религіозномъ—, 78.
 Франклинъ, Бенъяминъ, 29.
 Франція, 16, 22, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 54, 55, 62, 63, 65, 66, 76, 78, 83, 86, 95, 104, 118, 120.
 Французская Революція, 45, 50.
 Фридрихъ Великій, 50.
 Фридрихъ Вильгельмъ III, 126.
 Холлсъ, Фридрихъ В., 76.
 Хуэрта, генералъ, 103.
 Хэй, Джонъ, 29.
 Царь, 74, 121.
 Циркулярная нота Россіи, 30, 73.
 Чемберленъ, Хаустонъ, 59.
 Черногорія, 32.
 Черное море, 49, 54.
 Швейцарія, 57.
 Швеція, 31.
 Шлезвигъ-Гольштейнъ, 13.
 Шмоллеръ, 18.
 Шотландія, 13.
 Эвебери, Лордъ, 32.
 Эгейское море, 49.
 Einkeisungspolitik, 53.
 Эльзасъ, 13, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 56, 65 прим.
 д'Эстурнель-де-Констанъ, ба-ронъ, 76.
 Южно-африканская война, 11.
 Японія, 32, 66, 78, 86, 104, 121.

D
613
B88

Butler, Nicholas Murray
Osnovy prochnago mira

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
